
НОВАЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Р. А. МАНАСЕРЯН

ГУННЫ
В ОТНОШЕНИЯХ
С БЛИЖНИМ ВОСТОКОМ
И РИМСКИМ ЗАПАДОМ

СЕРИЯ
НОВАЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИССЛЕДОВАНИЯ

Серия основана в 2016 году
и продолжает основанную в 1996 году
серию «Византийская библиотека»

*Инициаторы: Дмитрий
Борисович Кудряков,
Центр «Белорусская
культура»
Дмитрий Александрович
Золотухин*

СЕРИЯ
НОВАЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

*В состав редколлегии
серии «Византийская библиотека»
в разные годы входили выдающиеся ученые*

С. С. Аверинцев, Г. Л. Курбатов, В. В. Кучма,
Г. Г. Литаврин, Я. Н. Любарский, Д. Д. Оболенский,
А. А. Чекалова, И. С. Чичуров, И. И. Шевченко

Редколлегия серии «Византийская библиотека»:

С. П. Карпов (председатель),
Н. Д. Барабанов, М. В. Бибииков, С. А. Иванов,
митрополит Иларион (Алфеев), Г. Е. Лебедева,
И. П. Медведев, Г. М. Прохоров,
Р. М. Шукуров, И. А. Савкин

Р. А. МАНАСЕРЯН

ГУННЫ

В ОТНОШЕНИЯХ С БЛИЖНИМ ВОСТОКОМ И РИМСКИМ ЗАПАДОМ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЯ
2019

УДК 94(369.1)"04"

ББК 63.3(0)4

М 230

*Рекомендовано к печати
Ученым советом Института востоковедения
Национальной Академии Наук Республики Армения*

Рецензент:

академик НАН РА, доктор исторических наук
Р.А. Сафрастян

Манасерян Р. Л.

М 230 Гунны в отношениях с Ближним Востоком и Римским Западом / Р.Л. Манасерян. – СПб.: Алетей, 2019. – 118 с. – (Серия «Новая Византийская библиотека. Исследования»).

ISBN 978-5-907115-35-4

В книге рассматриваются малоисследованные вопросы политической истории европейских гуннов. На основе свидетельств ранее неиспользованных источников автор предлагает новое видение истории выхода гуннов на международную арену (датировка, политические обстоятельства, исходное местонахождение, отношения с Римской империей). В работе выявлены политика и дипломатия Аттилы в связи с планом совершить поход против Ирана в 449–450 гг., особенности мировосприятия Аттилы и их влияние на его политику и другие вопросы.

Книга предназначена для историков и широкого круга читателей, интересующихся древней историей.

УДК 94(369.1)"04"
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-907115-35-4

9 785907 115354

© Р.Л. Манасерян, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

В обширной литературе по истории европейских гуннов не был исследован ряд важных свидетельств в трудах Филосторгия, Приска Панийского, Павстоса Бузанда, Лазаря Парпского. Изучение этих данных позволяет осветить такие вопросы гуннской истории, как внешнеполитическая активность гуннов перед их миграцией в Причерноморье и Подунавье; деятельность их вождей, возглавивших это движение; локализация региона кочевий гуннов — «их страны» до перехода ими Волги; политика Аттилы в отношении Востока — Северного Причерноморья, Армении и Ирана в 448–449 гг. и связь этой политики с ситуацией в Закавказье в 449–451 гг.

В настоящей работе рассматриваются также мировосприятие и идеология Аттилы. Учитывая их особенности станет возможным, как мы полагаем, выявить причины одного из важнейших его решений — отказа от похода на Рим после победного вторжения в Италию летом 452 г.

Отмеченные вопросы выходят за рамки собственно гуннской истории и могут быть исследованы в широком контексте международных отношений эпохи.

ГЛАВА 1

ПРИСК ПАНИЙСКИЙ И ПАВСТОС БУЗАНД О ПОХОДЕ ГУННОВ В МИДИЮ

Вопросы истории гуннов в канун их миграции в Причерноморье и Подунавье

В сочинении Приска Панийского, важнейшем источнике по истории гуннов эпохи Аттилы, имеется рассказ о походе гуннов в Мидию, против персов. Приск был участником восточно-римского посольства во главе с Максимином к Аттиле в 449 г. В ставке гуннского правителя он узнал об этом походе от Ромула, западно-римского посла к Аттиле. Сведения о нем Ромул получил непосредственно от гуннов. Он сообщил их Приску, обсуждая с ним замыслы Аттилы о нападении на Иран.

«Ромул сказал, что страна мидян находится не на большом расстоянии от Скифии и гуннам несколько небезызвестен этот путь. Уже давно они совершили в нее вторжение, когда их страну охватил голод, а римляне, вследствие начавшейся тогда войны, не вмешались. Пришли в страну мидян Басих и Курсих, впоследствии прибывшие в Рим для (заключения) военного союза, мужи из царских скифов и вожди большого числа (гуннов. — Р. М.). Перешедшие говорили, что они прошли пустынную страну и переправились через какое-то

озеро, которое как полагал Ромул было Меотидой, и по прошествии пятнадцати дней, перейдя какие-то горы, вторглись в Мидию. Пока они грабили и опустошали набегами страну, выступившее (против них) большое персидское войско наполнило стрелами над ними небо, так что они из страха перед опасностью обратились вспять и перешли горы, унося мало добычи, так как большая часть была отнята мидянами. Опасаясь преследования со стороны врагов, они повернули на другую дорогу и миновав пламя, поднимавшееся из подводной скалы... дней пути пришли на свои становища»¹.

Рассказ Приска Панийского о нашествии гуннов на Мидию и их столкновении с иранской армией не содержит прямых хронологических указаний. Попытки определить время этого единственного в своем роде события образуют хронологический разброс от конца III века (290 г.) по 448 год. Г. С. Дестунис относит поход гуннов ко времени после 376 г.² М. И. Артамонов и О. Мэнчен-Хелфен датируют поход гуннов в Иран 395 г.³, Е. А. Томпсон

¹ Prisci Panitae fragmenta // C. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum, Paris, 1868, T. IV. p. 90: «... ἔλεγεν ὁ Ῥομόλος μὴ πολλῶ διαστήματι τὴν Μῆδον ἀφεστάναι τῆς Σκνθικῆς, οὐδὲ Οὐννοὺς ἀπείρους τῆς ὁδοῦ ταύτης εἶναι, ἀλλὰ πάλα ἐς αὐτὴν ἐμβεβληκέναι, λιμοῦ τε τὴν χώραν κρατήσαντος, καὶ Ῥωμαίων διὰ τὸν τότε συνιστάμενον πόλεμον μὴ συμβαλλόντων· Παρεληλυθέναι δὲ ἐς τὴν Μῆδον τὸν τε Βασίχ καὶ Κουρσίχ τοὺς ὕστερον ἐς τὴν Ῥώμην ἐληλυθότας εἰς ὁμαίχμιαν, ἄνδρας τῶν βασιλείων Σκυθῶν καὶ πολλοῦ πλήθους ἄρχοντας· Καὶ τοὺς διαβεβηκότας λέγειν, ὡς ἔρημον ἐπελθόντες χώραν καὶ λίμνην τινὰ περαιωθέντες, ἦν ὁ Ῥομόλος τὴν Μαιώτιν εἶναι φετο, πέντε καὶ δέκα διαγενομένων ἡμερῶν ὄρη τινὰ ὑπερβάντες ἐς τὴν Μηδικὴν ἐσέβαλον· Ληίζομένοις δέκατι τὴν γῆν κατατρέχονσι πλῆθος Περσικῶν ἐπέλθον τὸν σφῶν ὑπερκειμένον ἀέρα πλῆσαι βελῶν, ὥστε σφῶς δέει τοῦ κατασχόντος κινδύνου ἀναγορῆσαι εἰς τοῦπίσω καὶ τὰ ὄρη ὑπεξελεθεῖν, ὀλίγην ἄγοντας λείαν· ἢ γὰρ πλείστη ὑπὸ τῶν Μῆδων ἀφήρητο· Εὐλαφομένουσ δὲ τῶν πολεμίων δίοισιν ἑτέραν τραπήναι ὁδὸν, καὶ μετὰ τὴν ἐκ τῆς ὑφάλου πέτρας ἀναφερόμενην φλόγα ἐκέθιν πορευθέντας ... ἡμερῶν ὁδὸν ἐς τὰ οἰκεία ἀφίκεσθαι». В последнем сообщении исследователи Г. С. Дестунис (см.: Г. С. Дестунис. Сказания Приска Панийского /Изд. //Ученые записки Второго отделения Императорской Академии наук. Кн. VII. Вып. I, СПб., 1861, с. 65) и Й. Маркварт (J. Marquart. Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci, Berlin, 1901, s. 97) видят указание на Апшеронский полуостров, который гунны миновали, отступая вдоль побережья Каспийского моря (через Дербентский проход). (Известие Приска приводится, в основном, в основном, в нашем переводе, но с учетом переводов Г. С. Дестуниса и В. В. Латышева.)

² Г. С. Дестунис. Сказания Приска Панийского, с. 63–64.

³ М. И. Артамонов. История хазар, Ленинград, 1962, с. 53; О. Maenchen-Helfen. The World of the Huns. Berkeley, 1973, pp. 52–57.

— 415–420 гг.¹, К. Г. Гордон — 423–425 гг.², А. В. Гадло — 430-ми гг.³, О. Зеек — «серединой V века»⁴, Н. В. Пигулевская — 448 г.⁵ Сразу два различных мнения, не приведя обоснований в пользу ни одного из них, высказывает Ф. Альтгейм: гунны совершили поход в Мидию в 290 г.⁶; тот же поход имел место в середине IV века, до вторжения гуннов в южно-русские степи⁷. Й. Маркварт, рассматривавший маршрут гуннского похода, не затрагивал вопроса о его времени⁸. А. Н. Бернштамом, Л. Н. Гумилевым, Е. Ч. Скржинской поход гуннов в Мидию не рассматривался⁹.

Необходимо заметить, что интерпретация сообщения Приска, т. е. его включение в контекст международных отношений на Ближнем Востоке, как и истории собственно гуннов, требует его согласования с фактами военно-политической истории стран закавказского региона, их отношений с Ираном, что однако не проводилось в исследованиях, затрагивавших поход гуннов в Мидию. Крупномасштабное вторжение гуннов из-за Кавказа через Иберию и Армению в Мидию должно было получить отражение в армянской историографии V века, в поле зрения которой всегда находились отношения армян, иберов, албанов с кочевниками предкавказских степей.

¹ E. A. Thompson. A History of Attila and the Huns, Oxford, 1948, pp. 30–31. Та же датировка в новом издании: E. A. Thompson. The Huns. Revised and with an afterword by P. Heather, Oxford, 1999. (Blackwell publishers) p. 35. (Далее ссылки даются по этому изданию).

² C. G. Gordon. The Age of Attila. Fifth-century Byzantium and the Barbarians. New York 1960 (1993), p. 202, n. 54. Свою датировку К. Г. Гордон предлагает без аргументации.

³ А. В. Гадло. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Ленинград, 1979, с. 49–50.

⁴ Seeck. Basich // RE III I (1897) Col. 41.

⁵ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР, М.-Л., 1941, с. 45–46.

⁶ F. Altheim. Attila et les Huns, Paris, 1952, p. 51.

⁷ F. Altheim. Attila et les Huns..., p. 130.

⁸ J. Marquart. Eranšahr nach der Geographie..., s. 96–97.

⁹ А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов, Ленинград, 1951; Л. Н. Гумилев. Хунну, Средняя Азия в древние времена, М., 1960; Он же. Хунны в Азии и Европе // Вопросы истории, 1989, № 7; Е. Ч. Скржинская, Вступительная статья, перевод, комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов, Санкт-Петербург, 1997.

Поход гуннов в страны Восточного Средиземноморья в 395 г.

Внимание исследователей привлекали сообщения сирийских и греко-римских авторов о вторжении племени под названием гуннов через Кавказ в пределы Римской империи в 395 году.

Согласно Иешу Стилиту (начало VI г.), гунны в правление императоров Гонория и Аркадия в 395/6 г. разорили Сирию¹. Хроника Бар-Эбрея (XIII в.) среди стран, пострадавших от гуннского нашествия, датируемом ею июлем 397 года, вместе с Сирией называет Каппадокию². Об опустошительном нашествии из-за Кавказа кочевников на восточно-римские провинции в 395 г. сообщают Кл. Клавдиан (Claud. Adv. Ruf. 2. 25), Св. Иероним (Hier., Ep., 67, 8; 60, 16), Филосторгий (Philostor., I. XI, 8), Сократ Схоластик (Socr., I, VI, с. I), Созомен (Soz., I, VIII, с. I).

М. И. Артамонов и О. Мэнчен-Хелфен полагают, что одновременно с вторжением в пределы Римской империи гунны вторглись в Мидию, т. е. напали на Иран³. Это мнение принято в ряде работ⁴. Согласно М. И. Артамонову, гуннская орда «вступила в Мидию, т. е. в персидские владения в Закавказье, откуда разлилась чуть ли не по всей Передней Азии»⁵. Далее среди стран, разоренных гуннами, М. И. Артамонов отмечает, ссылаясь на Иешу Стилиту и Бар-Эбрея, Сирию и Каппадокию. Здесь нельзя не указать на отступление от свидетельств источников. Вопреки сообщению Приска о возвращении гуннов из Мидии на родину вдоль побережья Каспия, исследователь допускает вторжение гуннов из Мидии в Сирию и Каппадокию, т. е., согласно последовательности, какая выстраивается из его изложения, гунны для вторжения в Сирию должны были пройти Северную Месопотамию с востока на запад, перейдя Тигр и Евфрат. Такой маршрут противоречит сообщениям Клавдиана, Филосторгия, Св. Иеронима о пути

¹ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники... с. 40–41.

² Н. В. Пигулевская. Сирийские источники... с. 39.

³ М. И. Артамонов. История хазар... с. 53. O. Maenchen-Helfen. The World of the Huns... pp. 52–57.

⁴ R. Frye. The History of Ancient Iran. Munchen, 1984, p. 318.

⁵ М. И. Артамонов. История хазар, с. 53.

гуннского вторжения в 395 г., которое четко прослеживается в направлении с севера на юго-запад: через «Каспийские ворота» по Армении в Каппадокию, Киликию и Сирию. Эти страны захватываются одна за другой¹. Точный перечень римских провинций, пострадавших от гуннского нашествия, дает Филосторгий: гунны «через Великую Армению ворвались в область называемую Мелитиной, отсюда они напали на Евфратезию, проникли до Келесирии, и пройдя через Киликию, произвели невероятную резню людей» (Philostor. L. XI, 8). Упомянутая Филосторгием Мелитина — административный центр Второй Армении — римской провинции, которая была выделена между 378–386 гг. из провинции Малой Армении² и включала часть исторической Каппадокии. Евфратезия располагалась по западному берегу верхнего Евфрата. Св. Иероним пишет об осаде кочевниками Антиохии и страхе населения Финикии, Палестины и Египта в ожидании нападения варварской орды.

Следует, конечно, иметь в виду, что ни в одном из источников по походу гуннов в восточные провинции Римской империи (395 г.), не говорится об одновременном их вторжении в Мидию. Со своей стороны, в рассказе Приска действия гуннов ограничиваются исключительно Мидией, об их походе сообщается как об изначально антиперсидской по замыслу акции³.

¹ «...другие Каспийским проходом по некоторым тропам сквозь армянские снежные кручи (Atmeniasque nives) валом катят на богатый Восток. Дымится пожаром Каппадокийский Аргей, где пасутся летучие кони, Галис кровью течет и горы уже не защита для Киликийской земли. Пустеют уголья привольной Сирии; мчатся копыта врагов по долине Оронта...» (Клавдиан, Против Руфина / Пер. М. Л. Гаспарова // Поздняя Латинская поэзия, М., 1982, с. 227).

² Н. Адоңц. Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908; переизд.: Ереван, 1971, с. 88–89.

³ О. Мэнчен-Хелфен (*Maenchen-Helfen*. The World of the Huns, p. 54) относит поход Басиха и Курсиха в 395 год, однако основывает свой вывод на откровенно произвольном подходе к фактическому материалу.

Так, процитировав рассказ Приска, он утверждает: «Переписчики, которые делали извлечения, сократили текст». (*O. Maenchen-Helfen*. Op. cit. p. 54). И уже далее заключает: «Ромул, явно, говорил о вторжении гуннов и на римскую территорию, однако переписчики опустили все, что не имело прямого отношения к вторжению в Персидскую страну». («Evidently, Romulus spoke also about the Hun incursion into Roman territory, but the scribes omitted everything that had no immediate bearing on the invasion of Persian lands», op. cit. p. 54.)

Необходимо отметить, что нападение кочевников на страны Восточного Средиземноморья относится ко времени установления сюзеренитета Сасанидов над армянскими Аршакидами в результате раздела Армении между Римской империей и Сасанидской державой в 387 г., по договору Феодосия I с Шапуром III¹. Отныне Сасаниды были властны распоряжаться армянским престолом по собственному усмотрению. В 385 г. военная интервенция персов привела к изгнанию Аршака III и его замене Хосровом III, который, вскоре, обвиненный в неверности Сасанидскому шахиншаху, был свергнут им в пользу своего брата Врамшапуха (388–415 гг.).

Армянские авторы — Лазарь Парпский и Моисей Хоренский, информирующие нас об этом периоде истории Армении, ничего не говорят о гуннском вторжении в их страну. Трудно допустить, чтобы нашествие кочевой орды, произведенный ею грабеж и полон могли остаться ими незамеченными. В их из-

В «обоснование» своей мысли о сокращении переписчиками текста Приска, О. Мэнчен-Хелфен ссылается на сокращенность рассказа Приска о находке «меча Марса», который был использован Аттилой в идеологических целях.

Параллель, к которой прибегает автор, основана на явной натяжке. Если фрагмент о мече Марса, действительно, почти полностью утрачен, можно сказать, сокращен и, в целом, известен благодаря Иордану, то рассказ о Басихе и Курсихе дошел в целостном и связном виде. Автор, тем не менее, допускает неверную аналогию, так как в действительности настаивает на факте не механического сокращения текста, что могло иметь место в первом случае, а на целенаправленном его искажении переписчиками, изменении его содержания. (Вывод о вмешательстве в авторский текст требует соответствующего анализа, что, разумеется, автор не проводит). Очевидно, что процитированные утверждения О. Мэнчена-Хелфена представляют собой явные домыслы. О. Мэнчен-Хелфен придумывает переписчиков-фальсификаторов, чтобы сделать нужный для себя вывод будто Ромул говорил о вторжении гуннов и на римскую территорию. При этом О. Мэнчен-Хелфен не считает нужным пояснить, кому и зачем понадобилось сфальсифицировать именно данный текст Приска, тщательно и последовательно скрывать нападение Басиха и Курсиха на Римскую империю. Нельзя не сказать, что рассмотренный пример подхода О. Мэнчена-Хелфена к историческому материалу не соответствует элементарным требованиям, предъявляемым к научному исследованию. Воззрения О. Мэнчена-Хелфена на общественный строй гуннов были подвергнуты справедливой критике в российской исторической науке. (См.: Ермолова И. Е., Общественный строй гуннов последней четверти IV — начала V в. // Древнейшие государства на территории СССР, Материалы и исследования, 1982, М., 1984, с. 229–238, с. 237).

¹ Н. Адоңц. Армения в эпоху Юстиниана... с. 28; R. Grousset. Histoire de l'Arménie des origines a 1071, Paris, 1973, p. 164.

ложении ход различных событий в политической и культурной жизни Армении ни разу не прерывается вражеским вторжением извне. Молчанию армянских историков, казалось бы, противоречат утверждения Клавдиана, Филосторгия, Сократа, Созомена о проходе гуннов через Армению (δι' Ἀρμενίας μεγάλης, как поясняет Филосторгий). Но это противоречие легко устранимо, если учесть, что путь гуннов за Евфрат, в римскую провинцию Вторая Армения с центром в Мелитине пролегал через северо-западные, окраинные области Армянского царства (гавары Даранали, Екелесена, Спер), которые после его раздела по римско-иранскому договору в 387 г. отошли к Римской империи. Непосредственно римской администрацией они управлялись с 391 г.¹ Иначе говоря, в 395 г. гунны обошли, находившееся под протекторатом Сасанидского Ирана, Армянское царство Врамшапуха в центральной Армении, т. е. явно учитывали великодержавные интересы Сасанидов. Таким образом, политическая ситуация в закавказском регионе должна быть учтена в качестве веского свидетельства против датировки похода, о котором сообщает Приск, 395 годом.

Привлечение данных об этническом составе кочевников, участвовавших в походе 395 г. и местах их обитания, дает дополнительные свидетельства об ошибочности отнесения похода Басиха и Курсиха к гуннскому вторжению 395 года и, в частности, может объяснить причины проиранской ориентации, продемонстрированной кочевниками в ходе их похода за Кавказ в 395 г.

Как отмечает Н. В. Пигулевская, в сирийском переводе «Жития» Петра Ивера кочевники, напавшие на восточные провинции Рима, названы белыми гуннами и они же, по определению источника, «соседи иверов»². Согласно ее выводу «свидетельство это имеет, конечно, выдающееся значение для установления гео-

¹ Отошедшие к Римской империи по договору 387 г. армянские области продолжали у римлян называться Великой (Большой) Арменией (см.: *Адонц. Армения в эпоху Юстиниана*, с. 29).

² Н. В. Пигулевская. *Сирийские источники*..., с. 37. Здесь же приведен перевод свидетельства источника: «он взял с собой белых гуннов, бывших соседями иверов».

графических пределов распространения именно белых гуннов»¹. «Белые гунны» в самом конце IV века населяли Предкавказскую степь². Подтверждение этого вывода можно найти в (не привлеченных Н. В. Пигулевской) сообщениях Филосторгия о гуннском нашествии 395 г., о восточных пределах расселения гуннов в Европе.

Согласно Филосторгию в 395 г., одновременно с вторжением в страны Восточного Средиземноморья, гунны напали и на Балканские провинции империи.

Гунны «завладевшие большей частью Скифии за Дунаем», «затем перешли замерзшую реку» и «разлившись по Фракии, опустошили всю Европу» (Philost. Ec. hist. l. V, p. 602).

Европа, которую гунны опустошили после захвата Фракии, — это, вне всяких сомнений, прилегавшая к предместьям Константинополя небольшая провинция фракийского диоцеза «Европа», включавшая побережье Пропонтиды вместе с Галлипольским полуостровом. Той же зимой 394/395 г. гунны, жившие по словам Филосторгия, на востоке (οἱ δὲ πρὸς ἤλιον ἀνίσχοντα), перейдя реку Танаис (τὸν Τάναϊν ποταμὸν διαβάντες — Philost. op. cit.), вторглись в восточно-средиземноморские провинции. Путь их пролегал, несомненно, через Дербентский проход³.

Из приведенного известия Филосторгия, со всей очевидностью, следует что Восточную империю одновременно и, как кажется, скоординированно атаковали две большие гуннские группировки. Первая из Подунавья, а вторая (восточная), выступив в поход в Восточное Средиземноморье, перешла Танаис-Дон, т. е. проживала в Причерноморских степях к западу от Дона, служившего ей восточной границей. Таким образом, сообщение Филосторгия о переходе гуннами в 395 г., Дона в восточном направлении предстает определяющим в вопросе об ареале гуннских племен в целом, после их миграции на запад, и не позволяет ото-

¹ Н. В. Пигулевская. *Сирийские источники*..., с. 38.

² Н. В. Пигулевская. *Сирийские источники*..., с. 38.

³ Еще Тацит (*Tac. An.*, VI, 33) отмечал, что Дербентский проход (— Caspia claustra — Claud. Adv. Ruf. l. II, 25-35) был открыт для прохождения в зимнее время.

ждестьвить гуннов, проживавших согласно Филосторгию на востоке, с «белыми гуннами»¹.

Данный факт дает основание ограничить берегами Дона ареал расселения на востоке акациров — крупного гуннского племени в Причерноморской степи (Prisc. Frag. 8) и видеть в них наряду с соросгами участников похода за Кавказ в 395 г.²

Итак, свидетельства Филосторгия согласуются с информацией «Жития» Петра Ивера о «белых гуннах» и позволяют полагать, что за Доном, между Азовом и Каспием в последней четверти IV в. (помимо оставшихся в Предкавказье алан) присутствовала именно эта группа кочевников.

Во второй половине V века Приску Панийскому были известны кочевники южно-русской степи — сарагуры, уроги, оногуры, (Prisc. Frag. 30), на которых, однако, не распространялось название «белых гуннов». Должно быть, выделение автором «Жития»

¹ А. В. Гадло полагает, что в 395 г. «набег на восточные провинции был совершен гуннами Предкавказья» (А. В. Гадло. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв., Ленинград, 1979, с. 18). По его мнению, гунны совершившие набег, жили восточнее тех гуннов, которые согласно Филосторгию, «разграбили Европу». Понимая под упомянутой здесь Европой европейский континент, А. В. Гадло заключает, что Танаис у Филосторгия — не Дон, а Фасис (Риони), который, как он отмечает, в представлении многих античных писателей «был границей между Европой и Азией». (Исходя из этих представлений, автор и полагает, что поход в 395 г. совершили гунны Предкавказья.) В действительности, у Филосторгия речь идет о разорении, как уже было отмечено, небольшой провинции фракийского диоцеза Европы. После захвата провинций фракийского диоцеза — Мезии II и Фракии, путь кочевников лежал на юг, в Европу, т. е. к берегам Мраморного моря и предместьям Константинополя. К тому же, источники молчат о всеевропейском нашествии гуннов в 395 г., которое началось бы странным образом из Фракии и продолжилось в западных провинциях Империи. Следовательно, гунны двинулись в направлении Кавказа, перейдя Танаис-Дон, а акациры проживали в 395 г. не в Предкавказье (Гадло. Ук. соч., с. 25), а в Причерноморье и не восточнее Дона. Как отмечает З. В. Удальцова, Филосторгий «имел особую склонность к географии» (См.: З. В. Удальцова. Развитие исторической мысли // Культура Византии, Москва, 1984, с. 213) и потому трудно от него ожидать отождествление Танаиса с Фасисом — Дона с Риони.

² В 434 г., после подчинения Нижнего Подунавья, Атиллы и его брат Бледа развернули наступление в «Скифию» — Северное Причерноморье, где их противниками были соросги (Prisc. Frag. I. p. 72). По всей видимости, регион расселения этого племени приходился на западные области Северного Причерноморья, возможно, на берега Днестра. Племенной союз акациров локализуется, бесспорно, на востоке от соросгов. С уверенностью можно сказать, что до начала V века восточной границей акациров был Дон.

именно белых гуннов из всей массы кочевников южно-русских степей не случайность, но отражает реальный факт — рейд кочевников среднеазиатского (приаральского) региона в восточные провинции Римской империи, а также их временное перемещение на запад, в Предкавказскую степь вследствие ухода в Подунавье и Северное Причерноморье масс гуннов.

Как уже было отмечено, кочевники, разорившие в 395 г. Римский Восток, явно принимали в расчет великодержавные интересы Ирана. Они не вторглись на его территорию и даже не затронули Армянского царства Врамшапуха — вассала Сасанидского шахиншаха. Эти особенности их маршрута, надо полагать, отражают факт участия в походе племен, так или иначе, находившихся в сфере влияния Сасанидской державы.

Характер отношений среднеазиатских хионитов с Ираном позволяют видеть в них участников похода 395 г., (на хионитов как на «белых гуннов» указывала еще Н. В. Пигулевская)¹. Первоначальным регионом обитания хионитов признается Приаралье². В 356 г., хиониты атаковали иранскую границу в юго-восточном Прикаспии (Amm. Marc., XVI, 9, 4), но понесли поражение. Царь хионитов Грумбат признал Шапура II своим господином (dominus) и в 359 г. участвовал в походе иранских войск в римскую Месопотамию и осаде ими Амиды (Amm. Marc. XIX, 1,7). Этой зависимостью хионитов от Ирана вполне объясним тот факт, что иранские территории не понесли никакого ущерба от действий кочевников в 395 г.

После 359 г. и до возобновления хионитами борьбы с Ираном в 420–430 гг.³, уже по берегам Амударьи и в Маргиане, их история покрыта полным мраком. Вторжение кочевников в 395 г. из области северо-западного Прикаспия по Дербентскому проходу восполняет существующий здесь пробел и может отражать факт перемещения к этому времени хионитов из юго-восточного Прикаспия на север, в Приаралье и низовья Волги — места их ста-

¹ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники, с. 37.

² Е. Е. Неразик. Предки таджикского народа в IV–V вв. // История таджикского народа, Москва, 1963, т. 1, с. 414.

³ Е. Е. Неразик. Предки таджикского народа..., с. 409.

рых кочевий и, как полагает Н. В. Пигулевская, в Предкавказскую степь. Таким образом, имеются основания говорить об имевшем место в 395 г. совместном нашествии на Восток Римской империи двух групп кочевников-европейских гуннов (тиурок и угров) и хионитов (восточных иранцев)¹. У Дербентского прохода оба потока кочевников соединились, так как их движение, надо полагать, было скоординировано и направлено Иранской державой, которая к этому времени уже прочно утвердилась в Восточном Закавказье, на берегах Каспия. Албанский царь, владевший Каспийским проходом, еще в 359 г. вместе с Грумбатом, на положении вассала Шапура II, участвовал в походе на Амиду. (Артм. Магс. XIX, 1,7). Как справедливо замечает А. А. Кудрявцев, раздел Армении между Римской империей и Ираном в 387 г. «имел решающее значение для укрепления власти Ирана на всем Восточном Кавказе»² и «иранцы захватили контроль над проходом уже в конце IV в.»³.

Итак, данные о походе гуннов в рассказе Приска и о походе гуннов в восточно-римские провинции в 395-м году обнаруживают существенные расхождения. Различными были их цели, различными — их маршруты. Различия содержатся и в известиях о войнах римлян, которые в обоих случаях воспрепятствовали им вмешаться в события. Источники имеют в виду совершенно различные задачи, стоявшие перед римской стороной: в одном случае, как пишет Св. Иероним в своем письме, — защитить собственную территорию и в другом — вмешаться в военные действия на чужой территории — в гунно-иранский военный конфликт.

¹ По определению Л. Н. Гумилева европейские гунны сложились в результате «смешения тюркоязычных хунну и угорских племен Приуралья и Поволжья». См. Л. Н. Гумилев. Гунны // Советская Историческая Энциклопедия Т. 4. С. Г. Кляшторный отмечает «многоязычие гуннских объединений». См. С. Г. Кляшторный. Гуннская держава на Востоке // История древнего мира. Кн. 3. Москва 1982, с. 180.

² А. А. Кудрявцев. Древний Дербент, М., 1982, с. 70.

³ А. А. Кудрявцев. Ук. соч., с. 71.

Рассказ Приска Панийского и рассказ Павстоса Бузанда

В сообщении Приска имеются в виду обстоятельства, на которых, при всей их явности, следует остановиться. Как уже выше было отмечено, Приск подчеркивает изначально антиперсидскую направленность гуннского похода. Ромул в беседе с Приском отмечает этот поход к качеству прецедента планам Аттилы относительно вторжения в Иран через Дарьял, с целью обложения данью мидян, парфян и персов. Объектом нападения гуннов во главе с Басихом и Курсихом указана исключительно Мидия, хотя, подчеркиваем, гунны прошли по территории Иберии и Армении. Обе страны они пересекли с севера на юг. В связи с этим обстоятельством следует обратить внимание на отсутствие упоминаний о военных действиях гуннов против армян, а также на отсутствие упоминания об Армении (как и Иберии) в описании маршрута гуннских контингентов. Должно быть, с точки зрения самих гуннов переход по Армении не был отмечен для них чем-либо примечательным.

Ситуация, выявляющаяся в рассказе Приска — контрастность действий гуннов в отношении обеих соседних стран — Армении и Мидии, может получить объяснение только в свете армяно-иранских отношений, на протяжении длительного периода носивших конфликтный характер. Если только исходить из скудной информации Приска и задаться вопросом, каким могло быть отношение к участникам конфликта — гуннам и персам со стороны Армении, послужившей ничем иным, как плацдармом для кочевников, то в этом случае вырисовывается определенный политический интерес.

Отношения Армении с Ираном, внешнее и внутривосточное положение Иранской державы всегда находились в центре внимания армянских историков V в. — Агафангела, Павстоса Бузанда, Егише, Лазаря Парпского, Моисея Хоренского. Благодаря труду Егише известны три большие кампании Иездигерда II (438–457 гг.) в Средней Азии против хионитов и эфталитов¹.

¹ Е. Е. Неразник. Предки таджикского народа в IV–V вв. н. э. С. 410.

Он же, как известно, сохранил ценные сведения о народах Северного Кавказа — Дагестана и кочевниках восточного Предкавказья. Однако, ни Егише, ни Лазарь Парпский, ни Моисей Хоренский, давшие в своих трудах связную и целостную картину военно-политических событий не только в Армении, но и в закавказском регионе за период с 390 по 451 гг. (Моисей Хоренский — по 428 год), ничего не сообщают о вторжении гуннов через Армению в Мидию — факт, свидетельствующий безоговорочно против попыток отнести сообщение Приска к первой половине V столетия. Более того, вне внимания армянских историков не остались локальные по своему значению вторжения гуннов из предкавказских степей в северные регионы Закавказья — вторжения, которые были несопоставимы по своему масштабу с тем, о котором говорит Приск. Согласно Егише в начале 440-х гг. в ходе одного из таких нападений «гунн Херан разбил персидское войско в Албании, опустошил греческую страну и захватил много пленных и добычи у ромеев, армян, иберов и албанов»¹.

Из армянских историков только Павстос Бузанд, сочинение которого — главный источник по событиям IV столетия в Армении, сохранил известие о вторжении гуннов из-за Кавказа через Армению в Мидию. Гунны участвуют на стороне армянского царя Аршака в его войне с Ираном. Павстос Бузанд рассказывает: «Затем царь армянский Аршак собрал войска, собрал много войск подобно песку и пошел на Персидскую страну, а Васак² взял армянский полк и призвал на помощь гуннов вместе с аланами и пришли они на помощь Армянскому царству против персов. Тем временем персидский царь со всеми своими войсками приближался против них к Армянской стране, а они быстро достигли Атропатены и нашли персидского царя, вставшим лагерем в Тавреше (Тебриз — Р. М.) Спарпет Васак с двумястами тысячами напал на персидскую армию. Царь бежал один на коне, захватили добычу у всей пер-

¹ Եղիշե, Վասն Վարդանայ և հայոց պատերազմին (Երևան, 1989) VI, 207: (Егише, О Вардане и армянской войне. На древнеарм. яз., Ереван, 1989, VI, 270. «Գի կոտորեաց շեռանն այն զգորսն Պարսից յ Ադուանն, և սապատակաւ եհաս իերկիրն Յունաց, և բազում զերի և սապ խաղացոյց ի Հռոմաց և ի Հայոց և ի Վրաց և յԱդուանից»:

² Васак Мамиконян, спарпет — главнокомандующий армянских войск.

сидской армии, полностью истребили многочисленные войска персов и взяли добычи еще сверх той, что захватили. Всю страну Атропатену разорили на своих конях, разрушили до основания и пленных уводили много, подобно звездам»¹.

Рассказ Павстоса Бузанда еще не был сопоставлен с сообщением Приска, как впрочем и не было попыток точной датировки известия армянского автора. Сопоставление сообщений Приска и Павстоса Бузанда дает основание полагать, что в них речь идет об одном и том же событии. Они совпадают между собой в деталях и дополняют друг друга. Стилиевые особенности рассказа Павстоса Бузанда — сравнения с песком и звездами, подчеркивающие многочисленность войск и пленных, явно гиперболическая деталь — бегство Шапура одного на коне, несколько не могут умалить достоверности сообщаемого факта. Как и Приск, Павстос Бузанд говорит о вторжении гуннов в Атропатену, иначе говоря, в Мидию, о захвате ими большой добычи и пленных. Гунны вторгаются в Мидию (Атропатену) — северо-западные владения Сасанидской державы в качестве союзников армянского царя, и этот факт, как уже отмечалось, находит косвенное подтверждение в информации Приска. Движение соединенных сил армян, гуннов и алан на Тебриз показывает, что путь кочевников пролегал через политический и культурный центр Армении — Араратскую

¹ Փաւստոսի Բիւզանդացոյ, Պատմութիւն Հայոց ի և. 224(Երևան, 1987) (Չորրորդ դարութիւն). (Павстос Бузанд. История Армении. На древнеарм. яз. Кн. 4, гл. 25, Ереван, 1987, с. 224). «Ապա զորածողով լինէր Արշակ արքայ Հայոց, կուտէր առ ինքն զօրս բազումս իբրև զաւագ բազմութեամբ, և խաղայր ի վերայ աշխարհին Պարսից: Ապա առնոյր Վասակ զգնուրն Հայոց, և զՀննան հանդերձ Ալանօրն կոչել յօգնականութիւն, և հասանէր դիմէր յօգնականութիւն թագավորութեանն Հայոց ի վերայ Պարսից Այլն թագավորն Պարսից հանդերձ ամենայն իւրովք զօրօքն ի ժամանակի անդ յայնմիկ. բանդի և նա խաղաղացեալ գայր ի վերայ Հայաստան երկրին ընդդէմ սոցա ապա սորա վնասացեալք հասանէին յԱտրպատական. և գտանէին զբանակն արքային Պարսից և Թարէշ բանակեալ:

Հասանէր Վասակ սպարապետն հանդերձ քսան բիւրրօք, անկանէր ի վերայ բանակին Պարսից: Միաձի ճորոպեալ թագաւորն փախչէր և առնուին յաւարի զամենայն կարականն Պարսից բազմութեանն կոտորեցին, և առին աւար բազում ի բանակէն, զի ոչ գոյր սոցա թիւ: Ասպատակ ստուէալ առնուին զամենայն Ատրպատական երկիրն. բանդեալ բրէին զերկիրն, մինչև ի հիմանց կործանէին. և խաղաղացուցանէին զգերութիւն երկիրն քան զաստուդս բազմութեամբ»:

равнину с богатыми городами, столицей Арташатом, Вагаршапатом, Двином, и др. У Тебриза объединенные силы армян, гуннов и алан (по явно завышенным данным — 200000 человек) нанесли тяжелое поражение сасанидским войскам. Следует признать достоверным сообщение об этой битве, так как без нейтрализации персидских войск опустошить Мидию едва ли было возможно. Также согласно и Приску иранские войска атакуют гуннов не сразу, а лишь некоторое время спустя, когда те успели захватить в Мидии большую добычу. Можно было бы указать и на некоторые расхождения между Павстосом Бузандом и Приском, относящиеся к исходу кампании. Если Павстос Бузанд опускает изложение фактической стороны ее финала и говорит о победе армян и их союзников — степняков, то Приск сообщает о конечном успехе сасанидских войск, отбивших у гуннов большую часть добычи — захваченного скота, и вынудивших их уйти за Кавказ, в степь по Каспийскому побережью. Подчеркнем, что отмеченное расхождение касается детали, которая не затрагивает основной информации, но напротив делает ее более полной. К тому же, оно снимается в следующей главе труда армянского историка, в которой повествуется о возобновлении вторжений иранских войск в Армению.

Факт, сообщаемый Павстосом Бузандом и, как мы полагаем, Приском, относится к армяно-иранской войне, хронологические рамки которой устанавливаются точно: начавшись в 363 году, она завершилась в 367 году гибелью Аршака вследствие открытой измены нахарарства — армянской феодальной знати, его перехода на сторону Шапура II. Армяно-иранская война (363–367 гг.) явилась непосредственным продолжением неудачного похода императора Юлиана на Ктесифон. По мирному договору в июле 363 г., Римская империя вынуждена была уступить Сасанидскому Ирану ряд стратегически важных районов в Северной Месопотамии (крепость Сингару, Мигдонию с Низибисом) и др. Римско-иранское соглашение включало также обязательство римской стороны сохранять нейтралитет в войне Ирана против Армении — союзника Рима в римско-иранской войне 363 г. «Чтобы, — как поясняет Аммиан Марцеллин, — Аршаку, нашему верному и по-

стоянному другу, не была оказана помощь против персов» (Амм. Марс. XXV, 7, 12). С сообщением римского историка полностью совпадают данные армянской исторической традиции, сохраненной Павстосом Бузандом¹. «Затем между греческим царем и персидским царем Шапуром был установлен мир, — рассказывает Павстос Бузанд, — Греческий царь написал и скрепил печатью договор и передал Шапуру, персидскому царю. И было там написано так: «Даю тебе Низибис, что находится в Арвастане, Ассирийское Междуречье и отказываюсь от Срединной Армении; если можешь, победи их и поставь себе в услужение. Я им на помощь не приду»... И когда установился мир между царями греческим и персидским, персидский царь Шапур созвал войска и пошел войной на армянского царя Аршака»².

В 363 г. армянским войскам удалось отразить три глубоких вторжения персидской конницы в Армению. В 364 г., обойдя Аршака с юга (ожидавшего нападения со стороны Атропатены), персидские войска через Месопотамию совершили опустошительный поход в западные области Армении, откуда повернув на восток, вторглись на Араратскую равнину с севера, однако потерпели здесь поражение в ночной битве с войсками Аршака. Отбив натиск противника, Аршак с помощью гуннов и алан смог перенести военные действия на его территорию и нанести ему значительный урон. Организовать вторжение кочевников в Иран через Дарьял Аршаку возможно было при поддержке Иберии (Картли). Согласно Моисею Хоренскому, иберийские войска оказали поддержку Аршаку в борьбе с нахарарами, оставшими в 359 г.

¹ Эту особенность сообщения армянского автора отмечает Р. Груссе (*R. Grousset. Histoire de l'Arménie...* p. 140, n. 2).

² *Павстос Бузанд. История Армении*, кн. 4, гл. 21. «Այլ իբրև խաղաղութիւն ի մեջ թագաւորացն Յունաց և իր մեջ թագաւորին Պարսից Շապիոյ ուխտից նամակ գրեալ և կնքեալ տայր թագաւորն Յունաց թագաւորին Պարսից: Եւ գրեալ էր յուխտից նամակին այսպէս. Ետու քեզ, ասե, զիօրին քաղաք որ է յարուեստանի, և զՄիջագետս Ասորոյ, և մեջ աշխարհին Հայոց, ձեռնթափեմ, ասե, թէ կարասցես յախթել նոցա և արկանել ի ծառայութիւն, ես ի թիկունս ոչ եկից նոցա:... Այլ իբրև եղև խաղաղութիւն ի մեջ թագաւորին Յունաց և ի մեջ թագաւորին Պարսից, այնուհետև կազմէր զգորս իր թագաւորն Պարսից Շապուհ, և խաղաղ ի վերայ Արշակայ արքային Հայոց:»

Сообщение Павстоса Бузанда об участии кочевников южно-русских степей — гуннов и алан в борьбе Аршака с агрессией Сасанидов, рассмотренное отдельно от сообщения Приска, в контексте только армяно-иранских отношений, не дает оснований для сомнений в его достоверности. Очередность событий в рассказе Павстоса Бузанда позволяет с достаточной определенностью указать на время прихода к Аршаку контингентов гуннов и алан: это 365–366 гг. Наиболее вероятная дата — 366 г. Возможно, что вторжение гуннов не ограничилось только Мидией-Атропатеной, но также затронуло пограничные с ней области Северной Месопотамии, подвластные Ирану.

Рассматривая известие Павстоса Бузанда, мы не можем не остановиться на мнении М. И. Артамонова, отнесшего его к ряду анахронизмов. Не цитируя источник, исследователь ограничился кратким упоминанием события без попытки определения его даты. Не приводит он и обоснований для своей оценки известия Павстоса Бузанда. М. И. Артамонов приписывает древнему автору сочинительство, которое он уже усматривает в предыдущем разделе его труда (Павст. Буз. Ист. Арм., кн. 3, гл. 7), в сообщении об участии гуннов в набеге войск маскутского царя Санесана на Армению около 336 года¹. В этом рассказе Павстоса Бузанда гуннами открывается перечень племен Дагестана, присоединившихся к походу маскутов. Наряду с гуннами среди участников похода упомянуты и аланы. Эпические детали рассказа, которые приводит исследователь в доказательство своего мнения о сочинительстве Павстоса Бузанда — нагромождение кочевниками куч камней на их пути следования, дабы оставить память о своей огромной численности — вряд ли могут быть приняты в качестве довода против достоверности содержащихся в том же рассказе фактов военной и политической истории². Если даже со-

¹ М. И. Артамонов. История хазар, с. 52.

² В этом рассказе Павстоса Бузанда (Φωστωῦ Βουζάνδου. Π. 2. β. η. ς. ζ.) дана примечательная деталь, совпадающая с информацией Тацита. Победитель Санесана армянский царь Хосров, оплакивая его смерть, называет его «своим братом, Аршакидом по роду» Согласно Тациту (Ann. II, 68), Аршакид Вонон, после потери трона, пытался бежать к албанам, а от них к своему родственнику — царю скифов.

гласиться с мнением о недостоверности известия Павстоса Бузанда об участии гуннов в набеге маскутов в 336-м году, то данное обстоятельство никак не может обусловить недостоверность сообщения о совсем ином факте, имевшем место в иное время и в иных политических обстоятельствах. Остается заметить, что прямой связи здесь быть не может. Что же касается сообщения Павстоса Бузанда о вторжении кочевников в Армению 336 г., то следует подчеркнуть, что в нем отражена ситуация, в которой нет ничего невероятного: кочевники — северо-дагестанские (прикаспийские) маскуты, заволжские гунны, а также аланы из предкавказских степей — поддерживали между собой военно-политические контакты и организовывались в общие походы за добычей за Кавказ.

Перенесение представлений середины V века в III в. характерно для сообщений Агафангела (Агаф. Ист. Арм. 19) об участии на стороне армянского царя Хосрова (Тиридата II) в войне против Сасанидов наряду с иберами и албанами-гуннов. М. И. Артамонов отмечает бесспорный анахронизм для первой половины III века этнонима «гунн» в труде Агафангела, однако данный факт не может служить основанием, чтобы «в соответствии с этим», — как пишет исследователь, — «оценить и второе упоминание гуннов у Фавстоса Бузанда¹».

Важно обратить внимание на существенное различие в известиях о кочевниках у Павстоса Бузанда и Агафангела. Рассказывая о событиях III века Агафангел нигде не говорит об аланах, хотя и упоминает «Аланские ворота» (Дарьял). Вместо алан действуют гунны. Это есть еще одно указание на анахроничность этнонима «гунн» в труде Агафангела. В данном случае отразилась в целом политическая ситуация в предкавказских степях середины V века, отмеченная господством племен гуннского круга. Несомненно, что союзниками Хосрова (Тиридата II) в 230–240 гг. выступили не гунны, а аланы. Этноним «гунн» у Агафангела — собирательное обозначение кочевников предкавказских степей.

Напротив, в обоих сообщениях Павстоса Бузанда вместе с

¹ М. И. Артамонов. История хазар, с. 53.

гуннами действуют аланы. Их упоминание рядом с гуннами следует учитывать в качестве свидетельства о том, что в рассказе Павстоса Бузанда о вторжении гуннов в Иран в 365–366 гг. речь идет не о ком ином, как о собственно гуннах — объединении тюркских и угорских племен, их первом значительном военном выступлении на международной арене. Этот факт, как мы полагаем, сохранился и в гуннской исторической традиции, переданной Приском.

В рассказе Приска имеется ряд свидетельств, прояснение которых может послужить обоснованию предложенной интерпретации либо же, наоборот, выявить ее ошибочность.

Мы имеем в виду его сообщения: 1) о голоде, охватившем страну гуннов и побудившем их отправиться за добычей в Иран; 2) о войне, которой были заняты римляне в момент похода гуннов в Мидию, и вынудившей римлян придерживаться нейтралитета; 3) о гуннских вождях по имени Басих и Курсих и заключенном ими союзе с Римской империей; 4) об озере, через которое гунны переправились на пути к Дарьяльскому проходу; 5) о стране, в которой они проживали перед походом в Мидию. Исследователи, затрагивавшие сообщение Приска, за исключением данных об озере, эти известия не рассматривали.

Голод (λιμός)

Голод, охвативший страну гуннов, в другом месте рассказа — область их становищ — несомненно, состояние, отражающее их внешнеполитическое положение, характер отношений с соседями накануне похода. Факт голода указывает, что поход гуннов произошел до их войны с аланами и покорения последних. Едва ли возможно допустить, чтобы гуннские племена могли испытывать голод после покорения ими алан, когда, по сообщению Аммиана Марцеллина, гунны «из них множество убили и ограбили» (*interfectisque multos et spoliatis*, — *Amm. Marc. XXXI, 3,1*). Положение покоренных гуннами племен (после разгрома ими алан и остготов) к 377 г. характеризует Е. Ч. Скржинская: «Перейдя Днестр гунны появились на Дунае уже в виде сложного объединения племен: одни племена сопро-

вождали гуннов в качестве военного подкрепления..., другие, оставаясь на своих местах, выплачивали дань гуннским вождям и снабжали гуннское кочевое войско продуктами земледельческого труда»¹. После войны в степи голод или угроза голода — обычно удел побежденных.

Из сообщения Приска явствует, что гунны, страдавшие у себя в стране от голода, проходят в считанные дни по территориям аланских кочевий, последовательно двигаясь к Дарьялу, имея своей целью Мидию. Согласно Приску, срок их нахождения в аланских степях не мог превышать 15 дней. Следовательно, на войну с аланами, как и затем с иберами и армянами, у гуннов не оставалось времени. Недаром, как и в случае с Арменией, источник ничего не говорит о гунно-аланском конфликте.

Кратковременность нахождения гуннов в аланских степях разительно расходится с сообщением Иордана об упорном характере гунно-аланской войны. (Гунны обессилили алан «частыми стычками»).

Из сообщения Приска необходимо сделать вывод, что гунны мирно прошли по аланским землям. Характер гунно-аланских отношений, выявляющийся из данных Приска, не оставляет сомнений в том, что в рассказе Павстоса Бузанда гунны и аланы упомянуты в качестве союзников. Две разные исторические традиции, тем самым, дополняют друг друга.

В рассказе Приска можно выделить еще одно указание, из которого явствует, что гунны еще не господствуют в аланских степях. Они приходят из пределов своей страны, которая отделена от аланских степей «пустынной страной» и неким озером (Азовским морем, по мнению Ромула). Эти природные объекты трудно отождествить с географическими реалиями Подунавья. Нельзя не заметить, что они — страна гуннов, «пустынная страна», озеро, упомянуты слишком неопределенно и туманно для гуннов, вот уже не одно поколение проживавших по берегам Верхнего Дуная и Тисы. Не случайно гуннские информаторы Ромула указывают

¹ Е. Ч. Скржинская. Комментарий. // Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 270.

на давность событий, связанных с действиями Басиха и Курсиха. В 365 г. страну гуннов — регион их постоянного местонахождения, следует искать на востоке от аланской территории. В связи с этим небезынтересно отметить, что гунны уходят на свою территорию по Каспийскому побережью (через Дербентский проход), впрочем из рассказа Приска очевиден вынужденный выбор маршрута их отступления. Свидетельства Приска позволяют представить и более конкретные реалии отношений между кочевниками: испытывавшие голод гунны явно предпочли нападению на соседей — алан совместный с ними поход за добычей в далекий Иран — Мидию, хорошо известную аланам по их прежним набегам (Amm. Marc. XXXI, 2,21) и куда, на этот раз, кочевников звал армянский царь Аршак.

Война

Свидетельство Приска о войне, которую вели римляне, и которая помешала им вмешаться в события на их восточных границах — это, бесспорно, хронологический ориентир в интересующем нас вопросе. Необходимо указать на войну римлян, которая происходила одновременно с гунно-аланским походом в Иран в 365 или 366 г.

Приск сохранил прежде всего упоминание, несомненно, о войне между императором Валентом и претендентом на трон Прокопием. Восстание Прокопия, начавшееся во Фракии, сорвало приготовления Валента к войне с Ираном в конце лета 365 года¹ и потребовало от правительства большого напряжения сил. (В самом сообщении Приска подразумевается вынужденный характер римского нейтралитета). 28 сентября 365 г. Прокопий завладел Константинополем, а вскоре и Халкедоном², и к зиме 365 г. его власть признавали в Вифинии³. Восстание было подавлено к концу мая 366 г.⁴, Прокопий был казнен 27 мая. Однако в том же году

¹ Г. Л. Курбатов. Восстание Прокопия (365–366) // Византийский временник XIV, 1958, с. 16.

² Г. Л. Курбатов. Восстание Прокопия... с. 16–19.

³ Там же, с. 20.

⁴ Там же, с. 23.

антиправительственное движение во Фракии, признавшее нового узурпатора, а также упорное сопротивление Халкедона¹ не позволили Валенту обратиться к ситуации в Армении. В 366 г. началась война Валента с готами, поддерживавшими выступление Прокопия и угрожавшими вторжением через Дунай. По свидетельству Зосима, планируемый Валентом поход против персов был отложен. (Zos. Hist. nova. I. IV, 10). Таким образом, гражданская война в Римской империи, а затем осложнения на Балканах, лишали Аршака надежд на помощь римлян и побуждали искать себе новых союзников в борьбе с Сасанидами. Международное значение армяно-иранской войны (363–367 гг.) обычно недооценивается, однако, как видно, упорное и долгое время небезуспешное сопротивление Аршака натиску Сасанидской державы обеспечило тыл Валента в борьбе с Прокопием, а позже и в борьбе с готами (на ее начальном этапе).

Вожди Басих и Курсих

Источники сохранили имена гуннских вождей первой половины V века: Ульдин (Huldin), представленный в источниках «царем» (рексом), т. е. единоличным вождем, деятельность которого падает на 400–408 гг. (Marc. com. Chron. p. 68); Донат, Харатон, принявший римское посольство в 412 г.², братья Окгар, Мундзук и Ругила (Руа), разделившие власть над гуннскими племенами в 420-х гг.; племянники Ругилы Бледа и Аттила, правившие сообща с 434 г. по 444 г. Для IV столетия, озаменованного стремительным выходом гуннов на международную авансцену, труд Иордана знает только одного предводителя — царя по имени Баламбер (Balamber-*rex Hunnorum*).

В событиях V века имена Басиха и Курсиха не засвидетельствованы. Важно указать, что Басих и Курсих — «мужи из царских скифов», т. е. происходят из того же господствующего в

¹ Г. Л. Курбатов. Восстание Прокопия... с. 24.

² Некоторые данные Олимпиодора о маршруте римского посольства к гуннам в 412 г. (Оуптр. § 18), позволяют присоединиться к мнению (Е. А. Thompson. Op. cit. p. 39, 279; Е. Ч. Скржинская. История Олимпиодора. Перевод, статья, примечания // Византийский временник, 1956, NVIII, с. 253, прим. 87) о местонахождении становищ Доната и Харатона в степях Северного Причерноморья.

гуннском обществе племени, что и Аттила¹. Не случайно, что воспоминания об их походе сохранились при дворе Аттилы. Басих и Курсих — «архонты» огромного числа гуннов, их вожди. Термин «архонт» указывает на обладание ими высшим рангом в военно-политической иерархии гуннов. Перед нами, по всей видимости, пример совместного руководства военным предприятием племени двумя авторитетными вождями, которые, не исключено, могли совместно исполнять также и управленческие функции в племенном объединении (союзе?). Подобная практика известна в истории первобытных обществ².

Попытки отнести поход Басиха и Курсиха в V столетие и тем самым сделать их современниками Ульдина, Ругилы и его братьев, либо Аттилы и Бледы могут создать трудности в хронологии правителей царских гуннов. Решающее возражение против таких попыток, однако, состоит, как уже было отмечено, в том, что они не находят своего подтверждения в армянских источниках, которые дают связную картину отношений Армении с ее непосредственными соседями и с кочевниками предкавказских степей в первой половине V века.

В сообщении Приска указано, что поход Басиха и Курсиха произошел задолго (*πάλαι*) до 449 года, когда о нем стало известно Ромулу. Вопреки этому сообщению источника, по мнению Н. В. Пигулевской, «около 448 г. Басих и Курсих, принадлежавшие к войску Аттилы, «мужи из царских скифов» и начальники многочисленного войска напали на пределы Ирана...»³. Нельзя не сказать, что приведенное мнение не подтверждается свидетельствами Егише и Лазаря Парпского: именно вторая половина 440-х гг. в Армении — время нарастания конфликта армянского общества с Сасанидским Ираном. Из приведенной цитаты,

¹ Относительно названия «царские скифы» Л. А. Ельницкий, имея в виду не только скифов и сарматов, но и гуннов, пишет: «совершенно ясно, что речь идет лишь о нарицательном наименовании некоего племени, из состава которого происходили в какое-то определенное время общеплеменные вожди — цари и которое само составляло боевую дружину царя». Л. А. Ельницкий. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977, с. 114.

² Л. Е. Куббель. Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Эпоха классового образования. Москва, 1988, с. 231.

³ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники... с. 45.

однако, следует, что гунны проходят по Армении незадолго до начала антисасанидского восстания 449–451 гг. и обрушиваются на Иран, хотя об этих событиях у армянских историков нет ни слова! Поход Басиха и Курсиха на Восток не согласуется и с фактами гуннской истории этого времени, с наступательными действиями гуннов в Западной Европе (Галлии) в 433–439 гг. против бургундов и багаудов в качестве союзников Западной Римской империи и активной их политикой на Балканах (441–448), направленной против Восточной Римской империи (вторжения 441–443 гг. и 447 г.)¹.

Уход в 430-е или 440-е гг. с европейских театров военных действий больших масс кочевников далеко на Восток должен был быть замечен римской стороной. Отнесение похода в V век (430–440 гг.) дано без учета и такой характеристики состояния общества гуннов, как голод, что также противоречит их господствующему положению в этот период.

Е. А. Томпсон, подробно пересказавший сообщение Приска, оставляет без внимания его свидетельства, имеющие хронологическое значение. Приурочивая поход к периоду между 415–420 гг., Томпсон доводов в пользу своей датировки не приводит². (Он упоминает вторжение гуннов во Фракию в 422 г.³). Впрочем, отнесение гуннского вторжения в Мидию к 415–420 гг. не учитывает политической ситуации в Армении в эти годы. Именно 415–420 гг. отмечены усилением иранского господства над Арменией, которая непосредственно оказывается под контролем Сасанидской державы. Иездигерд I (399–420), после смерти Врамшануха в 415 г., в обход наследственных прав его сына Артасеша посадил на армянский престол собственного сына Шапура (415–420). Этот царь-зороастриец на престоле христианской страны правил, опи-

¹ Экспансию в Северное Причерноморье («Скифию») гунны во главе с Бледой и Аттилой начали в 434 г.; но она, как кажется, вскоре, после войны с соросами, приостановилась, возобновившись лишь после 443 года. Приск сообщает, что до войны Аттилы с акацирами, покоренными его силами окончательно только в 448–449 гг., между ними и Аттилой существовал военный союз (Prisc. Frag. 8, p. 82).

² Thompson. The Huns, p. 35.

³ Ibid.

раясь на расквартированные в Армении персидские войска. Моисей Хоренский сохранил эпизоды, показывающие рост напряженности между армянской знатью и персидским (зороастрийским) окружением Шапура.

Согласно Моисею Хоренскому, царствование Шапура в Армении не было омрачено каким-либо вторжением извне. В 420 г., после смерти Иездигерда I, он спешно покинул Армению в надежде занять иранский трон.

Приведенные соображения могут лишь свидетельствовать в пользу вывода, что время Басиха и Курсиха, «архонтов» царских гуннов — это IV век, его вторая половина.

В самом рассказе Приска можно отчетливо выделить указания, имеющие значение для определения хронологии событий.

Ромул сохранил важное сообщение о том, что немало времени спустя после мидийского похода — в дальнейшем (ἕσπερον), Басих и Курсих прибыли в Рим для заключения военного союза¹ (ὁμαχία). Посол Западной империи Ромул явно выделяет это событие. Нелишне, следовательно, подчеркнуть что до этого момента отношений между этими гуннскими вождями и Римской империей не существовало. Подчеркнем также и тот, данный в сообщении Приска, факт, что прежде чем прибыть в Италию Басих и Курсих находились достаточно далеко от границ Римской империи — раз уж не были установлены с ней отношения — и настолько далеко, что совершили поход в Мидию.

В своем рассказе Ромул опустил все события, произошедшие «в дальнейшем», за время пути Басиха и Курсиха в Италию после их ухода из Мидии. Видимо, эти события были хорошо известны его собеседникам и, могли быть связаны с переходом гуннов по причерноморским степям на запад. Примечательно, что Ромул счел нужным отметить договор о военном союзе Империи именно с этими вождями, так как скорее всего, должен был иметь в виду один из первых договоров Западной Римской империи с гуннами.

¹ Приезд гуннских вождей в Рим — факт, безоговорочно, опровергающий мнение Альтгейма, будто их деятельность могла происходить в 290-е годы.

Когда и на каких условиях мог быть заключен этот военный союз (ὁμαχία)?

Предварительно можно предположить, что он не должен был отличаться по своему содержанию от договоров, которые заключала с варварскими племенами поздняя Римская империя. Правомерно будет также связать этот союз с таким важным в отношении гуннов с Западной Римской империей событием, как их утверждение в Паннониях — западно-римских провинциях в 377 г.¹ Р. Гюнтер, не рассматривавший рассказ Приска о Басихе и Курсихе, полагает, что гунны могли быть поселены в Паннонии в качестве федератов — самоуправляемых военных союзников империи². Свидетельство Приска о военном союзе, который Басих и Курсих заключили с западно-римским правительством, говорит в пользу данной точки зрения.

Кажется, мы не ошибемся если допустим, что поселившись в Паннониях на основании договора о военном союзе с правительством императора Грациана, гунны приняли на себя обязательства по защите этих провинций от постоянно их беспокоивших квадов и сарматов. В 374 г., за три года до прихода гуннов, квады и сарматы разорили Паннонию Вторую и угрожали Сирмию (Amm. Marc. XXIX, 6, 8). Два римских легиона были разгромлены сарматами в соседней провинции Валерии (Amm. Marc. XXI, 6, 14). Свидетельства источников об отношениях между гуннами и сарматами крайне скудны, одна-

¹ «Паннонии, которые удерживались гуннами в течение пятидесяти лет, возвращены римлянам» (Pannoniae, quae per quinquaginta annos ab Hunnis retinebantur, a Romanis receptae sunt — Marcel. com. Chron. // Monumenta Germaniae Historica: Auctorum Antiquissimorum t. XI, v. II, Berlin, e. d. n. 1961, p. 68. (Далее сокр.: М. Г. Н. А. А.). Как замечает в связи с этим известием Марцеллина комита, Е. Ч. Скржинская: «Таким образом оказывается, что гунны появились в Паннониях уже вскоре после разгрома ими державы Германариха в 376 г.» (Е. Ч. Скржинская. Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов., с. 301, прим. 485).

² Р. Гюнтер. Упадок рабовладельческого общества на Верхнем Дунае // А. Р. Корсунский, Р. Гюнтер. Упадок и гибель Западно-Римской империи и возникновение германских королевств, Москва, 1984, с. 123. Е. Ч. Скржинская отмечает, что термин «федераты» впервые упомянут в сочинении Олимпиодора (430 гг.) (См.: Е. Ч. Скржинская. Примечания // «История Олимпиодора», с. 247: «федераты подчинялись своим вождям и, даже если размещались на территории империи, не платили налогов и сохраняли свои обычаи.»)

ко косвенные данные позволяют полагать, что борьба между ними происходила и завершилась подчинением сарматов гуннам, а возможно, и вытеснением сарматов из междуречья Дуная и Тисы. (Эти земли они занимали ко времени появления гуннов)¹.

В свете этих фактов — союза Басиха и Курсиха с Римом и поселения гуннов в Паннонии, следует взглянуть на одновременно происходившие военные действия гуннов против Римской империи на Нижнем Дунае².

¹ Ю. К. Колосовская. Среднее Подунавье в I–IV вв. н. э. // История Венгрии. М., 1971, т. I, с. 64.

После 427 г. гунны проживали за Паннонией и в непосредственной близости от нее. Именно на это (в полном соответствии со свидетельством Марцеллина Комита) указывает свидетельство Проспера Тирона, что Флавий Азий в 432 г. «через Паннонии прибыл к гуннам (per Pannonias ad Chunos pervenit... — Prosp. Tir. Chron. M. G. H. A. A. t. IX, vol. I, p. 473). Из Паннонии в 427 г. гунны могли прежде всего отойти на земли между Дунаем и Тисой. Д. М. Авсоний (Praes. VI, 35–36) упоминает об объединении гуннов с сарматами в 378 г., а не войне между ними. Это известие, данное в стихотворении, по всей видимости, отражает ситуацию именно на 378 год. Ю. А. Кулаковский (Ю. А. Кулаковский. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. Санкт-Петербург, 2000, с. 84) на основании его заключает, что «в 378 г. Гунны были уже на Тиссе». Показательно, что уход гуннов из Паннонии произошел в момент первенствующего положения при Равенском дворе Азия, чему он был обязан решительной поддержке гуннов в 425 г. (Chronica Gallica A. CCCCLII // MGHA. t. IX, vol. I, p. 658) Но и после ухода из Паннонии, гунны сохраняли в 430-е гг. amicitia с Западной империей (Prosp. Tir. ibid) и оказывали ей военную помощь, что, конечно, должно указывать на мирный характер их отселения из Паннонии и, не исключено, согласно имевшей место договоренности.

² Историкологический анализ свидетельств Марцеллина Комита и Иордана об уходе гуннов из Паннонии дан в работе Т. Надь (T. Nagy. Reoccupation of Pannonia from the Huns in 427. (Did Jordanes use the Chronicon of Marcellinus comes at the writing of the Getica?) // Acta Antiqua, t. XV (Budapest), 1967, pp. 159–185) Иордан (Jord. Get., § 166) сообщает, что гунны были «изгнаны римлянами и готами» из Паннонии «после почти пятидесятилетнего владения» (пер. Е. Ч. Скржинской). Случилось это, согласно Иордану, в правление у вестготов короля Валии. Е. Ч. Скржинская. (Комментарий // История готов Иордана, с. 300) указывает на хронологическую ошибку у Иордана: окончание пятидесятилетнего пребывания гуннов в Паннонии не совпадает с годами правления Валии (415–418). Т. Надь полагает, что Иордан свое известие об участии вестготов в изгнании гуннов из Паннонии, почерпнул из «Истории готов» Кассиодора, стремившегося обосновать идею единства римлян и готов и приписавшего последним оказание помощи римлянам (T. Nagy. op. cit. p. 172). Т. Надь также отмечает, что в 427 г. вестготы действовали не в Паннонии, а в южной Галлии (op. cit. p. 161). Исследователь считает известие Марцеллина Комита более точным, чем Иордана, и полагает, что оно восходит к труду Кв. Авр. Меммия Симмаха, историка эпохи Теодориха (493–526) (op. cit. p. 185).

В 378 г. гунны и аланы, объединившись с вестготами Фритигерна, (Amm. Marc. XXXI, 16, 4), достигли побережья Пропонтиды и пытались захватить Перинф и только у стен Константинополя получили решительный отпор. Consularia Constantinopolitana на 379 год отмечает поражение гуннов, готов и алан от римских войск¹. Об этой первой победе Феодосия I над аланами, гуннами и готами упоминают П. Орозий (Oros. VII, 34,5), Марцеллин комит (Marc. com. Chron, p. 60) В 382 г. Феодосий I отразил на Дунае нападение гуннов вместе со скирами и карподаками (Zos. N. N. IV, 34) Очевидно, что гунны действовали в составе коалиции варварских племен Нижнего Подунавья (379–382).

Союз гуннов с Западной империей и поселение их в Паннонии, а также война гуннов с Восточной империей на Дунае в союзе с местными племенами — все это действия, бесспорно, двух различных гуннских племенных объединений. Первое из них возглавляли Басих и Курсих, существование второго в Нижнем Подунавье засвидетельствовано в источниках и позже. Именно оно могло совершить вторжение во Фракию зимой 395 г. и, видимо, ему следует приписать опустошительное вторжение во Фракию в 422 г. (Marc. Com., Chron., p. 75). Проживавшие к 433 году на Нижнем Дунае амилзуры, итимары, тоносурь, бойски (Prisc. Frag. 1) должно быть, и составляли это самое объединение гуннов. Тогда же они подверглись нападению среднедунайских, бывших паннонских гуннов во главе Ругилой (Ruga) и безуспешно искали защиты у Восточной империи (Prisc. Frag. 1).

Отмеченные факты отражают произошедший, в действительности, распад военного объединения гуннов с их приходом в Подунавье в 377 г.² Их военно-политическое объединение и переход к планомерной политике широкомасштабных завоеваний — уже цели, реализованные вождями «царских» («паннонских») гуннов — Ругилой, Бледой и Атиллой.

¹ M. G. H. A. A. t. IX, vol. I (Berlin 1961), p. 243.

² Ср.: E. A. Thompson. The Huns. p. 64, который без приведения вышеотмеченных фактов, заключает: «Нет оснований думать, что после покорения готов, гунны сохранили в целостности политическое объединение какого они достигли».

Итак, подытоживая вышесказанное следует особо отметить следующее.

Исходя из данных только Приска, позволяющих отнести мидийский поход гуннов в предшествующий гунно-аланской войне период (370 г.) (мы имеем в виду такие факты, как голод у гуннов, их выступление в поход с территории своей страны, их приход в дальнейшем к границе Римской империи), можно прийти к выводу о ведущей роли гуннских вождей по имени Басих и Курсих в событиях последней трети IV века. Известная благодаря Павстосу Бузанду дата их мидийского похода — 366 год, дает все основания утверждать, что гуннская историческая традиция сохранила подлинные имена вождей, под руководством которых гунны двинулись от берегов Волги на запад, разбили алан и готов и достигли римской границы по Дунаю (377 г.)¹.

Озеро

На своем пути к Кавказскому хребту, к Дарьяльскому ущелью, гунны под водительством Басиха и Курсиха переправились через какое-то озеро (*λίμνην τινά περὶ ὠθέντες*).

Хотя в греческом языке имеется достаточно слов, означающих обходное движение, источник четко говорит о переходе гуннами озера — обстоятельство, дающее основание полагать, что это озеро в степи было настолько обширным, что быстроходная конница его не обошла, а предпочла осуществить через него переправу. Сам факт переправы подсказывает, что озеро, было не широким, а возможно, и неглубоководным.

В рассказе Приска это озеро отождествляется с Меотидой — Азовским морем, но тут же самим Приском делается важная оговорка, что так полагал Ромул. Как отмечает Приск, указание на Меотиду исходило от Ромула, а не от его гуннских информаторов, которые в эпоху Аттилы хорошо знали Азовское море с приле-

¹ Как отмечает Е. Ч. Скржинская, «Баламбер» — имя царя гуннов, победившего остготов, заимствовано Иорданом из готского эпоса. Оно вызвало сомнения у исследователей относительно его аутентичности (См. Е. Ч. Скржинская. Комментарий... // Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 328–329). Е. А. Thompson (*E. A. Thompson. Op. cit.* p. 63 n. 60) полагает, что «Баламбер никогда а не существовал».

гающими к нему землями, однако в своем рассказе не отождествили озеро с Азовским морем. Видимо, его название осталось им неизвестным, так как их первоначальные кочевья находились далеко от него, за пустынной страной, также безымянной.

Вопросу о локализации озера большое внимание уделил Г. С. Дестунис. Он принял версию Ромула, оставив при этом без объяснений оговорку, сделанную Приском. Г. С. Дестунис пишет: «Чтобы весь путь гуннов приурочить топографически, поставьте себя сперва к устью Днепра, а не Дона, на что мы имеем право, потому что уже с 376 г. познакомились гунны с краем, лежащим к западу от Дона. Идите от устья Днепра в Персию: сперва степь: до самого Азовского моря. Потом «лимна, которую Ромул принял за Меотийскую»¹.

В своем рассуждении Г. С. Дестунис полагает, что гунны выступили в поход в Мидию с берегов Днепра, что, однако, не находит подтверждения в сообщении Приска, где гунны выступают в поход из области своих старых кочевий. В рассказе Ромула это место, со слов гуннов, названо их страной (*χώρα*), оно же предстает как *tá oíkεία* (становища), чем явно подразумевается постоянный характер проживания там гуннов. В. В. Латышев *tá oíkεία*, переводит как «родина»², что представляется вполне правомерной интерпретацией.

Обратимся и к уже вышесказанному. Дата похода Басиха и Курсиха — 366 год, безоговорочно требует отнесения его ис-

¹ Именно такой локализации гуннов, по мнению Г. С. Дестуниса (*Г. С. Дестунис. Сказания Приска Панийского... с. 63*), требует отождествление озера с Меотидой, ибо в случае движения от берега Дона на пути гуннов не оказалось бы Азовского моря. Г. С. Дестунис (там же) замечает, что у Приска нет указания на Дон как на «начальную точку похода «гуннов. Однако у Приска нет указания и на Днепр в качестве таковой. А. В. Гадло, относя поход к 30 гг. V века, пишет, «что гунны миновали Меотиду в низовьях Дона» (Гадло, Этническая история Северного Кавказа. с. 49), однако Приск четко говорит, что гунны переправились через озеро, а не миновали его. Этим озером не может быть Маныч-Гудило, так как в случае движения как с запада, так и востока, он оказывается в стороне от пути к Дарьялу. Как явствует из сообщения Приска, озеро перекрывало гуннам путь на юг, в направлении Кавказа.

² В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории 1948, № 4, с. 257. Сам же Г. С. Дестунис (*Ук. соч. с. 65*) переводит *tá oíkεία* как страну. Латинский эквивалент — *sedes* — местопребывание. См.: *C. Muller. Op. cit.* p. 90).

ходного пункта только на восток от территории алан и никак не на запад. Допущение, что гунны выступили от берегов Днепра, уже само по себе содержит трудные вопросы. Указывая на движение гуннов от Днепра к Азовскому морю с целью переправы, Г. С. Дестунис, однако, не поясняет, где она могла бы произойти. Следуя рассуждениям ученого, можно предположить, что он имел в виду Керченский пролив. Отождествление озера в рассказе Приска с Азовским морем, несомненно, делает путь гуннов от Днепра к Кавказскому хребту необъяснимо усложненным и трудным: через Перекопский перешеек в Крым, затем через Керченский пролив на Таманский полуостров. Остается без ответа неизбежный вопрос, почему гунны, выступив с берегов Днепра, не избрали простой путь, в обход Азовского моря?

Здесь мы считаем должным оговорить, что ученый неизбежно исходил из объема знаний своего времени — первой половины XIX века — о водоемах в регионе между Азовским и Каспийским морями и это в какой-то мере обусловило ошибочное отождествление им неизвестного озера с Азовским морем.

В 365–366 гг. гунны двигались в аланскую степь из своей страны, находившейся на востоке, по всей видимости, за Волгой¹. Этот путь (с востока на юго-запад, в направлении Дарьяла) неизбежно пролегал через область Сарпинских озер (территории Волгоградской области и Калмыкии). Они расположены длинной цепью параллельно Волге с севера на юг общей протяженностью в 180 км².

Сообщение Приска о переправе гуннов через озеро соответствует известным особенностям водного режима Сарпинских озер, которые «весной заполняются талой водой и соединяются друг с другом протоками. Летом почти все пересыхают»³. Как пишет А. В. Шнитников, «Водный режим озер всей Сарпинской

¹ Л. Н. Гумилев локализует гуннов на средней и нижней Волге (Гумилев, Хунну. Средина Азия в древние времена... с. 243).

² А. В. Шнитников. О находках живых рыб в донных отложениях сухих озер // Озера Нижнего Поволжья и Арало-Каспийской низменности. Лаборатория озера. Труды. Т. XIV, М.-Л., 1961, с. 242.

³ Большая Советская Энциклопедия. Т. 22. М., 1975.

ложбины подвержен сильно выраженной изменчивости: циклическим усыханиям и обводнениям»¹.

Согласно данным Е. К. Суворова (1909), система Сарпинских озер на юго-востоке «непосредственно переходит в широкую ложбину Дабан, протянувшуюся в длину верст на 90 при 1 1/2 верстной ширине»². Весной почти на всем своем протяжении она заполняется водой глубиной до 2 футов и более³.

Античным авторам этот прикаспийский регион был неизвестен. Е. Ч. Скржинская отмечает, что они имели смутные представления «о местах, где расселялись гунны до своего вторжения на правобережье Танаиса»⁴. (По известному замечанию Аммиана Марцеллина, гунны жили «по ту сторону Меотийских болот у Ледовитого океана» (Аmm. Marc. XXXI, 21).

Ромул мог принять за Азовское море неизвестное озеро на пути гуннов. Ведь он, несомненно, был осведомлен о переходе гуннами после завоевания ими аланских степей через Керченский пролив в Крым⁵.

Таким образом, в *λίμνη*, через которую гуннам, согласно Приску, пришлось переправиться на своем пути к Дарьялу, представляется возможным видеть Сарпинские озера. В этом случае мы имеем древнейшее о них известие⁶.

¹ А. В. Шнитников. О находках живых рыб... с. 242.

² Е. К. Суворов. Поездка по системе Сарпинских озер // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 45. Вып. 7, 1909, с. 450.

³ Е. К. Суворов. Поездка по системе Сарпинских озер, с. 450.

⁴ Е. Ч. Скржинская. Комментарий. // Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 269.

⁵ Данные источников об этом событии подробно разбирает Е. Ч. Скржинская (Комментарий. // Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 272–274).

⁶ Научное исследование Сарпинских озер началось с экспедиции К. М. Бэра в 1853–1857 гг. К. М. Бэр, побывавший на озерах, отметил: «Таким образом, Сарпа является не рекой, а цепью озер, которые весной на время соединяются друг с другом и тогда через Сарепту, через ее мост вливаются в Волгу» (См.: Каспийская экспедиция К. М. Бэра 1853–1857 гг. Дневник и материалы // Научное наследие. Ленинград, 1984, с. 154). Согласно распространенной точке зрения, Сарпинские озера образовались вследствие пересыхания древнего западного рукава Волги (см.: Нижнее Поволжье. Физико-географическое описание (М.-Л., 1948) 35; Е. К. Суворов, Ук. соч. с. 452). Параллельно происходило понижение уровня Каспийского моря (Там же). Наиболее низкий уровень Каспийского моря за последние 2500 лет приходился на II–I вв. до н. эры (см.: С. И. Варуценко, А. Н. Варуценко, Р. К. Клизе. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водосмоов в палеовремене. Москва, 1987, с. 68).

Страна гуннов

Как уже неоднократно было отмечено, гунны выступили в мидийский поход из своей страны (*χώρα*), места их становищ (*τά οἰκεία*).

Эту область своего обитания — «родину» в переводе В. В. Латышева¹ — гунны не забывали и после более чем полувекового проживания на Большой Венгерской низменности. В рассказе, записанном Приском, даны географические ориентиры, которые позволяют достаточно четко проследить начальный маршрут Басиха и Курсиха и, следовательно, с немалой долей вероятности определить местонахождение их страны.

Приск сообщает, что выйдя из пределов своей страны, гунны прошли по «пустынной стране» (*ἔρημον χώραν*), затем переправились через «какое-то озеро» (*λίμνη τινά*), преодолели какие-то горы. Именно эти три важных природных объекта — пустынная страна, озеро — Сарпинские озера, как мы можем с уверенностью утверждать, и горы — Главный Кавказский хребет — были отмечены гуннскими информаторами в их рассказе, иначе говоря, запечатлелись в памяти гуннов — участников похода.

В этой связи следует особо обратить внимание, что в памяти гуннов не запечатлелся факт, который, бесспорно, имел место, а именно их переправа через Волгу. Переправа произошла в ее нижнем течении. Только в этом случае на их пути могли оказаться Сарпинские озера. Отсутствие в рассказе гуннов упоминаний о переправе через Волгу говорит о том, что в этом событии они не видели для себя ничего примечательного в отличие от переходов через Сарпинские озера и по «пустынной стране».

Не отметить эту переправу можно было только вследствие неоднократности, обыденности этого действия, что, конечно, могло произойти благодаря постоянному пребыванию поблизости от реки. Видно, к этому времени гунны знали Волгу выше, севернее неизвестных им Сарпинских озер, находившихся в зоне господства алан.

Прежде чем переправиться через Волгу и достичь Сарпинских озер гунны прошли по «пустынной стране». Из этого факта,

¹ ВДИ, 1948, № 4, с. 257.

бесспорно, следует, что место этой страны на левобережье Волги, и тем самым представляется правомерным ее локализовать в пределах Волгоградского Заволжья, а возможно, частично, и в Уральской области Казахстана. Этот регион Нижнего Поволжья от побережья Каспийского моря до Уральска представляет собой зону пустынь¹. До широты Уральска — это «полюнные пустыни местами в комплексе с солянковыми пустынями»². «Пустынная страна», как это явствует из рассказа Приска, — близлежащая область к «стране» гуннов, региону их кочевий. Таким образом, из данных, заложенных в информации Приска, со всей очевидностью вытекает, что страна гуннов находилась или непосредственно к востоку от «пустынной страны» — Волгоградского Заволжья и севера Уральской области т. е. ближе к берегам Урала или же, напротив, к северу от них. Исходя из того бесспорного факта, что гунны знали Волгу выше, севернее Сарпинских озер, представляется логичным локализовать родину гуннов к северу от «пустынной страны» и тем самым на левом берегу Волги, в пределах Саратовского Заволжья как ближайшей к Волгоградскому Заволжью территории. Нельзя, конечно, исключать, что ареал расселения гуннов не ограничивался собственно Саратовским Заволжьем, но расширялся далее на восток и север.

В связи с полученным здесь выводом уместно отметить, что еще Л. Н. Гумилев, без рассмотрения данных Приска о походе Басиха и Курсиха, полагал, что в середине II в. н. эры гунны совершили «переход от Тарбагатай до Волги» и «потерялись в степях около Урала»³. Очевидно, что ученый имел в виду в этом регионе территорию постоянного, двухвекового пребывания гуннов. Вывод о местонахождении их страны в Саратовском Заволжье позволяет конкретизировать данное представление.

Сложным остается вопрос о соотносительности с гуннами археологических культур на территории Саратовской области. Как из-

¹ В. П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Ленинград, 1975, с. 61.

² Там же.

³ Л. Н. Гумилев. Некоторые вопросы истории хуннов. // Вестник древней истории, 1960, № 4, с. 123–124.

вестно, открытые здесь памятники до IV в. н. э. относятся к позднесарматской культуре¹. Согласно исследованиям И. П. Засецкой, памятники, связанные с гуннской экспансией и отличные от сарматских, датируются концом IV–V вв.²

Ввиду этих фактов нельзя вовсе исключить, что за длительный период проживания в окружении сарматских племен Саратовского Заволжья, гунны могли перенять элементы их материальной культуры, вооружения и т. д.

Как уже было отмечено, Басих и Курсих стояли во главе племени «царских гуннов». Их страна, о которой помнили «царские гунны», прежде всего обозначает территорию расселения именно этого племени (группы племен).

Появление на рубеже IV–V вв. в несарматских погребениях стрел, которые «восходят к центральноазиатским образцам хуннской культуры Забайкалья и Монголии I в. до н. э. — I в. н. э.»³ свидетельствует о продолжающихся миграциях в конце IV–V вв. и позже из глубин Азии в Европу. Этот факт может быть проиллюстрирован упоминанием Приском неизвестных ранее середины V века в Причерноморских степях — сарагуров, урогов, оногуров.

Подведем итоги исследования. Рассмотрение данных рассказа Приска согласуется с высказанной нами точкой зрения об идентичности событий, описанных Приском Панийским и Павстосом Бузандом. В 366 г. гунны во главе с вождями Басихом и Курсихом из области своих постоянных кочевий в Саратовском Заволжье вместе с союзными аланами и по призыву армянского царя Аршака совершили поход против Ирана. В этой связи представляется возможным уточнить хронологические рамки гунно-аланской войны. Она началась не в 360 г.⁴, а вскоре после мидийского похода гуннов 366 года. Гунно-аланский конфликт мог быть вызван не-

¹ И. П. Засецкая. Гунны в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья, Саратов, 1986, с. 102

² И. П. Засецкая. Ук. соч. с. 104.

³ Там же, с. 106.

⁴ Е. Ч. Скржинская. Комментарий. // Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 268, прим. 378; Л. Н. Гумилев. Хунны в Азии и Европе // Вопросы истории, 1989, № 7, с. 24.

удачным исходом вторжения гуннов в Мидию, потерей ими большей части добычи.

Победа гуннов в войне с аланами, как известно, открыла им путь в Причерноморские степи и Подунавье. В этот путь, завершившийся на территории римской Паннонии, гуннов повели их вожди Басих и Курсих.

ГЛАВА 2

ПЛАН АТТИЛЫ ПО НАПАДЕНИЮ НА ИРАН И СНОШЕНИЯ ГУННОВ В 449 Г. С ВАСАКОМ СЮНИ, МАРЗПАНОМ АРМЕНИИ

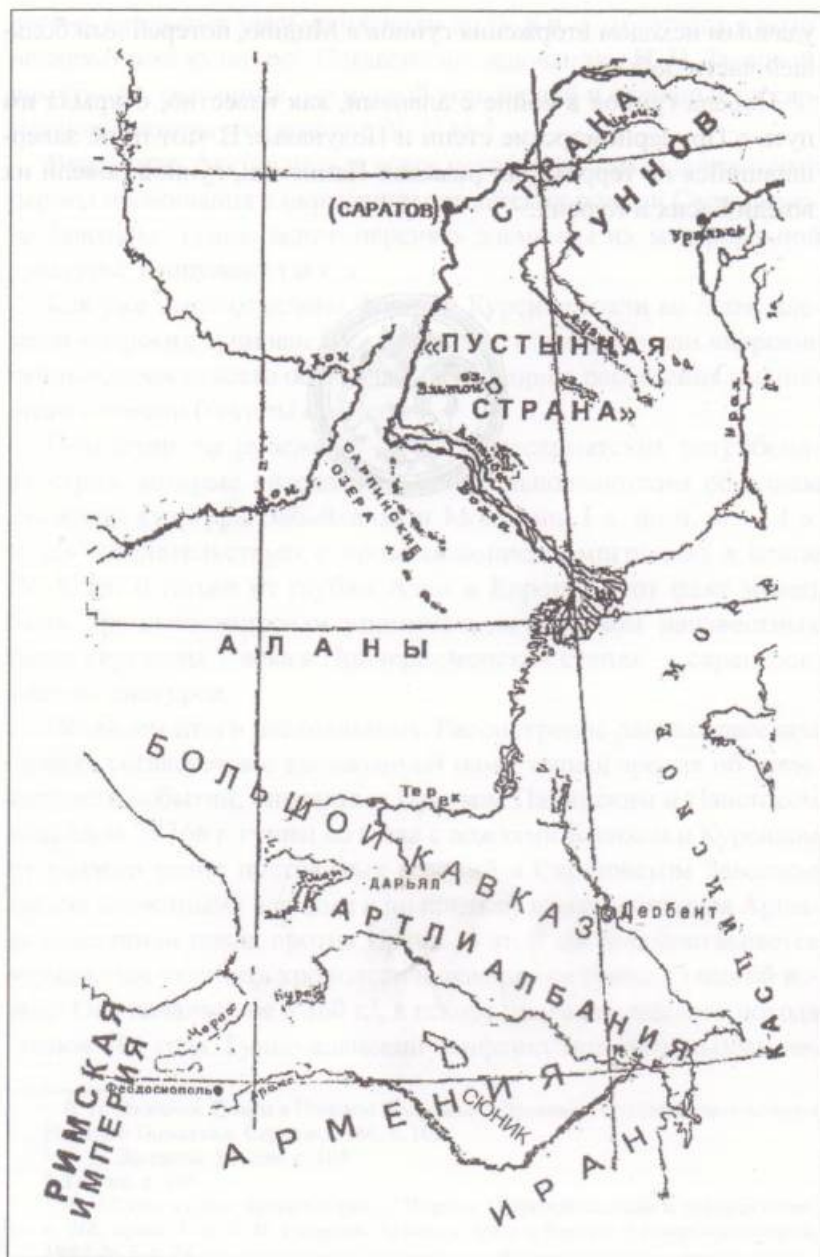
Посол Западно-Римской империи Ромул вспомнил о походе Басиха и Курсиха в Мидию, рассказывая Приску Панийскому и Максимино о планах Аттилы совершить нападение на Иран.

Вторгнуться в Иран Аттила намеревался, пройдя через Аланские ворота (Дарьяльское ущелье) Большого Кавказа.

Эту же информацию в беседе с Приском и Ромулом подтвердил Константиол, римлянин на службе у Аттилы.

Приск пишет: «Стремясь достигнуть еще большего сверх существующего и увеличить свои владения, он желает идти на персов. Когда кто-то из нас спросил, каким путем он может пойти на персов, Ромул сказал, что страна мидян находится на небольшом расстоянии от Скифии...» (Далее Ромул рассказывает о походе Басиха и Курсиха — *Р. М.*). «...Итак, Аттила, пожелав пойти на нее (Мидию — *Р. М.*), не понесет больших трудов и не совершит длинного пути, так что покорит и мидян, и парфян, и персов и принудит их к уплате дани: ведь он располагает силой, которой не может противостоять ни один народ»¹.

¹ Prisci Panitae Fragmenta//C. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum. Paris, 1868, t. IV, p. 90: 'Επιέμενον δὲ πρὸς τοῖς παροῦσι πλεόνων καὶ ἐπὶ μείζον αἰξοντα τὴν ἀρχὴν, καὶ ἐξ Πέρσας ἀπιέναι βούλεσθαι. Τὸν δὲ ἐν ἡμῖν τινος πυθομένου ποίαν

«Итак, после (покорения) мидян, парфян и персов ... заставит называть себя базиливсом», — сообщает Константиол¹.

Победа Аттилы над Иранской державой должна была доставить ему не только огромную военную добычу, но и право на принятие великодержавного титула базилевса — юридическое оформление своего реального положения на международной арене.

Из приведенного сообщения Приска со всей определенностью следует, что нападение на Иран и его покорение были приоритетными целями Аттилы в 449 г.² Возможно, именно этим обстоятельством был обусловлен явный спад его политической активности в отношении Константинополя и Равенны в двухлетие с 448 по 450 год, между сокрушительным походом на Балканах в 447 г. и нашествием на Галлию весной 451 г.³

Инциденты, имевшие место в отношениях между Аттилой и Западной империей в 448–449 гг. — бегство к его двору Евдоксия — одного из предводителей галльских багаудов (*Chron. Gal. A. CCCCLII p. 662*) и спор о золотых чашах — так называемое «дело

ὁδὸν τραπεῖς ἐς Πέρσας ἔλθειν δυνήσεται, ἔλεγεν ὁ Ῥωμίλος, μὴ πολλῶ διαστήματι τὴν Μῆδον ἀφεστάναι τῆς Σκυθικῆς....

Τὸν οὖν Ἀττίλαν ἐπ'αὐτὴν ἰέναι βουλόμενον οὐ πονήσειν πολλὰ, οὔτε μακρὰν ἀνόσειν ὁδὸν, ὥστε καὶ Μῆδους καὶ Πάρθους καὶ Πέρσας παραστήσεσθαι καὶ ἀναγκάσειν ἔλθειν ἐς φόρου ἀπαγογῆν' παρῆναι γὰρ αὐτῷ μάχιμον δύναμιν, ἣν οὐδὲν ἔθνος ὑποστήσεται.

¹ Ἐλεγεν οὖν μετὰ Μῆδους καὶ Πάρθους καὶ Πέρσας... ἀναγκάσειν σφᾶς... βασιλέα προσαγορεύειν...

² Э. А. Томпсон относит посольство Максимиана и Приска к Аттиле к раннему лету 449г. (*E. A. Thompson. Op. cit. p. 113, 273*). Э. А. Томпсон отмечает, что Зенон Исавр упомянут в сочинении Приска в качестве главнокомандующего вооруженных сил Востока (*Prisc. Frag. 8, p. 94*). Эту должность Зенон, консул 448 г., занимал с 449г. (*A. H. M. Jones. The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic, and Administrative Survey. Oxford. 1964. (1990), v. I, p. 203*). Посольство Максимиана и Приска датируется 448 г.: *C. Müller. Op. cit. p. 70; Л. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Ленинград, 1951, с. 156; З. В. Удальцова. Дипломатия ранней Византии в изображении современников // Культура Византии. Москва, 1984, с. 371–373.*

³ В 447г. Аттила совершил нашествие на балканские провинции Восточной Римской империи. Гунны и их германские сателлиты (гепиды, остготы и др.) разгромили до 70 городов (*Chron. Gal. A. CCCCLII // M. G. H. A. A., t IX, v. VI, p. 662*) и дошли до Фермопил (*Marc. Com. Chron. // M. G. H. A. A., t XI, v. II, p. 82*). Правительство Феодосия II смогло добиться прекращения войны, согласившись выплачивать Аттиле ежегодную дань в 2100 литр. золотом (*Prisc. Frag. 5*)

Сильвана», остались без политических последствий, не переросли в конфронтацию между сторонами¹.

Уладить последний вопрос и было целью миссии Ромула. Принимая западно-римского посла, Аттила потребовал выдать ему Сильвана, чему решительно противился Равеннский двор, или вернуть драгоценности. В случае невыполнения своих требований Аттила (в свойственной ему манере ведения переговоров) угрожал начать войну. Однако выбор действий, предоставленный им тут же римской стороне, говорит о его склонности к компромиссному разрешению конфликта. Показательно, что исход спора у Приска не отражен. Видимо, так или иначе, он был улажен на взаимоприемлемых началах. (Римляне предлагали выплатить денежное возмещение за драгоценности.)

Действия Аттилы в 448–449гг. — покорение племенного союза акациров, а также «остальных народов» Северного Причерноморья и утверждение его господства над «всей Скифией» — так

¹ Конфликт известен только из сообщений Приска (*Prisc. Frag. 8, p. 84–85*). Ему предшествовали следующие события. В 442 году Аттила разгромил Сирмию — центр Паннонии Второй. Захват Сирмия представлял собой военную акцию против Западной Римской империи. Аттила тем самым порвал со своим положением федерата Римской империи, так как Паннонию Вторую до Саввы ему незадолго до этого — дата неизвестна — уступил Аэций (*Prisc. Frag. 7, p. 76*), что, по всей видимости, было связано с решающей военной помощью гуннов в борьбе римлян в Галлии с бургундами и багаудами (433–439 гг.)

Во время осады Сирмия епископ города передал Аттиле через начальника его канцелярии римлянина Констанция золотые фиалы с просьбой сохранить за них ему жизнь, а в случае его гибели, выкупить на них из плена горожан (*Prisc. Frag. 8, p. 84*).

Участь епископа после падения Сирмия неизвестна. Получив драгоценности, Констанций присвоил их. В 443 г. он посетил Рим. Эта поездка доверенного лица Аттилы, имевшая место вскоре после падения Сирмия, по всей видимости, была совершена с дипломатическими целями. Вскоре после возвращения к гуннам Констанций был обвинен Аттилой и его братом Бледой (убит Аттилой в 444г.) в измене и казнен. (В чем заключались обвинения, Приск не раскрывает). В Риме Констанций заложил фиалы Сильвану — «начальнику монетного стола». — ('ἀρχὸν ἀργυρίου τραπέζης) — пер. Г. С. Дестуниса // Г. С. Дестунис. Ук. соч. с. 48).

В 449г., узнав о заложенных в Риме фиалах, Аттила потребовал выдать ему Сильвана, «как укравшего их». Посольство во главе с Ромулом ставило себе задачей ограничиться исключительно решением «дела Сильвана». Равеннский двор, где продолжал влиятельную роль играть Аэций, избегал поднимать вопросы об экстрадиции Евдоксия, об освобождении из рабства жителей Сирмия, удерживавшихся у гуннов — вопросы, которые могли ухудшить отношения с Аттилой. По выражению Константиола, Аттила — «друг» римлян (*Prisc. Frag. 8, p. 90*).

характеризует итог этих событий Прииск — создавали необходимые условия для осуществления похода гуннов за Кавказ, против Ирана.

Рассмотрение сообщения Прииска о плане иранского похода Атиллы может, на наш взгляд, выявить ближневосточное направление его политики и дипломатии. В освещении этого вопроса важное значение имеют данные о гунно-армянских политических контактах в труде Лазаря Парпского, армянского историка второй половины V века.

Следует отметить, что, несмотря на свою содержательность, информация Прииска не вызвала интереса у исследователей истории гуннов. В их работах план Атиллы по нападению на Иран расценивается не более как, не получившая практического продолжения, идея.

Так, О. Зеек вообще не замечает плана Атиллы в своей статье¹. Л. Шмидт высказывается о плане расплывчато и неточно: «царь гуннов даже думал о распространении границ своей державы в Мидию и Персию»². Этой темы он более не затрагивал.

Э. Томпсон лишь кратко пересказывает содержание сообщения Прииска об антииранском плане Атиллы. Он опускает его ключевые детали и воздерживается от каких-либо суждений³.

Ф. Альтгейм обходит его своим вниманием, лишь вскользь о нем упомянув⁴. О. Мэнчен-Хелфен ограничивается одним всего замечанием об «амбициозных планах Атиллы»⁵. Как следствие отсутствия интереса к информации Прииска, вне рассмотрения остаются и упомянутые выше его данные о господстве Атиллы в восточно-европейских степях. И без связи с его планом иранского похода в литературе преподносится экспедиция гуннов во главе с наследником Атиллы Эллаком и Онегеснем в Причерноморские степи в 449 г., а также вопросы гунно-восточно-римских (византийских) отношений.

¹ O. Seeck. Attila // PW-RE II, 2, 1896, col. 2241–2247.

² L. Schmidt. Attila // The Cambridge Medieval History, v. I. London, p. 361.

³ E. A. Thompson. A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948. Второе издание: E. A. Thompson. The Huns. p. 127.

⁴ F. Altheim. Op. cit., p. 169, 170.

⁵ O. Meanchen-Helfen. The World of the Huns. p. 54.

А. Н. Бернштам, М. И. Артамонов, Л. Н. Гумилев в своих обобщающих работах не затрагивали известий Прииска по конкретным вопросам внешней политики и дипломатии Атиллы¹.

Последняя работа, в которой было уделено некоторое внимание сообщениям Прииска о плане иранского похода Атиллы, принадлежит П. Хизру. Деятельности Атиллы он отводит две большие главы². Не останавливаясь специально и в деталях на анализе свидетельств Прииска, П. Хизр высказывает, можно сказать, уже ставший «традиционным» взгляд относительно политических интересов Атиллы к Ирану.

П. Хизр пишет: «Честолюбивые планы завоеваний... были составлены судя по всему в силу полузабытой географии»³. И далее замечает: «Было ли когда-либо нападение на Персию серьезно рассмотрено, в этом я сомневаюсь»⁴.

В связи с этими утверждениями показательно, что автор упускает из виду указание Прииска о подчинении Атилле «всей Скифии», ошибочно локализует акациров по берегам Днестра⁵.

Покорению акациров Атиллой предшествовала его война с саросгами, которые согласно Приску, были первыми из племен «Скифии», столкнувшихся с экспансией центрально-европейских («паннонских») гуннов. К покорению «Скифии» Атила и Бледа приступили еще в 434 г., сразу после заключения мира с Восточно-Римской империей в Marpe (Prisc. Frag. 1). П. Хизр,

¹ А. Н. Бернштам. Ук. соч. Проблемам эпохи Атиллы автор уделяет небольшую главу. (с. 154–163), неизбежно неполную по охвату материала; Артамонов М. И. История хазар. Л. 1962. с. 60; Л. Н. Гумилев. Хунны в Азии и Европе // Вопросы истории, 1989, № 7, с. 21–38. Экспедиция войск Атиллы в Восточно-европейскую степь в 449 г., и связанный с ней замысел иранского похода не входят в круг исследовательских интересов В. Т. Сиротенко и А. Г. Корсунского (См: В. Т. Сиротенко. Взаимоотношения гуннов и Римской империи // Ученые записки Пермского государственного университета, 1959, т. 12, вып. 4, с. 70–95; А. Г. Корсунский. Гунны и Западная Римская империя. с. 105–116).

² P. Heather. The Fall of the Roman Empire. A New History. London (Pan Books), 2006, pp. 300–350; 351–385.

³ P. Heather. Op. cit. p. 335. «Ambitious plans of conquest, on the face of it (вследствие нахождения гуннов на Великой Венгерской равнине — P. M.) were being drawn up on the strength of halfremembered geography...».

⁴ P. Heather. Op. cit. p. 336. «Whether an attack on Persia was ever seriously contemplated I doubt...».

⁵ P. Heather. Op. cit. p. 331.

поместивший акациров по берегам Днестра, оставляет без внимания вопрос о местонахождении соросгов, находившихся, вне всяких сомнений, западнее акациров. (Под «Скифией» у Приска следует понимать степи Северного Причерноморья, т. е. никак не провинцию фракийского диоцеза «Скифию»).

Мнение П. Хизра, будто Атиллы не рассматривал серьезно собственную же идею антииранского похода, выглядит явно неубедительным. Оно не требует специального опровержения ввиду известных фактов его внешнеполитической практики. Это мнение не согласуется и с тем повышенным интересом к замыслу Атиллы, который проявляют римские дипломаты. Они не высказывают и малейшего сомнения относительно его осуществимости. Примечательно, что Ромул рассказывает своим собеседникам о плане иранского похода гуннов после своей аудиенции у Атиллы, на которой обсуждался вопрос о фиалах. Начав беседу с Приском с краткого упоминания о «деле Сильвана» — предмете его переговоров с Атилой, Ромул, однако, сразу переходит к обсуждению темы, волновавшей его и его собеседников куда более — не отношений Атиллы с римским Западом, а планов правителя гуннов совершить поход на Иранскую державу.

Как и рассказ о походе Басиха и Курсиха в Мидию, сведения Приска об антииранских замыслах Атиллы заслуживают специального рассмотрения.

В известии Приска важно отметить следующие обстоятельства. Противниками гуннов указаны персы, парфяне, мидяне. Они (иранцы) указаны шесть раз. При этом, в числе противников ни разу не указаны армяне и грузины. Они не упоминаются вовсе, хотя на своем пути в Иран (Мидию) Атилле предстояло пройти по территориям Грузии (Картли) и Армении. Таким образом, в известии Приска подчеркивается исключительно антииранская направленность замышляемого похода. Соответственно этому указаны страны — цели вторжения гуннов — Мидия и Персия, и ни разу не упомянуты Грузия и Армения. Вместо них в сообщении Приска говорится о «небольшом расстоянии», отделяющем «Скифию» от Мидии — территории персов.

Приведенные здесь соображения настоятельно требуют сделать следующие выводы: отсутствие в сообщении Приска упоминаний об армянах и грузинах в качестве противников Атиллы не случайно и полностью соответствует раскладу сил и интересов в Закавказском регионе в 448–449 гг., а также отражает объективные геополитические условия предполагаемого театра военных действий.

В случае нападения Атиллы на Иран Закавказский регион приобретал для него решающее стратегическое значение. Армения, имевшая протяженную границу с Ираном (в Мидии и Месопотамии), оказывалась для гуннов на положении одновременно и тыла и плацдарма; Дарьяльский проход служил единственной коммуникационной линией с предкавказской степью. Таким образом, осуществление иранского похода неизбежно устанавливало определенную стратегическую зависимость гуннов от военно-политических сил региона, какими являлись Армения и Картли и, следовательно, обретение Атилой прочных позиций в Армении и Картли должно было стать важнейшим условием успеха вторжения в Иран, можно сказать, являлось его стратегическим императивом.

В интересах Атиллы было занять четкую позицию в отношении военно-феодального класса Армении — нахарарства, в совокупности располагавшего значительной боевой силой в 80 тысяч конницы. И также в интересах Атиллы было использовать отношения армянского нахарарства с Ираном — отношения, которые к этому времени вылились в открытое противостояние.

В 428 г. с упразднением царства армянских Аршакидов, Армения была обращена в провинцию Иранской державы. По своему политическому статусу Армения, однако, резко отличалась от остальных провинций Ирана. Армянская феодальная знать в лице нахарарского сословия сохранила свое господствующее положение — самоуправленческие права на местах и собственные вооруженные силы. Функционировали старая государственная администрация, суд, военные структуры. 15-тысячную армянскую конницу азатов — бывших царских бенефициариев возглавлял спарапет — главнокомандующий всех вооруженных сил Армении Вардан Мамиконян (Должность спарапета наследственно

принадлежала роду Мамиконянов). С начала 440-х гг. должность марзпана, наместника шахиншаха занимал Васак Сюни — глава крупнейшего нахарарского рода Армении.

Шахиншах Иездигерд II (438–456) предпринял решительные шаги по упразднению самостоятельности Армении и ее нивелированию в составе Иранского государства. Иранский двор смог поставить под свой контроль армянские вооруженные силы. В 442 г. конница азатов и контингенты нахараров во главе с Варданом Мамиконяном были отправлены в Маргиану¹ для участия в войнах Ирана с центрально-азиатскими кочевниками — хионитами и эфталитами.² Отправки армянских контингентов на Восток приняли регулярный характер. Одновременно в 442–449 гг. в Армению вводились иранские гарнизоны. Таким образом, действия Иездигерда были вызваны не нехваткой собственно иранских войск для отпора кочевникам, а совершались с целью подорвать военный потенциал Армении, ослабить ее сопротивляемость главному удару, который готовил шахиншах — запрету исповедания христианства и обращению ее в зороастризм.

В 447 г. в результате переписи, проведенной в Армении по приказу Иездигерда, был удвоен налоговый гнет крестьянства, налогами были обложены владения знати (леса, пастбища). Податным сословием сделалась христианская церковь. Егише (Елисей) раскрывает цель этой политики: вызвать крайнюю нищету и заставить перейти страну в зороастризм («веру магов»).

В 448 г. в Армении был обнародован царский указ, повелевавший отречься от христианства и принять зороастризм. Собравшиеся в Арташате нахарары и высшее христианское духовенство отвергли это требование, но подтвердили свое подданство шахиншаху. В ответ, созвав весной 449 г. в Ктесифоне глав крупнейших нахарарских домов — в их числе спарапета Вардана Мамиконяна и марзпана Васака Сюни, Иездигерд потребовал от них под страхом смерти и репрессий их семей, принять зороастризм. По тайному уговору князя согласились на показное исполнение зороастрий-

¹ R. Grousset. Histoire de l'Arménie. p. 192. n. 4.

² Е. Е. Неразник. Предки таджикского народа в IV–V вв. н. э. С. 410.

ского обряда — публичное поклонение солнцу¹. Их отречение было ложным. По возвращении в Армению большинство из них объявило о своей приверженности христианству. Васак Сюни, оставивший при иранском дворе в заложниках обоих своих сыновей, вернулся в сопровождении 700 мобедов и отряда иранской конницы. Задачей зороастрийских жрецов было приступить к разрушению христианских храмов и обращению народа в зороастризм.

Политика Иездигерда вызвала острое недовольство всех слоев армянского общества. К осени 449 г. Армения стояла на пороге грандиозного национально-освободительного восстания.

Принимая во внимание эти события, следует безоговорочно признать, что сложившаяся в Армении политическая ситуация объективно была благоприятной для осуществления антииранских замыслов Атиллы, а его военный план (известный благодаря записям Приска) был составлен, явно, с учетом этой ситуации. Логично предположить, что общность интересов гуннов и армян в 449 г. могла иметь соответствующие политические последствия. И в этой связи чрезвычайно интересным представляется другой, помимо записи Приска, документ эпохи. Это послание Васака Сюни Вардану Мамиконяну, отправленное в августе 449 г. Его приводит в своем труде Лазарь Парпский². Оно было на-

¹ Եղիշէ. Վսիւն Վարդանիւն... (Егише. О Вардане... древнеарм. яз.) էջ 90.; R. Grousset. Histoire de l'Arménie. p. 193.

² Лазарь Парпский, настоятель монастыря в Вагаршапате, был приближенным верховного правителя Армении Вагана Мамиконяна (484–504 гг.) — племянника Вардана Мамиконяна и имел доступ к государственному архиву. (Подробно см.: М. Абебян. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975, с. 177). Его труд — важнейший источник по истории армянских восстаний против господства Сасанидов в 449–451 и 481–484 гг.. Большое внимание Лазарь уделяет войнам Ирана с центрально-азиатскими кочевниками, восточно-римско(византийско)-иранским отношениям.

Обзор свидетельств Лазаря Парпского о кочевниках Центральной Азии см.: К. В. Тревер. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV–VII вв. (К истории народов Средней Азии) // Советская археология (СА), XXI, 1954, с. 131–147. Е. Е. Неразник отмечает, что имя «эфталит» впервые появляется в труде Лазаря Парпского. (См.: Е. Е. Неразник. Предки таджикского народа... с. 406).

К большому сожалению, труд Лазаря Парпского не переведен на русский язык. Французский перевод В. Ланглуа (См.: Lazare de Pharbe. Histoire d'Arménie // Collection des Historiens de l'Arménie. Paris, 1869, t. 2) содержит по интересующему нас вопросу ряд досадных ошибок (Op. cit., pp. 304–305). Читателю мы можем рекомендовать перевод Роберта Томсона: The History of Lazar Parpeci. Translated by Robert W. Thomson. Scholars Press. Atlanta. 1991.

писано при следующих обстоятельствах. Летом 449 г., возвратившись из столицы Ирана в Армению, Вардан Мамиконян решил эмигрировать в Восточно-Римскую империю и поступить на службу к Константинопольскому двору. Целью Васака Сюни было убедить Вардана Мамиконяна остаться в Армении. Предвидя вооруженную борьбу с Ираном, Васак Сюни стремился в его лице сохранить для страны опытного и авторитетного военачальника. Итак, Васак Сюни пишет Вардану Мамиконяну: «Вернись и мы напишем императору послание и отдадим себя в услужение ему и он поверит, что по нашей воле мы ему подчиняем столь большую страну и с радостью и по доброй воле он даст нам войска. Они и мы, объединившись, постоянно в тяжелом положении будем держать владыку Ирана и персов. Но может быть и так, что император рассудит иначе и выгоды своей не поймет.

Пока я был марзпаном Иберии и Албанские ворота были в моих руках много гуннских военачальников завело со мной дружбу клятвенно и с обетами. И сегодня также клятвенно они приходят ко мне.

Вся подать из Армении поступает ко мне. В моих руках все горцакалы (чиновники — *P. M.*) и огромное имущество, которое я отнял у персидских горцакалов в Армении. Все это в моей сокровищнице, и если я часть из этого пошлю к гуннам, то выведу гуннов в таком количестве, что Персидской земли не хватит им на добычу»¹.

¹ Ղազարայ Փարսեցւոյ Պատմութիւն Հայոց (Лазарь Парпский, История Армении. (древнеарм. текст). Ереван, 1984, Критическое издание текста Г. Тер-Мкртчяна и Ст. Малхасянца.) «...դարձի ր, և ևաճալ անենք առ կայսր, և գանձինս մեր նմա ի ծառայութիւն տամք, և նա հպատակայ, թէ զայսպիսի մեծ աշխարհ նմա մե՛ր կամալ ի ծառայութիւն տամք խնդրութեամբ և կյանս յանձն անուռ, և զոր տայ մեզ. և նորա և մեր միաբանեալք միշտ աշխատուինք զուրն Արեւաց և զԱրիս: Ապա թէ կայսր այսպազայնս ինչ խորհի և չճանաչէ զիւր օգուտսն և ես մինչ Կրաց մարզպանն էի և դուռն Աղուանից յիմում ձեռին էր բազում զօրագլուխք Հոնաց ընդ իս բարեկամացան ոխտի և երդմամբ, և այսօր նովին երդմամբ երթնելեն առ իս. և հարկքս ամենայն աշխարհիս Հայոց առ իս են, գործակալք ամենայն յիմում ձեռին են և այլ նս բազում կարասի, զոր ի պարսիկ գործակալացն հանի որ աստ ի Հայս էին, և յիմում գանձի կայ. յորմէ թէ զսի մասն Հոնաց տամ տանել անտի այնչափ աստիկ հանեն Հոնս, որչափ զի հողն Պարսից չբառիցէ նոցա յաւարի»:

После гибели Вардана Мамиконяна в Аварайрской битве с иранскими войсками 26 мая 451 г. послание Васака Сюни оказалось у князя Аршавира Камсаракана, зятя и ближайшего сподвижника Вардана Мамиконяна. Аршавир Камсаракан зачитал его Иездигерду на судилище, устроенном шахиншахом в Ктесифоне над руководителями восстания (лето 451 г.). Лазарь приводит слова Аршавира Камсаракана: «Письмо, которое написал Вардану владетель Сюника есть, печать при нем и находится у нас». И далее Лазарь сообщает: «Персидский царь и знать увидели письма, которые писал Васак, владетель Сюника».

У нас нет оснований сомневаться в точности передачи Лазарем содержания послания. Более того, из приведенных им реплик следует, что он цитирует подлинный документ. План Васака, оглашенный перед Иездигердом, послужил основанием для его обвинения в измене. Заточенный в темницу в Ктесифоне, Васак вскоре умер, не выдержав условий заключения (451 г.).

В своем послании Васак Сюни раскрыл план освобождения Армении от иранского господства в самых общих чертах. Он сообщает минимум информации, но и этот минимум достаточен, чтобы прийти к ряду несомненных выводов. В предстоящей борьбе с Сасанидской державой Васак Сюни рассматривает гуннов в качестве военных союзников армян. Действия гуннов не долж-

В тексте Лазаря вместо Аланских ворот — Дарьяльского прохода ошибочно дано написание «Албанские ворота», что, конечно, представляет собой опisku переписчика.

Васак Сюни указывает, что он контролировал «Албанские ворота» будучи марзпаном Иберии (Картли), а с ее территории он мог контролировать только Дарьяльский проход. Как пишет марзпан, он поддерживает связи с гуннами «и сегодня» — летом 449 года. Этот факт бесспорно указывает на Дарьяльский проход, так как, по свидетельству Етише и Лазаря, Албанские ворота (они же — «Каспийские ворота»), «крепость Чор», Чорские ворота, Чора пахак) находившиеся на месте Дербентского прохода (См: *А. А. Кудрявцев. Древний Дербент. с. 49*), охранялись сильным иранским гарнизоном до осени 450 года, когда были взяты армянскими и албанскими войсками во главе с Варданом Мамиконяном.

Таким образом, сношения гуннов с Васакем Сюни осуществлялись через Аланские ворота. Следует отметить, что древние источники, и не только греко-римские, допускали нередко путаницу наименований обоих проходов Кавказа. Как пишет об этом явление А. А. Кудрявцев, (Ук. соч. с. 50): «в раннесасанидских надписях, где упоминаются Албанские ворота (Нахши-и-Рустамская надпись Картира в Иране), они имеют одинаковое написание с Аланскими».

ны были ограничиться борьбой с иранскими войсками в пределах Армении или Закавказья. Марзпан говорит о куда большей по масштабу военной задаче — вторжении гуннов на собственно иранскую территорию, ограблении «Персидской земли» огромным по численности противником.

Таким образом, следует отметить совпадение намерений Аттилы и Васака Сюни. Эти опасные для Иранской державы планы марзпан предаёт гласности после неоднократных своих переговоров с гуннскими военачальниками, которые, как он сообщает, установили с ним дружбу, «клятвенно и с обетами». Таким образом, переговоры между сторонами — гуннами и Васаком Сюни велись о заключении военного союза. Важно также отметить, что инициатива ведения переговоров исходила от гуннов. «Они и сегодня приходят ко мне», — пишет марзпан. Цель этой инициативы откровенно формулируется в заключительной части послания.

Вышеуказанное даёт основания прийти к следующему заключению. Известия Приска и Лазаря восполняют друг друга. Отсутствие у Приска в перечне народов, которых Аттила намеревался покорить и обложить данью, упоминаний об армянах и грузинах находит свое объяснение в послании Васака Сюни, в приводимых им фактах.

Из послания Васака Сюни явствует, что летом 449 г. в Северокавказской степи, на территории современного Ставрополя, были сконцентрированы массы гуннов, готовые к нападению на Иран.

Как уже было сказано, сведения в послании Васака Сюни существенно дополняют информацию Приска о плане Аттилы. Не приходится сомневаться, что гунны, вступившие в союзнические отношения с армянским князем — это гунны Аттилы, авангард его сил.

В пользу данного положения приведем дополнительные факты и доводы. Очень трудно предположить, чтобы в 449 году в Предкавказье вместо сил Аттилы могло находиться равное им по военной мощи другое гуннское формирование, которое было бы способно угрожать непосредственно Ирану, а не только его при-

граничным владениям на севере Закавказья.¹ В интересующем нас вопросе решающим доводом являются вполне определенные свидетельства Приска о господстве Аттилы в Предкавказской степи в 449г., т. е. на территориях, с которых гунны вели переговоры с армянской стороной. Э. Томпсон, К. Гордон, П. Хизр, М. И. Артамонов этих свидетельств не рассматривали.

Приск отмечает, что Аттила к моменту посещения его ставки восточно-римским посольством наложил дань на «всю Скифию» (... πάση τῇ Σκυθικῇ — Prisc., frag. p. 90).

Приск застал возвращение из похода в Северное Причерноморье гуннов во главе с Эллаком и Онегесием. В результате этого похода Эллак сделался правителем акациров и «других народов», проживавших в припонтийской (причерноморской) Скифии (... τῶν λοιπῶν ἔθνῶν νεμομένῶν τὴν πρὸς τὸν Πόντον Σκυθικὴν... Prisc., Frag. p. 89).

Таким образом, подвластная Аттиле «вся Скифия» включала территории кочевий как акациров, так и «других народов» — племен, местонахождение которых должно быть отнесено в восточные области Северного Причерноморья.

Приск дважды в рассказе о походе Басиха и Курсиха в Мидию и в связи с планом Аттилы указывает: «... страна мидян отстоит на небольшом расстоянии от Скифии». (μὴ πολλῷ διαστήματι τὴν Μήδων ἀφεστάναι τῆς Σκυθικῆς. — Prisc. frag. p. 90).

Здесь подразумевается не только южный географический предел «Скифии» — восточно-европейской степи — в лице Главного Кавказского хребта, за которым на «небольшом расстоянии» расположена Мидия, но также и предел господства Аттилы в «Скифии». Именно на эту, прилегающую к Главному Кавказскому хребту, область «Скифии» указывает в рассказе Приска Ромул, отвечая на заданный ему вопрос, по какой дороге может двинуться Аттила «на персов» (ἐς Πέρσας).

¹ Исторический труд Приска — основной источник по этноплеменному составу северо-восточного Причерноморья и Предкавказской степи V века не сохранил известий о существовании здесь крупных племенных союзов в 440гг. На вторую половину 460-ых гг. Приск отмечает усиление сарагур, которые, разбили акациров и затем утвердились в степях Северного Кавказа.

Очевидно, что говоря либо о походе Басиха и Курсиха из Заволжья, либо о планируемом выступлении Атиллы из Подунавья, Приск под Скифией, находящейся от Мидии на небольшом расстоянии, подразумевает Предкавказскую степь.

Расстояние от нее до Мидии, точнее говоря, от Дарьяла до армяно-мидийской границы по Араксу, равное приблизительно 450–480 км, действительно оказывается небольшим по сравнению с 1600–1700-километровой протяженностью «Скифии» — всей южно-русской степи от устья Дуная до Терека. Таким образом, в рассказе Приска (вопреки мнению П. Хизра) отражены реальные географические особенности региона.

Эти же географические реалии повторены Приском и более конкретно: «...Атиллы, пожелав идти на нее (Мидию — *P. M.*), не затратит много стараний и не совершит длинного пути». (Τὸν οὖν Ἀττίλλαν ἐπ' αὐτὴν ἰέναι βουλόμενον οὐ πονήσειν πολλὰ, οὔτε μακρὰν ἀνύσειν ὁδὸν... — *Prisc. Frag. p. 90*).

Между обоими этими утверждениями противоречий нет. Первое из них подразумевает господство Атиллы на всем пространстве восточноевропейской степи до Главного Кавказского хребта, т. е. отсутствие здесь на его пути каких-либо преград в лице независимых племенных объединений, (Сообщение Приска о покорении гуннами Атиллы акациров и «других народов Причерноморской Скифии» конкретизирует данное утверждение).

Предстоящий Атилле «недлинный путь», который указан во втором утверждении, конечно же, равен не протяженности «всей Скифии» до Кавказа, а начинающемуся за ним и уже отмеченному Приском «небольшому расстоянию», которое отделяет «Скифию» от Мидии — армяно-мидийской границы по Араксу. Приск здесь вновь имеет ввиду территории Иберии и Армении — стран, которые не упомянуты вовсе не случайно, а потому что не являлись целями нападения гуннов.

В рассказе о походе в Мидию Басиха и Курсиха Приск отмечает исходный рубеж этого «недлинного» пути — это Дарьяльский проход. Для гуннской (и вообще степной) конницы отрезок пути

в 450–480 км от Дарьяла до Аракса мог занять при ровном движении не более 4–5 дней пути¹.

Итак, подчинение центрально-европейским («царским») гуннам «всей Скифии» и обретение ими доступа к Дарьяльскому проходу, вне всяких сомнений, следует связывать с походом Эллака и Онегесия весной 449 г. Следует также заметить, что удержать в покорности кочевников Восточного Причерноморья и Предкавказской степи, вошедших в состав «царства Эллака», можно было при условии оставления там значительной воинской силы — авангарда войск Атиллы.

Как явствует из послания Васака Сюни, летом-осенью 449 г. такая сила действительно стояла за Аланскими воротами в Предкавказье. И тогда же гуннские военачальники, не раз проходя по Дарьялу, вели переговоры с марзпаном Армении.

Свидетельства Егише и Лазаря Парпского о ситуации в Армении позволяют представить даже в некоторых подробностях обстоятельства, в которых проходили эти переговоры.

К середине лета 449 г., вернувшись из Ктесифона в Армению в сопровождении 700 мобедов и многочисленной иранской администрации, Васак Сюни вместе с ними пребывал в крепости селения Англ, в провинции Цалкотн. Иранские гарнизоны были введены в столицу страны Арташат, крепости Гарни, Артагерс и др.. В этих условиях иноземной оккупации Васаку Сюни удавалось вести переговоры с гуннами. Его слова: «И сегодня также клятвенно они приходят ко мне», не оставляют и тени сомнения, что имели место непосредственные и неоднократные его контакты с гуннами. Гуннские эмиссары должны были добираться до Араратской равнины Армении, а затем перейдя Аракс, двигаться в Англ — резиденцию марзпана и 700 зороастрийских магов. Где-то, видимо, неподалеку от Англа проходили эти тайные встречи.

Следует отметить, что приезды гуннов в Армению и их возвращения могли состояться при условии, по меньшей мере,

¹ Аммиан Марцеллин (*Amm. Marc. XXXI, 6, 8*) отмечает выносливость и быстроту гуннских коней, которые по своим характеристикам, видимо, не отличались от монгольских.

нейтральной позиции грузинской стороны. Очевидно, что ее отношение могло быть продиктовано заинтересованностью в политических целях гунно-армянских контактов. Нельзя также и во все исключать, что за годы своего пребывания на посту иранского марзпана Грузии (Картли), Васак Сюни мог расположить к себе грузинскую знать.

Обо всех этих контактах и планах, как видно из послания Васака Сюни, спарапет Вардан Мамиконян не знал. Раскрыть их марзпана, видимо, побудила крайняя необходимость. Стремясь сплотить под своим руководством высшую знать, Васак Сюни не желал оттолкнуть от себя могущественный род Мамиконянов. Их главе Вардану Мамиконяну он отводил роль военного вождя восстания, себя же, по всей видимости, прочил на роль его верховного — политического руководителя.

Готовясь к решительной схватке с сильнейшим противником, верховный правитель Армении рассматривал два возможных варианта развития событий.

В первом из них, Армения добровольно входила в состав Восточно-Римской империи. И уже в статусе подданных императора вместе с римскими войсками армяне вступали в войну с Ираном.

Во втором случае, Армения самостоятельно начинала освободительную войну, опираясь на поддержку могущественной гуннской группировки из Предкавказской степи. Приход гуннов виделся марзпану более вероятным, чем вступление империи в большую войну на Востоке.

В отличие от локальной римско-иранской войны 441 г., в этой должен был решиться фундаментальный вопрос о раскладе сил на Ближнем Востоке. Васак Сюни небезосновательно допускал, что Восточная империя к такому напряжению сил окажется неготовой: «Император своей выгоды не поймет». (Неудача переговоров восставших армян с Константинопольским двором весной-летом 450 г. подтверждает его правоту). Однако решительное предпочтение оказанное Васакком приходу гуннов, несомненно, мотивировалось не только пониманием того, что военные возможности Константинополя ограничены. Именно благодаря вступлению гуннов в войну с Ираном, Васак Сюни мог еще более укрепить

свое главенствующее положение в Армении, что, в свою очередь, видимо, отвечало его далеко идущим целям. И Егише и Лазарь приписывают ему стремление к обретению царской власти. Нет ничего невероятного в том, что влиятельнейший нахарар мог вынашивать подобные планы. С переходом Армении под господство Римской империи они были бы неосуществимы.

Получив послание Васака Сюни, Вардан Мамиконян прибыл в ставку Васака Сюни и приступил к подготовке восстания. Долгое сокрытие от него переговоров с гуннами могло, конечно, укрепить его личное недоверие к марзпану. Васак Сюни в своем послании — хотел он того или нет — раскрыл свои политические возможности. Именно с ним — первым лицом в нахарарско-княжеской иерархии Армении и одновременно ее иранским наместником — гунны поддерживали сношения и договаривались о союзе. Для Вардана Мамиконяна, и сгруппировавшихся вокруг него представителей армянской знати, возвышение рода Сюнидов вплоть до возможного обретения им царской власти над страной, по всей видимости, представлялось не той целью, ради которой они готовы были подняться на борьбу с Иранской державой.

* * *

В 449 г. Атила планировал нанести поражение Иранской державе и сделать своим данником шахиншаха Иездигерда II. Достичь Ирана Атила намеревался пройдя через Кавказ и по союзу гуннам Армении.

Планируемому походу имелся давний прецедент — поход в Мидию «царских» гуннов под водительством Басиха и Курсиха. При дворе Атилы об этом событии помнили.

Стремление гуннов к установлению союза с армянами (в канун их восстания против Ирана), вне всяких сомнений соответствовало общим внешнеполитическим установкам Атилы. Как показывают факты, при всем своем могуществе Атила никогда не пренебрегал дипломатической подготовкой своих военных предприятий. Стремясь учитывать особенности внутри- и внеш-

неполитического положения противника, Атиллы важное место в реализации своих замыслов отводил военнополитическим союзам. Так, в 441 г. гунны вторглись в балканские провинции Восточной империи в момент ее войны с Ираном. (Marc. com. Chron., p. 80) и отправки ее значительных сил флотом против вандалов на Сицилию и в Африку. Дж. Б. Бэри даже полагает, что имел место союз гуннов и вандалов¹, хотя в источниках и нет прямых свидетельств о гунно-вандалских сношениях в 441–443 гг.

Внешнеполитические установки, нацеленные на раскол в стане противника и обретение союзников, четко проявились в попытках Атиллы в 450–451 гг. предотвратить образование коалиции вестготов и Западной Римской империи, в использовании междоусобицы франков — привлечении части из них на свою сторону. Как стратегически масштабно мыслящего политика Атиллу характеризует его попытка в канун похода в Галлию в 451 г. заручиться против вестготов поддержкой вандалского королевства (Prisc. Frag., 15).

Приготовления к походу против Ирана определили политику Атиллы в отношении Восточно-Римской империи в 449 г. Установление с ней прочного мира было необходимым условием для совершения далекого похода за Кавказ.

Непомерное бремя дани, которую Империя выплачивала Атилле по соглашению 447 г. (после разрушительного для балканских провинций гуннского нашествия в том же году) подтолкнуло константинопольский двор весной 449 г. к весьма опрометчивому шагу — попытке организовать убийство Атиллы.

Идея эта исходила от Хрисафия, придворного евнуха, обладавшего большим влиянием на Феодосия II². Феодосий лично одобрил этот замысел (Prisc. Frag. 7). К его исполнению был привлечен, прибывший в Константинополь посол Атиллы, Эдекон, он же — один из начальников караула правителя гуннов.

¹ J. B. Bury. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene. Amsterdam, v. 1, 1966, p. 161

² A. H. M. Jones. The Later Roman Empire (284–602). A Social, Economic and Administrative survey. Oxford, 1964 (repr. 1990), v. I, p. 180

Сразу же по возвращении к Атилле Эдекон раскрыл ему заговор¹.

С раскрытием заговора константинопольского двора Атиллы получал «моральные» основания для возобновления войны, к которой Восточная империя, еще не оправившаяся от поражения 447г., была не готова. И весьма показательно, что в этой ситуации Атиллы, зная о происках Феодосия и его двора, на встрече с Максиминном, перед отъездом последнего в Константинополь, обсудил заключение нового мирного договора (Prisc. Frag. 8 p. 91).

Атиллы потребовал прислать к нему на переговоры в качестве посланцев представителей высшей сановной знати империи — Ному, магистра официй и Анатолия, до 447 г. бывшего главнокомандующим войсками на Востоке². Анатолий представлял империю на переговорах с Атиллой о заключении мира (перемирия) в 447 г. (Prisc. Frag. 5. p. 74; Frag. 13. p. 97).

Приск сохранил известие об эпизоде, который был беспрецедентен в отношениях Восточной империи с варварским миром. Уже после того, как Феодосий и его приближенные приняли требование Атиллы об отправке к нему Ному и Анатолия, в Константинополь явились послы Атиллы Орест и Эсла. На аудиенции у Феодосия они изобличили его в покушении на жизнь их повелителя в оскорбительных для императора выражениях: Атиллу самой судьбой поставлен «господином» Феодосия, а он злоумышляет против его жизни «как низкий раб». (ὡς πονηρὸς οἰκέτης — Prisc. Frag. 12. p. 97). Этим Атиллы дал выход своему гневу, конечно, зная, что унижение императора останется для него безответным. Феодосию и его приближенным ничего не оставалось, как желать

¹ В качестве дипломатического прикрытия заговора вместе с Эдеконом к Атилле было направлено посольство в составе Максимина и Приска, которые, однако, не знали о готовящемся покушении (Prisc., Frag. 8, p. 77). Участником заговора и связным между Эдеконом и Хрисафием был сопровождавший их переводчик Бигила. Завершив свою миссию и передав Атилле 17 перебежчиков и соответствующее послание от Феодосия II, Максимин и Приск вместе с Бигилой беспрепятственно покинули его владения. Однако Бигила, как и заранее было условлено, возвратился в ставку Атиллы, на этот раз для раздачи золота воинам Эдекона, в оплату за предстоящее убийство. Бигила был тотчас схвачен и на допросе подтвердил показания Эдекона.

² B. Croke. Anatolius and Nomus: Envoys to Attila//Byzantinoslavica, 1981, XLII (2), p. 163.

сохранения мира на условиях договора 447 г. (Prisc. Frag. 13. p. 97), от которого они рассчитывали избавиться, организовав убийство Атиллы.

Осенью 449 г. Атила принял Ному и Анатолия. Вопреки тревожным ожиданиям константинопольского двора, мирный договор был заключен на благоприятных для империи условиях. Атила не только поклялся сохранить мир. Победитель уступил побежденной стороне правобережье Дуная, захваченное гуннами в ходе нашествия в 447 г. Оно простиралось в длину от Паннонии до Нов Фракийских (близ современной Русе)¹ и в ширину на юг до Наиса (Ниш), разгромленного Атилой в 447 г. (Prisc. Frag. 7. p. 76).

Атила отпустил без выкупа множество пленных (καὶ αἰχμάλωτους ἄνευ λύτρων ἀφῆκε πλείστοις — Prisc. Frag. 14). Как поясняет Приск, так он поступил, угождая (χαρίζομενος) Анатолию и Ному, в чем можно усматривать указание на необговоренность этого жеста заранее. Атила даже отказался от требований о выдаче ему всех перебежчиков (из среды гуннов), нашедших убежище в империи, при условии, что восточно-римские власти не будут принимать новых.

Был отпущен за выкуп переводчик Бигила — один из участников заговора с римской стороны, и «прощен» Хрисафий — также за денежную плату. Единственным условием перемирия 447 г., которое осталось в силе в 449 г., была ежегодная выплата империей дани в размере 2100 литр. золотом.

Мирный договор империи с Атилой в 449 г. менее всего следует считать заслугой ее дипломатов. Е. А. Томпсон широкие уступки Атиллы — уход из южного Подунавья, отказ от выдачи ему перебежчиков, возвращение пленных — приписывает стараниям Анатолия и Номы². В действительности Приск всего лишь перечисляет уступки со стороны Атиллы, заявленные им в ответ на «ласковые» речи и многочисленные дары восточно-римских послов. (Анатолий и Ном не смогли, а может и не пытались убавить бремя дани, разорвавшей империю).

¹ Г. С. Дестунис. Ук. соч., с. 30, прим. 27; также L. Shmidt. Op. cit., p. 363.

² E. A. Thompson. Op. cit. p. 135.

Перевес сил был, явно, на стороне гуннов и их военных сателлитов — племен Подунавья. Позиция Атиллы на переговорах прежде всего была, конечно, продиктована его собственным интересом, а не наоборот.

Ф. Альтхейм, А. Джонс, П. Хизр уступчивость Атиллы в отношении Константинополя осенью 449 г. объясняют его приготовлениями к войне с Западной империей, начатой в марте 451 года¹. По их мнению, Атила стремился обезопасить свой тыл, свои владения за Дунаем от угрозы со стороны Восточной империи.

Можно было бы согласиться с этим объяснением, если не приготовления Атиллы к войне с Ираном — подчинение Эллаком и Онегесием «всей Скифии», выход гуннов в Предкавказье — «к Мидии», а затем и ведение ими переговоров с Васакком Сюни. Все эти события происходили весной-летом 449 г.

Конфликт Атиллы с Равеннским двором, означавший переориентацию его интересов с Ближнего Востока на римский Запад, засвидетельствован в источниках не ранее чем с лета-июня 450 г. Важно подчеркнуть, что заключению мирного договора Атиллы с Восточной империей осенью 449 г. предшествовали переговоры гуннов с Васакком Сюни (август 449 г.). Между обоими этими событиями следует усматривать прямую связь.

Уступчивость Атиллы на переговорах с Восточной империей осенью 449 года останется все-таки трудно объяснимой ввиду того, очевидного, на наш взгляд, обстоятельства, что империя практически была не в состоянии угрожать территориальному ядру державы Атиллы — областям, занятым гуннскими племенами.

Как явствует из описания Приском маршрута восточно-римского посольства в ставку Атиллы в 449 г., непосредственные его владения находились на востоке Большой Венгерской низменности, за Кёрешем, ближе к верховьям Тисы,² на достаточно отдаленном расстоянии от римской границы по Дунаю. Роль надеж-

¹ F. Altheim. Op. cit. p. 170; A. H. Jones. Op. cit. p. 194; P. Heather. Op. cit. p. 334.

² Л. Шмидт центр державы Атиллы помещает между Кёрешем и Тисой (L. Shmidt. Op. cit., p. 365). Описание Приска показывает, что он и его спутники поднялись значительно выше Кёреша.

ного заслона играли проживавшие в самой Дакии зависимые от гуннов гепиды и остготы.

Иной стратегический расклад между вооруженными силами Атилы и Восточной империи должен был неизбежно сложиться на ближневосточном театре военных действий, по мере осуществления гуннского вторжения через Армению в Иран. Известный путь по Араратской равнине (пройденный еще в 36 г. до н. э. Марком Антонином) в 450 г. пролегал в 250 км (по прямой) от военного оплота Восточной империи в западных областях Армении — Феодосиополя, на месте древнеармянского Карина на верхнем Евфрате.

Атиле в своем движении по центральной Армении на юг предстояло оставить Феодосиополь — оплот восточноримских войск — у себя на правом фланге и в тылу.

В Армении Империя обладала большими возможностями непосредственно угрожать интересам Атилы, его живой силе, чем из Фракии и Мезии его владениям на севере Дакии.

Принимая во внимание данное обстоятельство, можно полагать, что уступки Атилы, сделанные Феодосию II в 449 г., имели своей целью прежде всего обеспечить нейтралитет Империи в его войне с Иранской державой, обезопасить его тыл в Армении.

Таким образом, в ходе более чем годовых приготовлений к походу за Кавказ, гуннами были тщательно учтены расстановка сил в регионе, его геополитические реалии. В отношениях с Константинополем Атила проявил максимум дипломатической изворотливости. После угроз возобновить войну, он широтой уступок понуждал Феодосия II и его двор особенно дорожить долгожданным мирным договором и, потому воздерживаться от действий, которые могли бы поставить неожиданные приобретения под угрозу.

Итак, 449 г. для Атилы был заполнен активными приготовлениями к исполнению его крупнейшего после нашествия в 447 г. на Балканах военного замысла — походу за Кавказ.

С победой над иранским шахиншахом Атила должен был обрести право на официальное принятие великодержавного титула *басилевса* (ставшего практически прерогативой императора на грекоязычном Востоке) и тем самым сравняться по статусу с обоими императорскими домами.

Однако в марте 451 г. вместо похода на Восток Атила выступил в поход на Галлию против Западной империи. Уже с лета 450 г. Атила идет на решительное и бесповоротное обострение отношений с Равеннским двором.

Приск (Prisc. Frag. 15. p. 98). и Марцеллин комит (Marcel. com. Chron. p. 79), а вслед за ними Иордан и Иоанн Антиохийский (Joan Ant. Frag. 192,2) связывают решение Атилы объявить войну Западной империи с тайным обращением к нему сестры Валентиниана III Юлии Граты Гонории (дочери Галлы Плацидии и императора Флавия Констанция) с предложением о вступлении с ним в брак.

Обращение Гонории, по словам еще Дж. Б. Бэри, представляло Атиле «блестящий предлог» для развязывания конфликта¹.

Повелитель гуннов потребовал от Валентиниана III не только отпустить к нему сестру, но и передать ей императорскую власть и половину империи в качестве приданого². Выдвинув неприемлемые притязания к Равеннскому двору, Атила выискивал *casus belli*³.

Стремительность и решительность его ответных действий на послание Гонории свидетельствуют о том, что к этому моменту им были уже оставлены намерения двинуться на Иран.

Как уже было отмечено, по мнению большинства ученых, к войне на Западе Атила стал готовиться еще в 449 г., заключив «Второй Анатолиев мир» с Восточной империей.

Здесь, однако, (в отличие от предыдущих исследователей) следует не ограничиваться констатацией наличия завоевательных планов в отношении Западной империи, а в свете фактов, установленных выше, прежде всего указать на имевшую место решительную переориентацию интересов Атилы с Ирана на Запад.

¹ J. B. Bury. Op. cit. p. 175.

² L. Schmidt. Op. cit. p. 364.

³ Er. Barker. Italy and the West, 410–476 // The Cambridge Medieval History, 1924 v. I, p. 415. А. Р. Корсунский, касаясь приготовлений Атилы в 450 году к войне на Западе, присоединяется к мнению Р. Груссе (Grousset R. L'Empire des Steppes. Attila. GengisKhan. Tamerlan. Paris. 1948, p. 123) о «юридизме» его действий — стремлению найти для них правовое обоснование (А. Р. Корсунский. Гунны и Западная Римская империя. // Ук. соч. с. 115.)

Необходимо ответить на вопрос, что же должно было побудить Агтилу отказаться от столь тщательно подготовлявшегося иранского похода? Причиной здесь, конечно, послужило не брачное предложение римской принцессы. Причину следует искать в фактах военно-политического характера, которые могли иметь значение для дальнейшей реализации военных планов Агтилы.

Следует обратить внимание на события, которые произошли в Армении с зимы по лето 450 г.

В октябре 449 г. Вардан Мамиконян по приглашению Васака Сюни прибыл в его ставку в селении Англ, где располагались также зороастрийские маги и отряд иранских войск. В декабре 449 г., сконцентрировав свои силы, Вардан Мамиконян поднял восстание. Иранские войска и зороастрийские маги в Англе были перебиты. Восставшие быстро овладели центром Армении, где от иранских гарнизонов были очищены Арташат, Вагаршапат, Артагерс, Гарни и др.

Важно указать, что решение о восстании было принято втайне от Васака Сюни, а само выступление началось вопреки его желанию. Позиция Васака Сюни предстает абсолютно ясной и последовательной, если учесть, что Дарьяльский проход в это время года был непроходим, и, следовательно, Агтила мог совершить вторжение — прийти в Армению только весной, не ранее апрельская следующего, 450 г. Васак Сюни рассчитывал выступить против Иранской державы совместно с гуннами, и опираясь на них. Точка зрения, объясняющая его позицию в канун восстания приверженностью Иранскому господству¹, не учитывает факта его переговоров с гуннами и потому не имеет под собой оснований.

В форсировании Варданом Мамиконяном развязки событий, несомненно, отразилось глубокое противоречие между двумя крупнейшими феодальными домами Армении — Мамиконянами и Сюнидами. (Это соперничество по мере развития восстания переросло в открытый конфликт, предопределивший во многом исход борьбы.)

¹ R. Grousset. Histoire de l'Arménie. p. 192–197.

Выступление Вардана Мамиконяна имело своим результатом не только ликвидацию иранской оккупации Армении, но одновременно также и лишение Васака Сюни реальной власти. По сообщению Егише, Васак Сюни был арестован¹, но вскоре сумел добиться своего освобождения (клятвенно заверив восставших в своей верности) и остаться при них, как поясняет Лазарь Парпский, «с тайным намерением восстановить свое положение». Однако с зимы 449 г. по осень (сентябрь) 450-го года марзпан не играл в событиях руководящей роли. Его падение должно было означать для гуннов потерю влиятельного союзника, способного обеспечить военно-политическую опору в Армении.

Военное и политическое руководство в странесосредоточилось в руках Вардана Мамиконяна. Это означало решительную перемену во внешнеполитической ориентации Армении.

Как известно, в сохранившихся фрагментах трудов греческих историков V века почти не отражены отношения Восточной империи с Арменией и Иранской державой. Из труда Приска дошли лишь факты, относящиеся к 460–470-м годам. Этот пробел восполняют данные Егише и Лазаря.

Оба армянских историка сообщают о посольстве, которое было отправлено к Феодосию II Варданом Мамиконяном и его сторонниками. Уже в январе 450 г. армянское посольство в составе видных представителей нахарарской знати и во главе с младшим братом Вардана Мамиконяна — Амаяком прибыло в Константинополь. Их целью было заполучить военную помощь от империи, т. е. добиться ее вступления в войну.

Послы были приняты Феодосием II: «предстали перед великим царем и зачитали прошение Армянской страны». Согласно Егише, им дано было поручение предложить Феодосию принять армянскую знать в свое подданство, «если он пожелает». ² Таким образом, был поставлен вопрос о переходе Армении под верховенство Восточной Римской империи. Таковой должна была быть

¹ Եղիշէ, էջ 132: «Իսկ զմարզպանն ձերբակալ արարեալ, և միաբանէր ընդ նոսա երդմամբ...»

² Եղիշէ, էջ 142 (Егише, с. 142, древнеарм. яз.) «Խնորհի ի նմանն օգնականութիւն սատարութեան, և էթէ նա կամեցի նմա իսկ մտանել ի ծառայութիւն».

плата за большое военное выступление Восточно-римской империи против Ирана. Необходимо при этом иметь в виду, что армянские княжества («сатрапии») западной части Армении, присоединенные к Римской империи по римско-иранскому договору 387 г., в этот период еще обладали широкой автономией, которая предполагала фискальный иммунитет, обладание собственными вооруженными силами, право передавать земельные владения по наследству.¹

Обращение армянской знати за военной помощью к Восточной империи должно быть рассмотрено в связи с военными планами Атиллы в отношении Ирана, соотнесено с ними. Оно означало радикальную перестановку политических сил в регионе, путало все «политические карты».

Аттила, готовый к вторжению в Иран, неожиданно оказался перед перспективой столкновения за Кавказом, в Армении не с Ираном, а с Восточно-римской империей, чей нейтралитет являлся важнейшим условием успеха его антииранского замысла. (Ради обеспечения этого нейтралитета Аттила пошел на значительные ей уступки в 449 г.)

Вступление в Армению восточно-римских войск и установление ими контроля над страной, будучи самыми вероятными следствиями новой, проимперской (провизантийской) ориентации армянской знати, должно было, неизбежно, лишить Аттилу безопасного тыла в войне с Ираном, по меньшей мере ставило в зависимость от них его коммуникации через Армению и Кавказ.

Очевидно, что попытка Вардана Мамиконяна вовлечь империю в войну на Востоке исключала для Атиллы саму возможность действовать за Кавказом. Перед ним, несомненно, открылась перспектива весьма неопределенной, даже хаотической ситуации, чреватой самыми неожиданными поворотами и угрозами. Эта неясность для Атиллы в политической картине на Востоке весной 450 г. должна была усугубиться и вследствие позиции самого Феодосия, который медлил с ответом армянской стороне. Согласно Егише, Феодосий «желал, чтобы церкви не

¹ Н. Адонц. *Op. cit.* p. 109–113.

подвергались поруганию язычниками, но надеялся на мирное решение дела». Лазарь Парпский, напротив, говорит об обещании Феодосия «помочь войском». Эти расхождения в известиях Лазаря и Егише, по всей видимости, отражают неопределенность позиции константинопольского двора по столь сложному вопросу как наступательная война против Ирана. (Налицо были и факторы, казалось, благоприятствующие положительному решению: военная поддержка со стороны армян, вовлеченность Иездигерда II на данный момент в военные действия против кидаритов и эфталитов.)

Рассмотрение вопроса было передано в сенат, что означало его нескорое решение. 28 июля Феодосий II скоропостижно скончался, так и не приняв решения по восточному вопросу. Последний месяц (с начала июня) императора, видимо, занимал другой внешнеполитический вопрос — обострившиеся отношения между Атиллой и Западной империей. Валентиниан III был решительно не согласен с предложением Феодосия отпустить Гонорию к Аттиле (Joan. Ant. Frag. 199,2). Сам Аттила уже окончательно решил идти войной на Запад, а не на Иран. Дальнейшее сохранение неопределенности с выбором очередной большой военной цели, состояние военного бездействия были несовместимы с его положением верховного правителя варварских племенных союзов от Подунавья до Кубани, для которых, как известно, война была «постоянным промыслом».¹

Преемник Феодосия II Маркиан, вскоре после вступления на престол 25 августа 450 г., отверг обращение армянской стороны о военной помощи и подданстве. Одновременно Маркиан внес ясность и в отношения империи с Ираном, где, явно, были встревожены сношениями восставших с Константинополем. Оба армянских историка сообщают о посольстве, которое отправил Маркиан к Иездигерду (сентябрь–октябрь 450 г.). (Во фрагментарных известиях греческих авторов политика империи на Востоке в 450 г. не отражена.)

¹ См.: А. И. Першиц. *Война // Социально-экономические отношения и соционормативная культура*. М. 1986, с. 37.

Восточно-римские послы обещали Иездигерду «не оказывать восставшим армянам помощи ни войском, ни оружием, ни каким-либо содействием». Результатом переговоров, по словам Егише, «стало единство двух царей». Маркиан воздерживался от наступательных действий не только на Востоке, но и на Дунае, в отношениях с Аггиллой (451).

Уже уверенный в нейтралитете Маркиана, Иездигерд двинул против Армении 10-тысячную конницу, которую он с зимы 449–450 гг. сконцентрировал в Албании. В октябре 450 г. она была разгромлена Варданом Мамиконяном близ Халхала. Победа армянских войск вызвала подъем освободительного движения против Сасанидского Ирана в Албании. При поддержке албанов Вардан Мамиконян совершил поход на Чора Пахак — крепость на месте Дербента, закрывавшую проход кочевникам предкавказских степей за Кавказ¹. Несмотря на упорное сопротивление иранского гарнизона, крепость пала, и в «страну гуннов» для заключения с ними союза отправился глава албанской царской династии князь Ваган (данные Егише, Лазаря Парпского).

Лазарь Парпский четко обозначает местонахождение этой «страны гуннов». Она же — «княжество гуннов» отграничивалась от Албании крепостью, «занятой персидскими воинами», т. е. начиналась сразу за Дербентом. Егише приводит этноним кочевников Северного Дагестана — хайландуры. Во главе них стоял «царь» — вождь по имени Бел. Егише называет его гунном².

Сообщения Егише и Лазаря относительно положения гуннов Северного (равнинного) Дагестана в 440-е гг. не оставляют сомнений в том, что эти кочевники не находились в подчинении у Аггиллы в 448–449 гг., в момент распространения его господства на территорию современного Ставрополя.

¹ А. А. Кудрявцев. Древний Дербент. с. 83–84.

² Возможно, следовало бы обратить внимание на совпадение имени Бел с именем венгерских королей Бела (Béla), что, не исключено отражает, в действительности, факт присутствия мажарского этнического элемента в составе гуннов-хайландуров. Согласно известной точке зрения, в V веке венгры-мажары находились в ареале Северного Кавказа и Северного Причерноморья. (См. подробно: В. П. Шушарин. Венгерские племена до прихода в Среднее Подунавье. История Венгрии. М. 1971. Т. 1. С. 88–90).

В сентябре-октябре Дарьял был еще проходим, к тому же грузинская (картлийская) знать еще поддерживала Вардана Мамиконяна (до весны 451 г., когда она вновь перешла на сторону Васака Сюни). Тем не менее, от побережья Куры Вардан Мамиконян совершил поход не к Дарьялу, а к Каспию, на крепость Чора, с целью открытия Дербентского прохода и вступления в союз с гуннами-хайландурами. (Хайландуры, конечно, не были силой, сопоставимой с той, которая летом 449 г. пребывала в Предкавказье). Попытка Вардана Мамиконяна привлечь к союзу именно этих гуннов, а не силы Аггиллы, объяснима, бесспорно, уходом к этому времени последних из Предкавказья. Аггилла уже концентрировал свои войска в Паннонии, чтобы весной следующего 451 г. повести их в Галлию, против вестготов и Западной Римской империи.

ГЛАВА 3

ПОХОД АТТИЛЫ В ИТАЛИЮ: АТТИЛА И СУДЬБА

В марте 451 г. Аттила, «господин скифских и германских царств», двинул на Галлию всю военную силу племен от побережья Северного моря до донских и кубанских степей.

Гунны и остальные кочевники — акациры, соросги, отборные контингенты германцев — гепидов, остготовов, ругов, скиров, герулов, свевов и др. перешли Рейн. 7 апреля пал Мец — оплот господства Римской империи на северо-востоке Галлии¹. За полвека вторжений варваров Мец оставался неприступен. Григорий Турский скорбит об истреблении его жителей, разрушении церквей². В огне гибли города и селения от Мозеллы до Лигера (Луары). Страшного погрома избежали северные области Галлии — Аттила их обошел. Его целью был Аврелиан (Орлеан) — большой и хорошо укрепленный город на Луаре. С захватом Аврелиана Аттила открывал себе путь на юг Галлии, в королевство вестготов с центром в Толозе (Тулуза). В конце апреля Аврелиан был осажден. В городе укрылось население с его окрестностей. Денно и ночью «могучие тараны» сокрушали крепостные стены³. Осадную технику у гуннов обслуживали греческие мастера из пленных и германцы.

¹ Greg. Tur., Hist. Franc. II, 6. Перевод В. Д. Савуковой.

² Ibid.

³ Ibid.

Веру защитников Аврелиана в скорое спасение крепил епископ города Аниан. Он ездил к Флавию Аэцию, патрицию в его ставку в Арле и успел вернуться к своей пастве с наказом главнокомандующего выстоять, продержаться до его прихода. За время осады Аврелиана Аэций завершил объединение военных сил Римской Галлии.

Иордан приводит перечень его войск. Галло-римские континенты отмечены им по местам своего территориального происхождения¹. Велико было число федератов — новопоселенцев на территории Галлии: бургунды, аланы из страны Арвернов (Овернь), прирейнские франки, саксоны. В Арль к Аэцию со всеми войсками явился Теодорих, король вестготов вместе со своим сыном — наследником Торисмундом. Еще недавние враги — галло-римляне и вестготы объединились перед лицом общей угрозы. Присоединение к империи вестготов было большим дипломатическим успехом Аэция. Напротив, у Аттилы союзников в Галлии не оказалось. Багауды, по всей видимости, сохранили нейтралитет и не поддержали ни одну из сторон. Король вандалов Гейзерих, вопреки явным ожиданиям, не пристал со своим многочисленным флотом к берегам Норбанна или Массилии, в тылу у вестготов.

Аэций и Теодорих подошли к Аврелиану 14 июня², в критический для города момент. Стены его были во многих местах из-

¹ Как указывает Е. Ч. Скржинская (ук. соч., с. 311, прим. 522) их названия остаются непонятными: «лителианы, рипарии (т. е. «прибрежные» — Р. М.), брионы, бывшие римские воины». Лителианы, по ее предположению, могли быть выходцами из Северной Галлии с центром в Лютешии (Ук. соч. с. 311, прим. 521); Упомянутые Иорданом в армии Аэция арморичане, — несомненно, жители Арморики (Е. Ч. Скржинская. Ук. соч. Ю с. 311, прим. 520); В. Т. Сиротенко. Ук. соч., с. 92) видит в арморичанах багаудов, которые поддержали Аэция, поскольку Аттила в 436–439 гг. решительно помог тому в подавлении их движения. Данное мнение, однако не снимает вопроса, почему в выборе между сторонами — Аэцием и Аттилой, багауды предпочли защитника римского господства в Галлии, тем более, что главнокомандующий Западной империи самостоятельно, уже без поддержки гуннов, в 448г. подавил повторное выступление багаудов. Более убедительным представляется мнение, что арморичане в армии Аэция — это в большинстве своем бритты, переселившиеся под давлением англов и саксов в 450г. из Британии в Арморик (позднюю Бретань). (См.: P. Riché, Ph. Le Maître. Les invasions barbares P. 1991, p. 53).

² E. A. Thompson, op. cit., p. 154.

рядно разрушены, полчища Аттилы готовились к решающему штурму. Появление больших сил противника заставило Аттилу снять осаду, Аттила совершил значительный отход на восток, на так называемые Каталаунские или Мавриакские поля — обширную равнину, удобную для действий его огромных воинских масс. Сюда же подошли Аэций и Теодорих. В 20-х числах июня на Каталаунских полях произошло крупнейшее сражение эпохи Великого переселения народов¹. Пространный рассказ о нем сохранил Иордан. Он не дает четкого и целостного изложения боевых действий, оставляя место для вопросов. Иордан осуждает войну вообще, по его словам, «истребление народов, просходящее по безумному порыву единого ума» (пер. Е. Ч. Скржинской). Иордан имеет в виду здесь зачинателя войны Аттилу. Автора труда по истории варварских племен сокрушивших Римскую империю, волнуют людские страдания на войне. Он прерывает описание битвы, чтобы рассказать о глубоко впечатлившем его факте: протекавший по Каталаунским полям ручей превратился от пролитой крови в широкий поток, а раненые и умирающие — гунны и их противники, пьют из него. Он не делит участников битвы на «своих» и «чужих» в отличие от Приска — своего информатора, который обычно противопоставляет римлян и варваров.

Нельзя не заметить глубокого пессимизма Иордана относительно возможности народов жить без войн. «Доказано, — признает он, — человеческий род живет для царей», они «в одно мгновение уничтожают то, что природа производила веками» (Пер. Е. Ч. Скржинской). Ненависть (*odium*) «воодушевила всех вооружиться друг против друга» (*Iord., Get., §. 193–194*). Несомненно, однако, и то, что осуждая войну, Иордан предельно абстрагируется от конкретно-политической действительности, от того факта, что в 451 году население Галлии боролось с угрозой иноземного порабощения и разорения, разрушения основ своей цивилизации.

В битве на Каталаунских (Мавриакских) полях гунны во главе с Аттилой стояли в центре боевого построения, левый фланг об-

¹ Л. Альфен (*L. Halphen. Les Barbares. Des grandes invasions aux conquêtes turques du XI e siècle. P. 1948, p. 33*) относит сражение к последним дням июня, после 24-го.

разовали остготы (остроготы) во главе с их вождем Велимиром, правый — гепиды во главе с Ардарихом. Остальные массы гуннских сателлитов расположились на обоих флангах.

Против гуннов Аэций в центре поставил галло-римскую пехоту, аланскую конницу и вестготов во главе с Торисмундом¹. Вестготы под началом Теодориха занимали полностью правый фланг и стояли против остготов. Бургунды, саксоны, арморициане, франки образовали левый фланг и противостояли гепидам.

Посреди равнины, между вражескими армиями возвышался большой и пологий холм (*collis*) — он же, в другом месте рассказа Иордана — «гора». Аэций и Торисмунд успели занять его раньше Аттилы, тем самым поместив центр своего фронта на выдающуюся вперед возвышенность.

Перед Аттилой стояла задача овладеть этой высотой, разбить центр противника. Однако, гуннская конница, скованная на своих флангах остготами и гепидами — в основном пешими, чем конными войсками, была лишена пространства для широкого маневра и потому не имела возможности применить тактику степной кавалерии — подвижную, дистанционную стрельбу из луков².

К тому же Аэций сделал свою пехоту почти неуязвимой для стрел. Он построил ее на вершине холма «черепашьей» (*testudo* — *Jord. 204*) — стеной из овальных щитов с фронта и с крышей из щитов, поднятых и сомкнутых над головами.

Аттиле оставалось единственно возможное решение — атаковать противника в лоб. Противник навязывал свои условия битвы.

Гуннская конная масса быстро взошла на холм и разбившись об стену щитов, отхлынула к его подножью. По словам Иордана «Аэций и Торисмунд с легкостью низвергли подошедших гуннов» (Пер. Е. Ч. Скржинской).

¹ У Иордана имя сына Теодориха — Торисмунд, в «Галльской хронике 511 г.» (р. 663) дано: Торисмунд (*Thurismundus*).

² Ср.: В. Б. Никоноров, Худяков Ю. С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб. 2004, с. 263. О Каталаунском сражении авторы пишут: «В нем прежде всего противоборствовали пешие войска, и в данных условиях гуннская конница не смогла использовать в полном объеме такие свои обычные тактические хитрости, как засады и притворное отступление».

В битве наступило краткое затишье. Аттила построил кавалерию к новой атаке. Проезжая вдоль ее фронта, Аттила поднимал ее боевой дух: «Смотрите, — указывал он на противника, — Вот уже до вашего натиска поражены враги ужасом. Они ищут высот (*excelsa*), занимают курганы (*tumulus* — *P. M.*). Пусть воспрянет дух ваш, пусть вскипит ваша ярость! Ранен ли кто, пусть добивается смерти противника, невредим ли — пусть насытится кровью врагов... Кто может пребывать в покое, если Аттила сражается...» (Пер. Е. Ч. Скржинской).

Из данных Иордана вырисовываются яркие подробности битвы. Аттила лично повел конницу на вершину холма. Он решил убить Аэция даже ценой собственной гибели. Иордан оставил следующие строки о фронтальной сшибке гуннской конницы с галло-римской пехотой и аланами: «сходятся в рукопашном бою: сражение жестокое, переменное, чрезвычайно упорное» (*manu manibus congrediuntur, bellum atrox, multiplex immane pertinax*)¹. Одновременно на левом фланге войск Аттилы остготы в братоубийственной сече одолели вестготов. Теодорих ударом копья был сброшен с коня и затоптан своими же в повальном бегстве.

С этого эпизода в рассказе Иордана начинаются неясности. Он более не сообщает как развивались события на правом фланге войск Аэция, где были разбиты вестготы, а их король убит, но сразу говорит о поражении Аттилы на центральном участке сражения в битве за вершину холма. «Тут (*tunc*) везеготы, отделившись от аланов, напали на гуннские полчища (*caterva*), и чуть было не убили Аттилу, если бы он заранее (*prius*), предусмотрев это, не бежал (*fugisset*) и не заперся со своими за оградами лагерей» (Пер. Е. Ч. Скржинской).

Итак, из сообщения Иордана явствует, что после гибели Теодориха вестготы нанесли тяжелый удар гуннам, сражавшимся за вершину холма. Данные факты неизбежно порождают вопросы. На каком этапе сражения и каким образом мог быть осуществлен этот удар, если перед этим вестготы понесли поражение от остго-

¹ Перевод Е. Ч. Скржинской: «сходятся в рукопашную: битва лютая, переменная, зверская, упорная» (Ук. соч., с. 100).

тов? Очевидно, что у Иордана в этой части рассказа речь идет не о войсках Теодориха, образовывавших правое крыло, но войсках Торисмунда, занимавших холм вместе с галло-римской пехотой. Не вызывает сомнений, что гуннов во главе с Аттилой атаковали войска Торисмунда¹.

В вырисовывающуюся последовательность боевых действий (поражение вестготов Теодориха и атака Торисмунда против гуннов) должен быть включен важный факт, опущенный Иорданом по мере сокращения труда Приска, а именно победа Торисмунда над остготами Велимира в решительном бою.

В условиях, когда остготами было опрокинуто правое крыло коалиционной армии и, как следствие, возникла угроза флангу, а может быть и тылу галло-римской пехоты, Торисмунд практически был не в состоянии атаковать сразу центр противника, т. е. самих гуннов во главе с Аттилой.

На его пути стояло препятствие — войско Велимира.

В известии Иордана дана примечательная деталь: Аттила, по его словам, предусмотрел эту атаку заранее (*prius*) и потому бежал, — иначе говоря, отступил с высот, т. е. имел некоторое время для отхода.

Таким образом, Торисмунд контратаковал гуннов не в разгар их сражения с пехотой Аэция, а уже в момент их отступления, на спуске с высоты.

Итак, следует выделить решившее исход всего сражения обстоятельство — победу Торисмунда над Велимиром. В результате мы можем представить наиболее вероятную картину развития сражения.

После поражения и гибели Теодориха на правом фланге, ситуацию спас его сын Торисмунд. Он из своего расположения в

¹ Еще Э. Гиббон (*E. Gibbon. The Decline and Fall of the Roman Empire* L. (Word sworth: classics of World Literature. 1998, p. 662). указывал, что Торисмунд нанес удар сойдя с высоты, при этом не указав, что этот удар был нанесен сперва остготам и только затем гуннам. Действия Аттилы на вершине холма Э. Гиббон рисует весьма расплывчато: «бесстрашные войска центра продвинулись далеко вперед... Их атака была слабо поддержана. Их фланги не были предохранены и завоеватели Скифии и Германии были спасены от полного поражения благодаря наступлению ночи».

центре (и на вершине) атаковал остготов, а не гуннов и далеко отбросил своих сородичей — врагов. И только после этого успеха обратился против Аттилы. В сражении наступил перелом. Гунны, вовлеченные в бой за вершину холма, оказались под угрозой удара во фланг и тыл, т. е. прямого окружения.

Как это следует из свидетельств Иордана, в пылу боя за высоту Аттила не терял из виду положение на флангах и вовремя оценил опасность.

Аттила принял решение отступить, решение трудноисполнимое и рискованное. Необходимо было осуществить разворот кавалерийской массы — сначала задних рядов, затем передних — отозвать своих всадников, упорно рубившихся с галло-римлянами и аланами. Стремительный сход гуннов с возвышенности противник принял за бегство. Аттила «бежал» (*fugisset*). Именно в этот момент на спуске в «полчища» гуннов (*Hunnorum caterva*) ударили вестготы — конница и пехота.

Гунны понесли большие потери, — сам Аттила был ранен, едва не убит, — но смогли отойти за ограду из поставленных в круг и сцепленных между собой повозок. Там они спешили и под их прикрытием повели беспрестанную стрельбу из своих дальнобойных луков. Рои стрел не позволяли вестготам сделать и шаг вперед.

Над Мавриакскими полями сгустились сумерки. Ночью Торисмунд подвел свои войска к гуннским повозкам, но был внезапно атакован, ранен в голову, сбит с коня и с трудом вынесен из гущи боя. Вестготы отошли на исходные позиции. Ночной бой у лагерей был заключительным аккордом громадной битвы. Следующий день, затем ночь и еще день противники оставались на поле брани. Гунны не выходили из-за телег, готовились к отражению штурма. Но штурма не последовало. Провозгласив себя королем, Торисмунд поспешил с войсками в Толозу — утвердить свою власть в королевстве. Ушел со своей армией и Аэций, поле битвы осталось за Аттилой.

Заключительный этап сражения — его переломный момент, ознаменованный отступлением гуннской конницы, требует обратить внимание на поведение римского главнокомандующего. Не приходится

сомневаться, что бросок, вслед сходящим с возвышенности гуннам, аланской конницы, переход в наступление галло-римской пехоты могли бы поставить гуннов, уже отражавших яростный натиск вестготов, в крайне тяжелое положение. Иордан говорит, однако, исключительно об атаке вестготов. Вестготы отделились от алан (*Jord. 210*), которые оставались в распоряжении Аэция. Очевидно, что римский главнокомандующий, не поддержав атаку Торисмунда. Допустить, что Иордан мог ввиду отсутствия особого интереса к военной истории или по небрежности умолчать о сокрушительном ударе Аэция в тыл Аттилы (как, например он, действительно забывает о битве гепидов с бургундами на правом фланге гуннов) — невозможно, хотя бы потому, что имей место этот удар — гибель гуннов была бы неминуема. Молчание на этот счет Иордана выдает политическую позицию римского полководца, который с возвышенности наблюдал за смертельной схваткой врагов Римской империи — вестготов и гуннов, варваров с варварами. Действия как и бездействие Аэция были в конечном итоге подчинены политическому расчету. Чрезмерное усиление Вестготского королевства в результате поражения гуннов было чревато угрозой римскому господству в Галлии. Аэций полагал сохранить гуннов в качестве военного противовеса вестготам и прочим врагам Западной империи. Иордан недвусмысленно сообщает, что именно с этой тайной целью Аэций убедил Торисмунда отказаться от попыток штурмовать лагерь Аттилы и поскорее вернуться в Тулузу, чтобы предупредить возможные притязания на трон со стороны его братьев¹.

¹ Как и Э. Гиббон, большинство историков не впадает в рассмотрение свидетельств Иордана о сражении. Л. Шмидт правильно указывает, что атака Аттилы против войск Аэция в центре, на возвышенности были отбиты. Однако далее, ошибочно приписав Аттиле бой с Теодорихом, Л. Шмидт не замечает определяющих развитие сражения важнейших фактов, как-то: победа остготов над Теодорихом, решающий по ним контрудар, нанесенный Торисмундом. Описание всего сражения вмещается в данный пассаж: «Король гуннов теперь сам с огромной силой обрушился на основной вестготский корпус под командованием Теодориха. После долгой борьбы готы смогли отбросить гуннов и их лагерь». (*L. Schmidt. The Visigoths in Gaul — The Cambridge Medieval History, 1924, v. 1, p. 280*).

Не пытается реконструировать ход сражения Э. Томпсон. Он безоговорочно утверждает: «Мы ничего не знаем о точном ходе сражения». (*E. A. Thompson. The Huns, p. 154*).

Несмотря на свой упорный и ожесточенный характер сражение на Мавриакских полях не имело решительного исхода. Под вечер, однако, преимущество оказалось на стороне антигуннской коалиции. Сами гунны не были разбиты, разбиты были остготы. Их поражение на левом фланге определило судьбу битвы, лишило Атиллу возможности добиться победы на центральном участке фронта.

Такое же отношение высказывает и В. Т. Сиротенко: «Достоверного описания битвы нет, — пишет он. — Но даже из самого описания битвы Иорданом видно, что ее исход решили войска, находившиеся в центре, а они состояли не из вестготов, а из многочисленных племен и народностей Галлии и Германии» (В. Т. Сиротенко. Ук. соч. с. 93–94).

Картина, донесенная до нас Иорданом, действительно, не является целостной, но из ее фрагментов становится очевидным, что сражение было решено не на центральном участке, а на левом фланге войск Атиллы, где упорно дрались вестготы, они и нанесли решающий контрудар.

Значительные расхождения с данными Иордана содержит изложение битвы в работе К. Гордона (C. G. Gordon. The Age of Attila, p. 107). Гордон пишет: «Сначала римский центр (т. е. войска Аэция — P. M.) был прорван и вся масса гуннов двинулась против вестготов на правом фланге. Их король, благородный Теодорих, был смертельно ранен, а его войска расстроены, когда битву фланговым ударом спасла вестготская конница во главе с Торисмундом. Гунны, вынужденные в беспорядке отступить в круг своих повозок, ждали своей гибели с наступлением ночи...» (p. 107).

Гунны во главе с Атиллой не смогли прорвать центр противника — галло-римскую пехоту Аэция. Та стояла несокрушимо. И, соответственно, гунны не атаковали правого фланга противника — войска Теодориха. Фланговый удар Торисмунда, как это мы видели из рассмотрения данных Иордана, был нанесен остготам, действий которых автор и вовсе не упоминает.

П. Хизр (Op cit, p. 338–339), как и Э. Томпсон, не рассматривает хода сражения и ограничивается двумя небольшими цитатами о нем из труда Иордана. Наверное, не излишне будет еще раз обратиться к работе Э. А. Томпсона. Воздержавшись от анализа данных Иордана, он, однако, высказывает суждения сомнительности, если не несуразности которых, на наш взгляд, очевидна. Иордан описание боевых порядков противников предваряет указанием на генеральную задачу, стоящую перед каждым из них: занять вершину холма, т. е. стратегически доминирующую высоту. Из данного факта Э. Д. Томпсон заключает: «каждая армия старалась закрепиться на части (!? — P. M.) холма, но его вершина оставалась незахваченной» («Each army succeeded in posting a force on part of the hill, but the summit was left unoccupied» — Thompson, The Huns. p. 154).

Автор допускает логически попросту невозможную ситуацию, когда в ходе встречного боя двух противников за вершину, находившегося между ними холма, каждой из сторон были захвачены участки холма не на его вершине, а в низине. Несуразность данного представления станет очевидной, если все-таки подчеркнуть, что боевое соприкосновение противников друг с другом могло произойти лишь при условии нахождения одного из них выше, т. е. уже занятия им вершины холма, а другого соответственно — ниже. Томпсон оставляет без внимания ясное свидетельство Иордана: «Атиллы направляет своих, что-

Как полководец, Аэций превзошел Атиллу. Ему удалось быстрее Атиллы занять стратегически выгодную высоту и навязать противнику свои условия боя — лобовые атаки снизу вверх по возвышенности. Когда же для его армии сложилась угрожающая обстановка он ввел в сражение на своем правом фланге войска Торисмунда — практически свой боевой резерв (Торисмунд, как отмечает Иордан, признавал авторитет Аэция и следовал его советам). Парировать этот удар Атилле оказалось нечем. Он смог лишь в сложнейшей ситуации осуществить организованный отход своей конницы.

Потери с обеих сторон были велики. «Трупы вправду бесчисленны» — констатирует Галльская хроника¹. Иордан приводит общую для всех цифру потерь: 165 тысяч убитых. Будучи, явно, завышенной, она, тем не менее, свидетельствует о многочисленности войск Атиллы и Аэция².

бы занять вершину горы (sacumen montis), но его предупреждают Торисмунд и Аэций (sed a Thorismundo et Aetio praevenitur), которые, взобравшись на вершину холма, оказались выше (superiores effecti sunt) и с легкостью низвергли подошедших гуннов, благодаря преимущественному положению на горе» (Пер. Е. Ч. Скржинской).

Как видно из сообщения Иордана, противники Атиллы заняли высоту раньше него (этот факт Иордан отмечает еще раз: «Thorismud... cum Aetio collem anticipans hostes de superiore loco proturbaverat»), т. е. поднялись на вершину без боя, имели достаточно времени, чтобы построить войска «черепашей».

Отказываясь от исследования данных Иордана о сражении, Э. Томпсон ограничивается двумя общими фразами: «Готский король Теодорих был среди павших и его тело было найдено только на следующий день. Под конец, после борьбы продолжившейся ночь, Атиллы отступил в круг телег, которые он выставил позади себя». (p. 155)

¹ Chronica Gallica A. DXI p. 663: «cadavera vero innumera». — MGH. AA, t. IX, v. I.

² В западно-европейской исторической науке получила распространение точка зрения, согласно которой европейские гунны были малочисленным народом. Ее воспроизводит Э. Томпсон (Op. cit. p. 56): «огромные завоевания были осуществлены смехотворно малыми отрядами (ridiculously small band) всадников».

Исходя из данного положения Э. Томпсон считает сильно завышенными свидетельства источников о численности вооруженных сил гуннов. По его мнению, Аэций в 425 г. не мог получить от гуннов 60 тысяч всадников, так как в этом случае численность гуннского племенного объединения в Паннониях должна была достигать 250 тысяч человек. Э. А. Томпсон решительно полагает, что гуннский контингент был в 10 раз меньше, т. е. не превышал 6 тысяч всадников. (Томпсон считает сильно преувеличенными цифры китайских источников относительно численности войск кочевников на территории древней

С Мавриакских (Каталаунских) полей Аттила ушел за Рейн, в свои владения в Дакии. (Возобновить наступательные действия после понесенных потерь он был не в силах).

Монголии. В специальных работах данные китайских источников о значительных военно-людских ресурсах кочевых империй в Центральной Азии не ставятся под сомнение (см.: Г. Е. Марков. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации, М., 1976 г., с. 35: «население степей Восточной и Центральной Азии... было весьма многочисленным», и «шанью Модэ располагал войском в 300 тысяч человек»).

Согласно Э. Томпсону, кочевники были не в состоянии выставлять больших армий, так как 100 тысяч мужчин-пастухов не могли быть, без ущерба для функционирования общества, оторваны от производства («production») — выпаса и охраны стад на период военных действий. (Thompson. Op. cit. p. 52). Однако данное представление не имеет ничего общего с практикой кочевого скотоводства, как особого вида производства, «не требующего большого количества рабочих рук». (См. А. М. Хазанов. Роль рабства в процессах классового образования у кочевников евразийских степей // Становление классов и государства. М., 1976, с. 267). Согласно А. М. Хазанову, у калмыков в XIX в. два всадника-пастуха выпасали табун из 300 лошадей, в Монголии один всадник пас табун в 150 лошадей, двое — отару овец в 2 тысячи голов (А. М. Хазанов. Ук. соч. с. 267–268).

Эта практика выпаса скота неизменна для самых различных обществ. В США 1 всадник выпасает 1 тысячу голов крупного скота (Там же).

Указанная особенность кочевого скотоводства высвобождала огромное количество рабочих рук, позволяя кочевникам выставлять многочисленные армии.

Взгляды Томпсона нашли крайнее выражение в работе Р. П. Линднера, (R. P. Lindner. Nomadism, Horses and Huns — Past and Present, 1981, 92. pp. 1–19), который, исходя из своих подсчетов, что пастбища Венгерской равнины (Альфелд) площадью в 42 тысяч кв. км могли прокормить одновременно не более 150 тысяч лошадей, и полагая, что каждый гунн в походе должен был иметь с собой 10 запасных коней, приходит к выводу, что гуннская кавалерия в эпоху Аттилы не превосходила 15000 всадников.

Нельзя не отметить произвольность и неподкрепленность в источниках утверждения Линднера, что гунн в походе должен был брать с собой 10 коней.

Логично предположить, что военная практика гуннов была схожей с практикой сарматов. Согласно Аммиану Марцеллину (Am., Marc. XVI, 10, 20) сармат в походе «ведет еще в поводу запасную лошадь, одну, а иногда две, чтобы пересяживаясь с одной на другую сохранить силы коней...». (Пер. Ю. А. Кулаковского).

Если предположить, что гунны как и их предшественники на пастбищах Венгерской равнины сарматы брали в поход до двух запасных коней, то в таком случае численность лошадей в 150 тыс. позволяет иметь конницу в 50 тыс. бойцов.

Критический разбор точки зрения Линднера дают В. П. Никоноров и Ю. С. Худяков. (Ук. соч. с. 266–269). Авторы отмечают известный факт, что «в Венгрии в 1914г. была набрана кавалерия в 29 тыс. человек, причем из расчета один конь на одного всадника» (с. 268). В распоряжении гуннов находились пастбищные ресурсы «к востоку от Карпатских гор, включая, по меньшей мере Скифию у Понта, другими словами Северное Причерноморье» и «были уже достаточны

В начале лета следующего 452 года, стремительно пройдя Юлийские Альпы, Аттила с огромной армией появился в Италии — осадил Аквилею — крупнейший и превосходно укрепленный город на восточном берегу Венецианского залива. Для Равеннского двора вторжение Аттилы оказалось полной неожиданностью. Аэцию пришлось признать всю ошибочность своих планов относительно возобновления союзнических отношений с Аттилой. Инициировал ли он с этой целью до этого какие-либо переговоры, неизвестно¹. Если допустить, что такие сношения и были завязаны, то в этом случае повели-

для содержания большого количества лошадей...» (В. П. Никоноров, Ю. С. Худяков. Ук. соч. с. 266–267).

И. Т. Кругликова (И. Т. Кругликова, Дакия в эпоху римской оккупации. М. 1955, с. 80) отмечает, что «в северо-западных регионах Дакии, в междугорьях имелись прекрасные дуга и пастбища».

Исходя из своего положения, что конница Аттилы не могла превышать 15 тысяч всадников, Линднер утверждает, что по этой причине гунны из конных воинов, в большинстве своем, вынуждены были превратиться в пехоту и совершали свои походы пешими.

Помимо того, что исходные выкладки для данного тезиса не подтверждаются свидетельством Аммиана Марцеллина о кавалерийской практике сарматов отметим, что Аполлинарий Сидоний (середина V в.) говорит о вторжении в Галлию в 451 г. именно кавалерийских сил: «уже ужасающие турмы — (конные соединения — P. M.) Аттила рассыпал по твоим полям, белг». («et iam terrificis diffuderat Attila turmis in campos se, Belga, tuos» — Apoll. Sidon. Carmen VII).

Мнение, будто гунны в эпоху Аттилы были в основном пешими войсками не может быть принято, хотя бы и потому, что в 448–449 гг. гунны под водительством Эллака и Онегесия покорили кочевников причерноморских степей и дошли до Северного Кавказа. (См. главу 2 настоящей работы). Видимо, следует указать на тот бесспорный аспект военной действительности, что покорить кочевников в степи — вести против них широкомасштабные наступательные действия было по силе лишь многочисленной и подвижной кавалерии, но не армии, в которой преобладала бы пехота. В целом следует признать обосновательными нередкие сомнения в достоверности свидетельств античных авторов о численности варварских племен IV–V вв. Согласно выводу А. М. Ременникова в первой половине IV в. «население Подунавья составляло свыше 5 млн человек (См. А. М. Ременников. Военное искусство племен Подунавья в эпоху войн с Римской империей (IV в. н. э.) — ВДИ, 1970, № 2, с. 162). Армия Аттилы на Каталаунских полях насчитывала не менее 100 тыс. человек (См. В. П. Никоноров, Ю. С. Худяков. Ук. соч. с. 170), если не более того. Одни только германцы должны были составлять примерно половину ее численности.

¹ Мнение Э. Томпсона (Thompson E. A. The Huns... p. 154), будто Аэций из стремления к восстановлению «дружбы» с Аттилой оставил незащищенными пути в Италию с северо-востока, нельзя не признать произвольным.

тель гуннов получал возможность усыпить бдительность римского главнокомандующего.

Очевидец событий Проспер Тирон, должно быть, выражая сложившееся на данный момент в Риме негативное отношение к Аэцию, утверждает даже, что он собирался бежать из Италии¹.

Вторжение Аттилы выявило полную военно-организационную несостоятельность западно-имперской государственной машины. Более того, оно выявило фактический распад Западной империи как государственного целого. Галло-римская аристократия (земельные собственники, городские верхи), не говоря уже о римских федератах на территории Галлии, осталась безучастной к судьбе Италии. Равеннский двор был не в состоянии (несмотря на личный авторитет Аэция) привлечь этот ресурс к обороне страны. И потому Аэций не смог прийти на выручку Аквилеи как Аврелиана год тому назад. К концу лета, после отчаянного сопротивления Аквилея пала. Город был разрушен до основания, его мужское население истреблено, женщины и дети угнаны в рабство. Память о гибели Аквилеи осталась в веках². От Аквилеи Аттила двинулся не на юг, в центральную Италию, а на запад, вверх по течению Пада (По). Гунны и их вассалы разграбили и опустошили провинции Венетий и Эмилию (т. е. целиком бывшую Транспаданскую Галлию). Один за другим захватывались города: Конкордия, Альгин, Патавия (Падуа), Верона, их население, деморализованное после гибели Аквилеи, в большинстве своем не оказывало сопротивления³. Были разорены Медиолан (Милан) — резиденция императоров и Тицин (Павия). Аттила остановился на берегу Минция (Минчо) левого притока По, на Амбурейском поле недалеко от Мантуи также

¹ Prosp. Tir. Chron. MGHA, AA, t. IX, v. 1, p. 482.

² См.: Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв., М., 1970, с. 409.

³ Chronica Gallica A. CCCCLII (p. 662) сообщает: «бешеный Аттила напал на Италию, население которой из страха и ужаса оставило страну и (крепостные) стены». Томпсон (Op. cit. p. 159), Альфен (Op. cit. p. 33) отмечают, что после гибели Аквилеи города не оказывали гуннам сопротивления.

им захваченной¹. Это движение свидетельствовало о его готовности идти теперь на юг, на Рим.

Передовые, летучие отряды гуннской конницы, переправляясь через По, совершали рейды далеко вглубь Италии. Гунны «разорили почти всю Италию», — пишет об этих рейдах Иордан.

Разгром гуннами севера Италии (транспаданских земель), показывает, что приоритетной целью похода был захват добычи, и Аттила поначалу не преследовал военно-политических целей.

К концу лета 452 г. военная ситуация явила возможность беспрепятственно совершить поход на Рим — завоевать Западную Римскую империю и с полным правом принять возделенный титул «басилевса».

Авангард его войск — гуннская конница от Пада до предместий Вечного города могла дойти за три дня. Эти дни Аттила провел в ставке на Амбурейском поле, так и не отдав приказа идти на Рим. Вскоре Аттила принял посольство от Валентиниана III. Как сообщает Проспер Тирон, «после всех обсуждений» «император, сенат и римский народ ничего не сочли лучшим», как «через послов просить о мире свирепейшего царя» (Prosp. Tir., Op. cit., p. 482).

Посольство возглавил сам-папа римский Лев I, в составе посольства были знатные сановники имперского двора (префект Тригений, консуляр Авиен и др.). «Царь был обрадован» приезду папы. Принимая посольство Аттилы, в присутствии свиты и подвластных ему варварских вождей, грозил причинить Италии еще большие беды, однако буйство (furor) войска прекратил. Мир был заключен, — на каких условиях, правда, неизвестно. (Возможно, были преподнесены необходимые дары). Аттила «отправился в путь за Дунай».

Спасение Рима и Италии Проспер Тирон приписывает дипломатической миссии папы Льва I.

¹ О локализации Амбурейского поля см. подробно: Е. Ч. Скржинская. Ук. соч., с. 314, прим. 544.

В исследовательской литературе неоднократно дискутировался вопрос о причинах отказа Аттилы совершить поход на Рим. По данному вопросу имеется всего три источника. Это свидетельство «Хроники» Проспера Тирона, труд Иордана, излагавшего как уже отмечалось на основе труда Приска, и известие «Хроники» Идация (Hydatius), испанского епископа второй половины V века. С последней и следует начать рассмотрение вопроса. Идаций пишет: «Во второй год царствования императора Маркиана, гунны, что разграбили Италию и захватили немалое число городов, были поражены божественной волею, небесными ударами, частью голодом, частью болезнями. А также были (они) истреблены посланными императором Маркианом вспомогательными войсками под водительством Аэция и в то же время были сокрушены в своих становищах небесными ударами и войском Маркиана...»¹.

Итак, в отличие от Проспера Тирона и Приска (в передаче Иордана) Идаций говорит сразу о нескольких причинах ухода Аттилы из Италии. Это голод, эпидемии в войсках, поражения от войск Аэция и одновременное вторжение армии Маркиана во владения Аттилы, т. е. за Дунай.

Э. Томпсон, О. Мэнчен-Хелфен², П. Хизр принимают это сообщение Идация за основу для далеко идущих выводов. Они единны во взгляде, что гунны подверглись комбинированному двойному удару, в Италии, где в Равенне высадились восточно-римские *auxilia* — вспомогательные части под командованием Аэция, и на Балканах.

П. Хизр уверенно полагает, что войска Маркиана совершили вторжение «в центр владений Аттилы» (*into Attila's heartland*)³. Этот «хартланд» Аттилы включал в себя междуречье Дуная и Тисы и простирался на юг до Кёреша. Чтобы нанести удар в «хартланд» восточно-римским войскам необходимо было улу-

¹ Hydatius Lemicus — MGH. A. A., t. XI, v. VII, p. 26–27: «Secundo regni anno principis Marciani Huni, qui Italiam praedabantur, aliquantis etiam civitatibus inruptis, divinitus partim fame, partim morbo quodma plagis caelestibus feriuntur: missis etiam per Marcianum principem Aetio duce «caeduntur» auxiliis pariterque in sedibus suis et caelestibus plagis et per Marciani subiguntur exercitum...»

² O. Maenchen-Helfen. Op. cit, p. 130–140.

³ P. Heather. Op. cit, p. 341.

биться далеко за Дунай, т. е. совершить крупномасштабное вторжение.

Сообщение Идация о нападении войск Маркиана на гуннов в их становищах (*in sedibus suis*) более чем скудно, слишком недостаточно, чтобы на его основании признать реальным историческим фактом наступательную войну империи за Дунаем летом 452 г. Само по себе оно легко опровергается сообщениями Приска, согласно которым по возвращении из италийского похода, осенью 452 г. Аттила предъявил Маркиану требования о выплате дани, угрожая в случае отказа войной (Prisc. Frag. 18, 19, p. 99–100). Важно подчеркнуть, что Аттила не выдвинул обвинений в нарушении мирного договора 449 г. о восстановлении границы по Дунаю, как и обвинений в открытом развязывании против него войны. (Видимо, будет неправомерно даже предполагать какие-либо локальные военные действия на Дунае летом 452 г.).

Если Аэций действительно получил военные подкрепления из Восточной империи и даже где-то достиг успехов в борьбе с рассеявшимися по стране подвижными гуннскими отрядами — успехов местного значения, то они явно не повлияли на общее положение Италии, на расстановку сил. Не случайно, что Иордан, излагавший материалы Приска, ни о чем подобном не говорит, либо не счел даже значимым, чтобы упомянуть. В любом случае возможные военные успехи Аэция не внушали императорскому двору, сенату, папе римскому и населению Рима уверенности в военных возможностях империи и не изменили их решения вести мирные переговоры с Аттилой.

Голод и болезни, на которые указывает Идаций, как причины отступления гуннов, должны были достичь воистину катастрофических размахов, чтобы даже стремительная гуннская конница не могла бы совершить не более чем трехдневный, если не меньше, пробег от По до стен Рима. Столь тяжелое состояние трудно допустимо для мобильной полевой армии.

Зимой 450–451 гг. Италия была поражена голодом¹. Весной 452 г. готовясь к походу, Аттила и его окружение не могли об-

¹ J. B. Bury. A History of the Later Roman Empire, v. 1, p. 179, n. 1.

этом не знать и соответственно, не позаботиться о регулярном снабжении своих сил. По информации Иордана, подвоз хлеба осуществлялся в стан гуннов на Каталаунских полях даже после сражения, т. е. тыловые службы функционировали. В свете этого факта, тем более нет никаких оснований допускать, что весной 452г. предводительствуя в Италию огромную армию, Аттила рассчитывал обеспечить ее провиантом за счет грабежа захваченной территории, и тем самым важнейшую задачу продовольственного снабжения войск ставил в зависимость от случайностей войны. Приск (Prisc. Frag. 8. p. 83), как очевидец, сообщает, что гунны на своих территориях в Северной Дакии регулярно обеспечивались сельскохозяйственной продукцией, которую для них производило местное зависимое земледельческое население (должно быть славяне, фракийцы), проживавшее в деревнях (κωμαι) общинное крестьянство. Несомненно, что для ведения войны гунны обладали значительными продовольственными ресурсами. В условиях безопасности тыловых коммуникаций с Паннонией, продовольственные поступления в армию, действовавшую в Северной Италии, должны были идти бесперебойно¹.

Таким образом, необходимо признать недостоверность известий Идация для освещения событий 452 г. на дунайской границе и в Северной Италии, за исключением может быть лишь возможности получения Аэцием какого-то количества вспомогательных войск от Маркиана. Известия галисийского хрониста, конечно, не могут обесценить и заменить собою свидетельства Приска и Проспера Тирона, черпавших информацию непосредственно из регионов, где разворачивались события. Похоже на то, что источником хронисту в Галисии служили искаженные известия или попросту слухи.

На его неосведомленность в событиях 452г. в Италии указывает тот красноречивый факт, что он ничего не говорит о дипломатической миссии папы Льва I к Аттиле, что, конечно, нельзя приписать умышленному умолчанию, что в свою очередь было бы попросту непонятно.

¹ Только одно сообщение Павла Диакона, (Paul., I. XIII, VIII/MGN. AA. t. 2, p. 203) может указывать на нехватку продовольствия у гуннов под Аквилеей, т. е. в начале похода.

Следует с безусловным доверием отнестись к тому факту, что Приск (Иордан) не говорит о людских потерях Аттилы в Италии, о страшном голоде и эпидемии, обескровивших его армию настолько, что сделали неспособной к продолжению наступательных действий. В Италии Аттила не встретил серьезного военного противника, ни в лице населения ее городов (за исключением гарнизона Аквилеи), ни в лице войск Аэция, существование как и действия которых относятся к тому же к разряду гипотетических допущений.

О состоянии боеспособности войск Аттилы осенью 452г. сразу после переговоров с папой Львом I, как кажется, может свидетельствовать одно весьма интересное сообщение Иордана. Оно дошло до нас в путаном изложении, полном противоречий и нестыковок в последовательности фактов, и потому обычно вызывает сомнения относительно своей достоверности.

Приведем его в переводе Е. Ч. Скржинской: «Аттила вернулся на свои становища и, как бы тяготясь бездействием и трудно перенося прекращение войны, послал послов к Маркиану, императору Восточной империи, заявляя о намерении ограбить провинции, потому что ему вовсе не платят дани, обещанной покойным императором Феодосием, и ведут себя с ним обычно менее обходительно, чем с его врагами.

Поступая таким образом, он лукавый и хитрый, в одну сторону грозил, в другую — направлял оружие: а излишек своего негодования (излил), обратив свое лицо против везеготов. Но исхода тут он добился не того, какой имел с римлянами.

Идя обратно по иным, чем раньше дорогам, Аттила решил подчинить своей власти ту часть аланов, которая сидела за рекой Лигером, чтобы изменив после их (поражения) самый вид войны, угрожать еще ужаснее. Итак, выступив из Дакии и Паннонии, провинций, где жили тогда гунны и разные подчиненные им племена, Аттила двинул войска на аланов (выделено нами — Р. М.). Но Торисмунд, король везеготов, предвосхитил злой умысел Аттилы с не меньшим, чем у него, хитроумием. Он с крайней быстротой первым явился к аланам и, уже подготовленный, встретил движение войск подходившего Аттилы. Завязалась

битва почти такая же, какая была до того на Каталаунских полях. Торисмунд лишил Аттилу всякой надежды на победу, изгнал его из своих краев и заставил бежать к своим местам. Так достопримечательный Аттила... бесславно отступил».

Первое, что бросается в глаза в данном отрывке, так это рассказ о походе Аттилы в Галлию против алан. В изложении Иордана этот поход он совершает вскоре после возвращения из Италии и предъявления Маркиану требований выплатить дань. Нельзя не обратить внимания на явные противоречия, даже несуразность в подаче материала у Иордана. Намереваясь вторгнуться в Балканские провинции Восточной империи, Аттила, однако, выступает совсем в ином направлении, совершает поход на Запад и доходит до берегов Лигера (Луары), где вступает в сражение с аланами и пришедшими им на выручку вестготами.

Э. Томпсон, О. Мэнчен-Хелфен, П. Хизр обходят стороной сообщение Иордана об этом галльском походе Аттилы, выказывая тем самым явное сомнение в его достоверности.

Еще ранее о нем категорично отзывался Ю. А. Кулаковский: «Иордан рассказывает также о вторичном походе Аттилы в Галлию на следующий год, причем целью его похода было будто бы желание подчинить себе алан. Но Торисмунд вестготский и на этот раз предупредил Аттилу и нанес ему поражение. Этот второй поход Аттилы есть измышление источника Иордана для вящего прославления славы готского имени»¹.

Под источником Иордана ученый имеет в виду скорее всего труд Кассиодора. Одной из главных целей его написания было, как известно, обоснование господства остготов над Италией² и сотрудничества с ними италийской знати.

Положение, что Иордан воспроизвел вымысел своего источника нуждается в обосновании, что вряд ли возможно, так как необходимо доказать во-первых, что источником Иордану здесь послужил именно труд Кассиодора, а не Приска, на которого Иордан прямо ссылается в описании италийского похода Аттилы, и во-вторых,

¹ Ю. А. Кулаковский. Ук. соч., с. 110.

² Е. Ч. Скржинская. Иордан и его «Getica». — Иордан о происхождении и деяниях готов — «Getica», с. 36.

что описание вестготско-гуннского военного столкновения Кассиодором представляло собой откровенное сочинительство.

Последнее положение, однако, находится за пределами доказуемого, так как относится к сугубо конкретному факту, отображение которого, по выражению Е. Ч. Скржинской, в «бесследно исчезнувшем» труде¹ невозможно ни подтвердить ни опровергнуть.

По вопросу о достоверности известия Иордана о втором походе Аттилы в Галлию в науке нет единого взгляда. В. Т. Сиротенко вслед за Кулаковским считает, что «этот поход придуман Иорданом для прославления готов»². Выдумщиком оказывается не Кассиодор, а сам непосредственно Иордан. Е. Ч. Скржинская в достоверности известия Иордана не сомневается, полагая, что сражение произошло в местах «верхнего течения» Луары, которая «берет начало в гористой области Овернь», в горах Виварэ³.

Когда, при каких политических обстоятельствах произошло это вторжение Аттилы в Южную Галлию, Е. Ч. Скржинская не поясняет. А. Н. Бернштам, также не вдаваясь в рассмотрение свидетельств Иордана о походе, полагает, что после 452 г. «известно еще одно вторжение Аттилы в Галлию»⁴.

В. П. Никоноров, Ю. С. Худяков, оставляя открытым вопрос о нападении Аттилы на алан, отмечают, что «некоторые историки не без оснований сомневаются в достоверности этого рассказа»⁵. Итак, вопрос о походе Аттилы в Южную Галлию и его битве с аланами и вестготами, остается одним из малоосвещенных и спорных в истории гуннов эпохи Аттилы.

Рассказ Иордана о походе против алан начинается с одного важного указания: Аттила выступает, «идя обратно по иным, чем раньше дорогам»⁶.

И повествовательльно и логически данное указание (как и рассказ о походе) не увязывается с непосредственно предыдущим

¹ Е. Ч. Скржинская. Ук. соч., с. 31.

² В. Т. Сиротенко. Ук. соч. с. 95.

³ Е. Ч. Скржинская. Ук. соч. с. 314, прим. 550.

⁴ А. Н. Бернштам. Ук. соч., с. 161.

⁵ В. П. Никоноров, Ю. С. Худяков. Ук. соч. с. 179.

⁶ Перевод Е. Ч. Скржинской. Дословно будет: «и действительно, возвращаясь по дорогам, отличным от прежних».

рассказом Иордана о требованиях к Маркиану об уплате дани. Очевидны нарушения в содержании рассказа. Подчеркнем также, что приведенное указание слишком конкретно, чтобы быть отнесенным к разряду выдумок. Из него непреложно следует, что поход против алан был предпринят уже по возвращении, на обратном пути из неизвестного места, условно говоря — пункта «Х». Следовательно этот пункт «Х» и предстает первоначальной целью похода Аттилы. Сюда он пришел и отсюда — повторимся, двинулся обратно. Следовательно, поход против алан не был начальной его целью. С какой местностью необходимо идентифицировать данный пункт «Х»? (Все-таки, позволим себе заметить, что по возвращении обратно в Паннонию из Северо-восточной Галлии, с Каталаунских полей, попасть на юг Луары — это более чем фантастическая ситуация). Правомерен только один ответ: поход в Южную Галлию к Луаре полностью согласуется с географическими реалиями похода в Северную Италию летом 452 г.

Ранней осенью 452 г. из Северной Италии Аттила мог выйти к Луаре только через Нарбоннскую Галлию. Таким образом, поход против алан явился прямым продолжением похода в Северную Италию (Транспаданскую Галлию), которая, следовательно и есть «пункт Х». После заключения мира с Римской империей Аттила «отправился в путь за Дунай», в свои балканские владения, но «по другим дорогам», совершив заход далее на запад.

Рассказ Иордана содержит одну важную ремарку, позволяющую прояснить мотивы нападения на алан. Их разгром должен был согласно замыслу Аттилы, изменить «самый вид войны» (*belli facies*). «Вид» — характер войны его не удовлетворял. Ему нужна была решительная победа в сражении с могучим противником, его полное сокрушение. Нужно было поддержать свой престиж полководца, поколебленный на Мавриакских полях, и тогда же осуществить давнюю цель, — провозгласить себя «басилевсом».

Полагая, что поход Аттилы осенью 452 г. в Южную Галлию против алан и вестготов это достоверный факт, следует еще раз отметить, что событие это дано в параграфах (225–228), в которых материал в целом изложен путанно, с нарушениями в последовательности фактов.

Эти погрешности — результат механических сокращений, не критических перетасовок, допущенных Иорданом при использовании материала своего первоисточника — труда Приска. Следовательно, цитированный выше сегмент должен был начинаться не с переговоров Аттилы с Маркианом, а с похода Аттилы в Южную Галлию, непосредственно после встречи с папой Львом I. За фразой «отправился в путь за Дунай, обещая соблюдать мир», после краткого сообщения о Гонории, в тексте должно было следовать: «идя обратно по иным, чем раньше дорогам Аттила решил подчинить своей власти ту часть аланов, которая сидела за рекой Лигером». Далее Иордан допускает еще одну существенную путаницу в изложении событий. Фраза, относящаяся к выступлению против Италии в 452 г. идет непосредственно после процитированной фразы, в которой говорится о решении идти на алан, проживавших за Лигером. Мы читаем: «Итак, выступив из Дакии и Паннонии — провинций, где тогда жили гунны и разные подчиненные им племена, Аттила двинул войска на алан» (пер. Е. Ч. Скржинской). Между обеими фразами возникает неустрашимое противоречие, так как они фиксируют противоположные друг другу направления. Если в первой сказано, что Аттила шел обратно, т. е. возвращался в свои владения — Дакию и Паннонию из некоего пункта, которого он предварительно достиг, то в следующей же наоборот он выступает из тех же Дакии и Паннонии с целью идти против алан. Очевидно, что Иордан пытался устранить им же замеченное противоречие и вместо Италии, как цели похода указал на алан, допустив при этом еще одно противоречие.

Нестыковка в фактах содержится и в изложении отношений Аттилы с Маркианом после возвращения из похода в Италию. Требуя от императора дани и угрожая ему войной, Аттила, однако, по утверждению Иордана, «обратил свое лицо против везеготов». Несомненно, что данный пассаж должен был следовать за описанием похода в Южную Галлию и завершать параграф 228, но уже без упоминания вестготов, которые здесь оказываются перенесенными из текста, относящегося к событиям 451 года. Можно привести пример еще одного грубого сокращения Иорданом текста Приска. В его изображении Аттила совершает нападение на Аквилею сразу

с Каталаунских полей, о его уходе из Галлии он ничего не говорит. Иордан опускает целый год, отделявший поход в Галлию (март — июль 451 г.) от похода в Италию (июнь 452 г.).

Итак, налицо допущенная Иорданом значительная путаница в процессе переизложения и компилирования труда Приска¹.

Даже если (вопреки приведенным аргументам) и не признать достоверности сообщения Иордана о большом сражении Аттилы с вестготами и аланами в Южной Галлии осенью 452 года, то те данные, которыми мы располагаем благодаря Приску (Иордану) и Просперу Тирону решительно не позволяют говорить о падении боеспособности его войск, их тяжелых потерях к осени 452 г. Аттила обладал более чем достаточной военной мощью, чтобы совершить поход на Рим. На этом пути не могло быть военно-политических преград со стороны Римской империи. И тем не менее вместо легкого с военной точки зрения похода на Вечный город, Аттила двинулся на алан и вестготов, победа над которыми, нельзя не признать, сулила ему меньшую славу и добычу, в сравнении со «славой» завоевателя Рима.

Почему повелитель гуннов внял унижительным просьбам папы римского и пощадил Рим?

Историки, как уже указывалось, это решение объясняют объективными причинами — военными, политическими, мате-

¹ Таким образом, Иордан изначально представил события в искаженном виде. Согласно действительной последовательности событий текст Приска должен был быть воспроизведен следующим образом: «Идя обратно по иным, чем раньше дорогам, Аттила решил подчинить своей власти ту часть аланов, которая сидела за рекой Лигером, чтобы изменив после их (поражения) самый вид войны, угрожать еще ужаснее. Но Торисмунд, король везеготов, предвосхитил злой умысел Аттилы с не меньшим, чем у него, хитроумием. Он с крайней быстротой первым явился к аланам и, уже подготовленный, встретил движение войск подходившего Аттилы. Завязалась битва почти такая же, какая была до того на Каталаунских полях. Торисмунд лишил Аттилу всякой надежды на победу, изгнал его из своих краев и заставил бежать к своим местам. Так достославный Аттила... бесславно отступил.

Аттила вернулся на свои становища и, как бы тяготясь бездействием и трудно перенося прекращение войны, послал послов к Маркиану, императору Восточной империи, заявляя о намерении ограбить провинции, потому что ему вовсе не платят дани, обещанной покойным императором Феодосием, и ведут себя с ним обычно менее обходительно, чем с его врагами». Здесь опущены известия о конфликте Аттилы с вестготами и о выступлении в поход против Италии, которые были перенесены Иорданом из других разделов труда Приска.

риальными (нехваткой продовольствия и даже голодом и т. д.). Они и определили выбор Аттилы. Упускается, однако, из виду такой немаловажный фактор, как менталитет, особенности мировосприятия, как индивидуального, так и группового, по выражению А. Я. Гуревича, — «ментальный универсум»¹.

Завесу над этой субъективно-психологической сферой уже слегка приподнимает Иордан. По его сообщению, Аттила боялся, что его постигнет участь вестготского вождя Алариха, захватившего и разграбившего Рим в августе 410 г. и спустя несколько месяцев внезапно умершего в цветущем возрасте. В его представлении захват Рима таил для него угрозу скорой смерти. Эту же мысль внушали ему и его подданные, как поясняет Иордан, из опасений за судьбу их короля. Опасения, что за покорением «Вечного города» неотвратимо последует его смерть, после долгих колебаний и размышлений взяли верх над всеми доводами идти вперед. Пока Аттила медлил «подоспело посольство из Рима с мирными предложениями».

Факты доказывают личное бесстрашие Аттилы, его постоянную готовность умереть. В битве на Мавриакских (Каталаунских) полях он ценой собственной гибели пытался лично убить Аэция, и был ранен, отражая атаку Торисмунда. Отступив за ограждения из повозок, он совершил приготовления к самоубийству — соорудил костер из конских седел и был решим броситься в него в случае прорыва противника в лагерь.

Одно очевидно: из всех возможных смертей — в бою ли, на костре, от ножа или яда заговорщиков Аттила решительно отвергал смерть на вершине «славы» завоевателя Рима, смерть ненасилственную и внезапную, наступающую по воле высших сил.

Почему кончина именно в данных политических обстоятельствах пугала его? Какие соображения должны были вызвать в нем этот необоримый страх? Предварительно можно было бы предположить, что этот страх был порожден архаичным менталитетом человека родоплеменного общества, мыслившего кате-

¹ А. Я. Гуревич. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. Москва, 1990, с. 7–8.

гориями мифосознания и на их основе принимавшего политические решения.

Подчеркнем, что «ментальный универсум» (А. Я. Гуревич), видение мира и себя в нем может оказывать на поведение индивида ничуть не меньшее, если не большее влияние, чем извне данные объективные причины. Здесь необходимо привести важное суждение А. Я. Гуревича о менталитете людей Средневековья: «Многие из их идей и поступков нам не только чужды, но и плохо понятны. Поэтому вполне реально опасно приписать людям этой эпохи несвойственные им мотивы и неверно истолковывать подлинные стимулы, двигавшие ими в их практической и теоретической жизни...»¹.

В этой связи, на наш взгляд, большой интерес представляет один эпизод в рассказе Приска о пире Аттилы в июне 449 г., во время посещения им ставки повелителя гуннов. Пир происходил в зале «дворца» — большого, сложенного из тесаных бревен, дома. Посреди залы на возвышении стояло ложе. Аттила сидел на нем. Вместе с ним на ложе, но с его краю сидел его наследник — старший сын Эллак. Он только что вернулся из похода в степи Северного Причерноморья. Под его и Онегесия водительство гунны дошли до Кавказа, до самого Дарьяльского ущелья². От царского ложа вглубь залы тянулось два ряда столов. За ними разместились родичи Аттилы, его «избранные» и гости. Посланец Феодосия II Приск сидел близко к Аттиле, и видел, что Аттила невесел. Его лицо, по словам Приска, было «неподвижным» и выражало «непреклонность». Повелитель гуннов оживился лишь когда, войдя в залу, к нему подошел его младший сын Эрнак (Эрна, Нернас). Аттила стал ласково трепать его по щеке, совсем не замечая других своих сыновей. Еще двое из них занимали места за общим столом вместе с гостями, а Эллак оставался при отце, потупив взгляд из почтения к нему, как поясняет Приск.

Приск подивился вслух, что Аттила выказывает расположение только к своему младшему. На эти слова отозвался его сосед

¹ А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. Москва, 1972, с. 27.

² См. предыдущую главу.

по столу — «варвар». Он взял с Приска обещание никому не передавать того, что он скажет, и произнес: «Прорицатели предсказали Аттиле, что род его погибнет и будет восстановлен этим мальчиком»¹.

В известной нам литературе это прорицание оставлено без внимания, хотя его следует рассматривать в качестве исторического факта, наделенного идейным содержанием с политической нацеленностью.

Как явствует из отношения Аттилы к Эрнаку он верил в предсказание. Гибель рода наступит в недалеком будущем, если не в правление самого Аттилы, то в правление Эллака, но не позже, раз уж младшему сыну предсказано род восстановить.

У нас нет оснований подозревать, что Приск мог придумать предсказание и связанный с ним эпизод. Приск узнает о предсказании случайно, наблюдая вполне будничную сцену общения отца с сыновьями. Аттила не скрывает своего расположения к Эрнаку. В качестве объяснения этому отношению Приск говорит о предсказании. Важно отметить, что Приск говорит о предсказании мимоходом, никак не выделяет его из своего неторопливого рассказа, при том, что написал он свой исторический труд много позже смерти Аттилы и гибели его державы. Иначе говоря, христианский автор Приск не придает прорицанию какого-либо определяющего значения, не связывает с ним последующее развитие событий. Приск оставляет записанное им предсказание без комментариев. О нем более не говорится и в сохранившихся фрагментах его труда. Своим отношением к предсказанию, точнее, своим полным безразличием Приск существенно отличается от античных (языческих) авторов. В подаче исторического материала у Геродота прорицание нередко предстает исходным, сюжетообразующим элементом. Через прорицание возвещается воля богов². Крез Лидийский терпит крушение в войне с персами, потому что пришло время сбыться предсказанию о возмездии, которое постигнет в пятом

¹ «... τοὺς μάλιστα τῷ Ἀττίλᾳ προηγορευκέναι, τὸ μὲν αὐτοῦ λεσεῖσθαι γένος, ὑπὸ δὲ τοῦ παιδὸς ἀναστήσεσθαι τούτων». — Prisc. Fragm., IV, p. 93.

² С. И. Лурье. Геродот. Москва, 1947, с. 42.

колоне род Гигеса за совершенное последним преступление: убийство законного царя и узурпацию власти. Пятым же потомком Гигеса был Крез.

Плутарх в жизнеописании Цезаря оговаривает, что приводимые им известия о неблагоприятных предсказаниях и знамениях Цезарю накануне его убийства должны показать неотвратимость того, что определено судьбой (Plut. Caes. 63,1). Очевидно, что все они, возможно за редким исключением, плод исторических легенд, возникших *post factum*. Как замечает Цицерон, Цезарь не предвидел возможности покушения на него в сенате «на глазах у стольких преданных ему центурионов»¹.

В античной историко-биографической литературе пророчество, данное главному герою в начале его деяний — это восходящий к древнему мифу литературный прием, которым определяется развитие событий (сюжет), их конечная развязка. Так, в рассказе Плутарха (Plut. Cras, VIII) Спартак, прежде чем быть проданным в гладиаторы, получает предсказание об обретении им в будущем огромной и грозной власти и своей гибели как следствие этой власти.

Эпизодичность, мимолетность, с какими Приск упоминает о предсказании могут только укрепить нас во мнении, что Приск — беспристрастный очевидец, сообщает о действительно имевшем место факте.

Прорицатели возвестили Аттиле будущее его рода. Сила, что вознесла Аттилу, поставила господином над императором Востока — это Судьба. Приск называет ее Тюхе (Τύχη — Prisc. Fragm., XII, p. 97). В античную эпоху она — богиня счастливого случая, везения. Добиться ее покровительства возможно было активным действием. Однако сила, что приведет род Аттилы к неотвратимому краху — это уже Рок (Фатум), сама неизбежность, удел (мойра).

В предсказании проявились представления родового общества о Судьбе — Неизбежности. Могуущественный и бесстрашный

¹ См.: Цицерон. О дивинации. Пер. М. И. Рижского. // Цицерон. Философские трактаты, Москва, 1985, с. 250.

в бою Аттила признает (безропотно признает!) ее господство и свое бессилие перед ней, свою обреченность.

Как известно, вера в судьбу и осознанное осуществление предустановленного ею удела — это черта эпических героев от Ахилла до персонажей исландских саг¹. Известие Приска чрезвычайно интересно тем, что оно свидетельствует об исходящем из глубин мифосознания безысходном фатализме реального исторического лица — крупнейшей политической фигуры первобытного, «варварского» мира эпохи «Великого переселения народов».

Прорицатели предсказали Аттиле не только падение рода, но и его восстановление. В прорицании род подменяет собой понятие державы, которое еще не вычленилось из понятия рода, политически производно от него. Владычество рода над племенами и есть царство, держава Аттилы. В пророчестве род предстает неуничтожимой общностью, можно сказать, субъектом действия. Он будет вновь возрожден после падения, а вместе с ним и сама держава. Род, таким образом, встроен в круговую смену состояний: от зарождения к могуществу и через гибель (хаос) к возрождению. Жизнь социума (рода, племенного объединения) мыслится прорицателями и самим Аттилой, по аналогии с природным циклом, а это и есть характерная черта мифологического сознания². Судьба (неотвратимость) проявляется в неизменном круговороте состояний природы³ и общества, живущих по одному закону. Деяния Аттилы и его сыновей определены этим циклом и невозможны вне его. Сойти с предначертанного пути было немислимо.

Таким образом, данная в прорицании идея цикличности существования социума соответствовала архаичным представлениям о природной цикличности — наглядному проявлению судьбы. Подчеркнем, что идея цикличности, данная в формулировке при-

¹ А. Ф. Лосев. История античной эстетики, М., 1963, с. 57. А. Я. Гуревич. Средневековый мир, с. 90.

² А. Ф. Лосев. Гомер, Москва, 1960, с. 167.

³ В. П. Горан. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск, 1990, с. 96–107. Согласно древним представлениям, человеческая судьба вписана «в единый ритм космоса», с присущим ему круговым движением. Отсюда и широко распространенный в различных мифологиях образ колеса Судьбы. (См. В. М. Карев. Судьба — Мифы народов мира. Москва, 1982, т. 2, с. 473–473).

водимой Приском, несомненно, свидетельствует о доподлинности его сообщения о прорицании.

Итак, Судьба (Фатум — рок) вознесла Аттилу над миром, сделала владыкой «Германии» и «Скифии» — подчинила ему обе Римские империи, но она же неотвратимо низвергнет Аттилу и его род. Старший сын Эллак и средний Денгизих также обречены судьбой на гибель и знают об этом. Будущее принадлежит только самому младшему — Эрнаку. Он и восстановит могущество рода.

Этоприятие Судьбы, сознание неотвратимости собственного падения, обреченности своего дела — создания великой державы, отнюдь не порождают в них подавленного состояния, апатии. Напротив, фатализм сочетается со все возрастающей военно-политической активностью и потрясающей современников беспощадностью.

Еще одно зловещее предсказание Аттиле было дано перед битвой на Мавриакских полях. Гаруспики (*aruspices*) — гадатели по внутренностям животных, предсказали гуннам поражение. Вопреки предсказанию, Аттила упорно боролся за победу и избежал наихудшего для себя исхода. Первое предсказание лишало его род надежд на долговременное будущее в целом, второе касалось конкретного события, которое в его представлении, явно, не могло послужить исполнению первого предсказания — привести его род к гибели.

Нельзя не заметить последовательности вынесения мрачных вердиктов от имени высших сил. Следует иметь в виду их политическую подоплеку, обусловленную конфликтом Аттилы с гуннской родоплеменной кочевой знатью.

Свидетельства Приска в целом достаточны, чтобы предварительно заключить о проводимой Аттилой политике централизации — упразднения органов власти родового общества (совета родовых старейшин, народного собрания) и концентрации всей полноты верховной власти в руках наследственного военного вождя. (Внутренняя политика Аттилы — это отдельная тема исследования).

Как известно, в родовых обществах служители культа, «профессиональные» прорицатели (гадатели) были тесно связаны с родовой верхушкой. Старейшины родов, нередко, сами ведали от-

правлением культа. Нельзя исключать, что предсказание скорого падения рода Аттилы отражало оппозиционные ему настроения родовой знати и должно было подорвать авторитет как лично его, так и его династии. Впрочем, больше чем конкретно политический контекст прорицания, Аттилу должен был волновать вопрос о времени его исполнения, насколько оно близко и при каких обстоятельствах Судьба заявит о своем всемогуществе.

Если в известных нам исследованиях прорицание о скором падении рода и державы осталось без внимания, то тем более не учитывается возможная связь с прорицанием великодержавной монархической идеологии, которую «взял на вооружение» повелитель гуннов.

В ставке Аттилы Приск (видимо, со слов Константиола) записал историю нахождения гуннами священного меча Марса. Эта история примечательна эклектичным соединением в ней разновременных мифологических представлений. Меч обнаружил на пастбище пастух, когда об него поранила себе ногу корова (Jord., *Get.* §183).

Италийский Марс в древнейшей стадии своего культа был покровителем пастухов и оберегателем стад. Бык был в числе посвященных ему животных¹. Меч, обнаруженный благодаря корове, однако, предстает уже атрибутом божества, которому издавна поклонялись кочевники южнорусских степей — древние скифы, а позже аланы. (У римского Марса, как известно, атрибуты щит и копье)².

Счастливая находка меча была истолкована при дворе Аттилы соответственно целям неограниченной монархической власти и великодержавности. Бог дал Аттиле в знак подтверждения его могущества меч — священный меч Ареса (Марса) (*Prisc. Frag.* 8, p. 91). Подробно сведения Приска излагает Иордан: Аттила «утвержден владыкой всего мира» (*mundi totius principem constitum (esse)*). «Через меч Марса ему дарована непобедимость в войнах (*per Martis gladium potestam sibi concessam esse bellorum*).

¹ Е. М. Штаерман. Марс — Мифы народов мира, Москва, 1982, т. 2. с. 119.

² Там же.

Иордан не называет имени бога, даровавшего Аттиле власть над всем миром и непобедимость в войнах, но, очевидно, что своим великодержавным статусом он обязан богу, вручившему ему священный меч Марса. Этот бог, конечно, сам Марс (Арес), а Аттила, следовательно, богоизбранный самодержец, избранник Марса. Из свидетельств Приска непреложно явствует, что Аттила одновременно верил в прорицание, в неизбежность гибели рода и падения державы и в свое богоизбранничество. Здесь не так существенно, что открылось ему первым, зловещее предсказание или воля Марса? Была ли идеологическая интерпретация находки меча ответом на приговор прорицателей или наоборот? Важно подчеркнуть, что фатализм Аттилы (покорность Року) и великодержавная идеология укладываются в связное, целостное мировоззрение.

Покровительство Марса не отменяет вовсе неотвратимости гибели — исполнения Судьбы. Бог Марс бессилен перед Судьбой. Будущее мировое господство, которое он дарует Аттиле, встраивается в представление о цикличности — круговом вращении мира (Судьбы), о смене состояний — рода и державы. Господство сменится падением.

Оба видения Аттилой своего будущего осуществимы в очевидной временной последовательности. Предсказание исполнится после завоевания мирового господства, после осуществления Аттилой своего земного предназначения — завета Марса. Только тогда наступит срок гибели рода, падения державы.

Вера в Марса — задача установления мирового владычества, санкционировала свободу деятельности и отсрочивала наступление неотвратимого конца — удела.

В глазах варварских племен именно Рим (*Urbs aeterna*) оставался центром земного мира. И прежде всего завоевание Рима и Западной империи — не Константинополя, не Иранской державы и не королевства вестготов, могло означать исполнение воли Марса, достижение мирового господства. Аттила слишком быстро, неожиданно слишком легко приблизился к рубежу, за которым должен был начаться роковой для него ход событий, необратимое движение к исполнению прорицания.

Этот архаичный фатализм, определивший восприятие Аттилой действительности, отчетливо проступает в рассказе Приска (Иордана) о том, как он, завидев улетающих из осажденной Аквилеи аистов, усмотрел в их поведении благоприятный для себя знак свыше — предвещение скорого падения города. Своим умением постигать смысл их полетов Аттила демонстрировал и поданным и войскам свою непосредственную связь с миром богов. (Птицы — вестники богов). В рассказе об аистах особый интерес вызывают слова Аттилы: «в предвидении событий (аист) меняет свою привычку из страха перед грядущим»¹.

Аистов, конечно, вспугнули шум и грохот осады — удары таранов, зажигательные снаряды, т. е. ими руководил простейший инстинкт самосохранения. Своим «привычкам» они не изменяли.

В действительности, этими словами Аттила невольно выдал свое собственное психологическое состояние, свою тревогу, страх перед грядущим. В рассказе об аистах, улетающих из Аквилеи, Иордан четко различает понятия будущего (*futurus*) и грядущего (*venturus*). Грядущее — это явление Рока (Фатума), оно неотвратимо наступит, безальтернативно придет, оно уже дано. В отличие от будущего грядущее не отворотить личными усилиями, его не переиграть, как это ему удалось в битве с Аэцием. Суждение Аттилы, донесенное Приском (Иорданом) независимо от степени своей документальности, психологически достоверно в контексте его мировосприятия. Признание в страхе перед неотвратимым уделом, сделанное им еще под стенами Аквилеи, добавляет один немаловажный штрих к истории италийского похода. Аттила не планировал завоевания всей страны (направление его похода на северо-запад, само по себе, говорит в пользу этого взгляда). Сильнейшее искушение покорить всю Италию, уничтожить Западную Империю (Гесперию) овладело им уже после разгрома транспаданских провинций во время стояния на Амбуйском поле: «Идти или не идти?». Перейти рубеж, за которым неизбежно начнется неограниченное господство Рока (Судьбы) и его унесет поток неподвластных ему событий?

¹ Jord, *Getica*, § 221: «rebus presciis consuetudinem mutat ventura formido».

Его тяжелые колебания и конечное решение отступить были продиктованы не столько страхом за собственную жизнь, сколько сознанием ответственности за будущее державы гуннов. Атилла изменил своему обыкновению (*consuetudinem mutat*) завоевывать и отказался от легкой добычи — распростертой перед его полчищами Италии. В отличие от эпического Ахилла, решительно и неотступно шедшего навстречу своему уделу — ранней смерти в бою, Атилла предпочел отсрочить исполнение приговора Судьбы.

Поступок Атиллы согласуется с древними представлениями о судьбе как необходимости. Эти представления, как пишет В. М. Карев «несли и определенную этическую нагрузку, оставляя индивиду некоторую возможность выбора, возможности отодвинуть либо, наоборот, приблизить роковое сцепление обстоятельств»¹.

Осенью 452 г. вернувшись в свои владения за Тисой, Атилла потребовал от Маркиана выплаты дани, которую новый император уже год как перестал высылать. Из Константинополя пришел твердый отказ. В ответ Атилла приступил к приготовлениям к очередному, третьему вторжению в балканские провинции. Весной 453 г. приготовления к войне были завершены, как Атилла умер. Умер внезапно, в расцвете сил. Иордан, следуя Приску, рассказывает, что смерть наступила во сне, на брачном ложе. Возможно, причиной смерти был инсульт. Присутствие рядом с ним в момент смерти новобрачной — единственного свидетеля его кончины, породило вскоре легенду о смерти от руки женщины — от удара ножом², версию, скорее всего, призваную скомпрометировать память о великом воителе и завоевателе. Нельзя исключать, однако, что внезапная кончина все-таки была убийством, инспирированным Константинополем. Империя уже пыталась организовать покушение в 449 г. на Атиллу, заручившись было поддержкой начальника его дворцового караула — Эдекона (см. гл. 2). Несомненно, Маркиан был заинтересован в уничто-

¹ В. М. Карев. Судьба — Ук. соч. с. 473.

² Marc. Com. Chron. MGH AA. t. XI, v. VII, p. 86; Chronica Gallica A. DXI, p. 663: «Атилла убит» («Атилла occiditur»).

жения страшного врага, в предотвращении опустошительного нашествия.

Приск, сохранил, как кажется, намек, что император ждал смерти Атиллы. В ночь его смерти, Маркиан, еще до того как получить о ней известие, будто видел во сне как лук Атиллы — знак власти и могущества гуннов, сломался.

Уже современникам не были ясны причины этой внезапной и странной по своим обстоятельствам кончины, повлекшей за собой громадные политические потрясения в Восточной Европе. Убийства Атиллы желали не только при дворе Маркиана, но и в самом его стане среди старой родовой знати, которую он с 444 г. — с убийства Бледы, продолжал нещадно казнить, было немало желавших его конца.

С этого момента всевластная Судьба стремительно направила события к закономерной катастрофе.

За великое наследство вступили в спор сыновья Атиллы — Эллак, Денгизих и Эрнак. Было решено владения отца — территории с населявшими их племенами — раздробить на несколько уделов. Против этого унижительного решения восстал Ардарих, вождь гепидов, по словам Иордана, верный сподвижник Атиллы. Гепидов поддержали остготы во главе с Велимиром, к ним присоединились другие германские племена Дакии. Смертельная опасность заставила сыновей Атиллы объединиться.

В 453 г. гепиды и остготы разгромили гуннов в битве на реке Недао в Паннонии. Пало до 30 тысяч отборных гуннских воинов и оставшихся им верными германцев (среди них достоверно были руги). По выражению Иордана, их всех сразил «меч Ардариха». Сразил он и Эллага. Старший сын Атиллы дрался мужественно и «перебил множество врагов». Ардарих захватил владения гуннов на Севере Дакии в верховьях Тисы. Держава Атиллы прекратила свое существование. Гуннское объединение распалось на несколько племенных группировок. Большинство из них было изгнано с Балкан. Иордан свидетельствует об их рассеянии в степях Северного Причерноморья, в междуречье Южного Буга и Днепра¹,

¹ Jord.: §263 «... juxta litus Pontici maris ubi prius Gothos sedisse descripsimus». Данная локализация местонахождения гуннов принадлежит Е. Ч. Скржинской.

куда их привели Денгизих и Эрнак. Очень скоро, однако, как это следует из свидетельства Иордана, происходит обратное движение гуннов на запад, в Подунавье. Эрнак занял ближайшие к причерноморской степи области Малой Скифии (Jord: §266. север Добруджи новых времен). Еще несколько племен расселилось по северным берегам Дуная в Прибрежной Дакии между Утом (Олтом) и Видином¹. В Малой Скифии Эрнак пробыл, видимо, очень недолго. Иордан сообщает, о попытке сыновей Аттилы — Денгизиха и Эрнака утвердиться в Паннонии. Гунны напали на поселившихся на ее юге остготов, которых возглавлял Велимир (Jord. § 268). Это выступление было предпринято, возможно, с согласия Константинополя в 454 г., т. е. спустя около года после гуннского разгрома на берегах Недао². Денгизих и Эрнак, юноша 17–18 лет, рано возмужавший за год испытаний, еще раз потерпели тяжелое поражение и вынуждены были отойти «в те области Скифии, по которым протекают воды реки Данапра» (Jord. §269).

Иордан четко очерчивает перемещения гуннской меж племенной группировки под предводительством Эрнака в 453–454 гг: это Северное Причерноморье между Южным Бугом и Днестром, Малая Скифия, послужившая плацдармом для похода против остготов в Паннонию и вновь Приднепровские степи, куда он отступил вместе с Денгизихом. В годы правления императора Льва (457–474) сыновья Аттилы разошлись. Денгизих двинулся обратно на Дунай, на войну с Империей. Эрнак не поддержал обреченного начинания брата. К этому времени он вел войны с местными племенами (Prisc. Frag. 36, p. 107). В приднепровских степях противником Эрнака прежде всего должны были быть акациры, покоренные Эллаком в 449 году. Денгизих потерпел поражение в 468 г. и был убит.

В 454–463 гг. по просторам степей от Волги до Днестра проходили на запад, накатывались друг на друга волны кочевых пле-

¹ Е. Ч. Скржинская. Ук. соч., с. 343, прим. 667.

² Как установила Е. Ч. Скржинская (Ук. соч., с. 346, прим. 679), война сыновей Аттилы с остготами в Паннонии произошла в год рождения сына Велимира Теодориха в 454 г. — будущего основателя остготского королевства в Италии.

мен: сарагуры, нанешие поражение акацирам в степях между Днестром и Доном, далее двигались уроги, оногуры, за ними, их преследуя, шли сабиры (Prisc. Frag. 30, p. 104). Эти орды слали посольства в Константинополь, домогаясь с ним союза и «дружбы». В этом вихре племенных миграций, походов, сражений и действовал третий сын Аттилы. Некоторые косвенные данные, например, малообъяснимые передвижения сарагуров, кажется, могут указывать на его роль. Сарагуры, покорив акациров, выступили в поход против Ирана. Пройдя Дарьял они вторглись в подвластные Сасанидам Иберию и Армению (Prisc. Frag., 37, p. 107). Эти события, вызывают правомерные вопросы, на которые фрагменты труда Приска не сохранили ответа. Почему, разбившие акациров сарагуры не закрепились в междуречье Днестра и Дона? Какая сила заставила их после этой победы повернуть вспять на юго-восток в предкавказскую степь и сконцентрироваться для похода за Кавказ? Не Эрнак ли это, занимавший к моменту перехода сарагурами Дона приднепровские берега?

В описании территориальных перераспределений между племенами, сбросившими гуннское господство в 453 г. Иордан отмечает крайнюю область, куда ушли гунны. Они «занимают свои древние места (становища)» (Jord. § 264). *Antiquae sedes* — характеристика, не подходящая к междуречью Южного Буга и Днестра, Малой Скифии, и снова к приднепровским степям — «берегам Данапра» — землям, которые гунны последовательно занимали в первые годы после изгнания из Дакии в 453 г. В сопоставлении с ними «*Antiquae sedes*» («давние места» в переводе Е. Ч. Скржинской)¹ могут находиться только к востоку от Днестра и быть хронологически наиболее поздно достигнутым рубежом. Благодаря исследованию рассказа Приска (см. главу 1) мы можем

¹ Е. Ч. Скржинская полагает, что *antiquae sedes* — это Приазовская степь. В действительности, «царские гунны» с 377 г. осели в Паннонии, а с 427 г., если не раньше, заняли междуречье Дуная и Тисы. Эти области и сделались их постоянным местобитанием в Центральной Европе. (В 408 г. видимо, их часть во главе с Ульдином действовала на Нижнем Дунае). В Приазовье «царские гунны», которых возглавляли Басих и Курсих, Октар, Мундук и Ругила, Бледа и Аттила, не проживали. В Приазовье на 434 г. засвидетельствовано присутствие акациров, представлявших собой политически рыхлый союз племен.

с уверенностью сказать, что в данном известии Иордана указана их древняя страна, которая включала просторы Саратовского Заволжья. Из этих заволжских степей в 366г. предки Эрнака — Басих и Курсих ушли в поход в далекий Иран и вскоре повели гуннские племена в причерноморские степи и далее — к берегам Дуная. На эти земли, спустя век вернулся Эрнак. Сообщение Иордана о том, что гунны после их изгнания из Дакии заняли свои давние места обитания может быть связано только с именем третьего сына Атилы.

Эрнак пришел к Средней Волге из междуречья Днепра и Дона, где он долго и успешно отстаивал свое господство. На Волге Эрнак утвердился в качестве победителя, так как под его господством, неизбежно должны были оказаться оба берега великой реки. Все годы борьбы в степях от Днепра до Волги Эрнак помнил старое прорицание (не мог его забыть!) и должен был верить в свое предназначение — восстановить могущество и славу рода Атилы. Эту задачу он осуществил на землях предков. Путь Эрнака был завершен, завершила свой круг и Судьба, чтобы начать новый. Давнее предсказание свершилось.

Библиография

Источники

1. *Агафангел*. История Армении (древнеармянский язык). Ереван, 1983.
2. *Ammianus Marcellinus*. v. I–III. The Loeb Classical Library, 1956–1958.
3. *Ausonius*. v. I–II. The Loeb Classical Library, 1951, 1949.
4. *Claudian*. Poems. v. I–II. The Loeb Classical Library, 1956.
5. Поздняя латинская поэзия. Пер. М. Л. Гаспарова. Москва, 1982.
6. *Chronica Gallica A. CCCCLII* // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi* t. IX, v. I. Berlin, 1961. (ed. n.).
7. *Consularia Constantinopolitana* // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi* t. IX, v. i. Berlin, 1961. (ed. n.).
8. *Григорий Турский*. История франков. Перевод В. Д. Савуковой. Москва, 1987.
9. *Егише*. О Вардане и армянской войне (древнеармянский язык). Ереван, 1989. (Русский перевод: Егише. О Вардане и войне армянской. Пер. И. А. Орбели. Ереван, 1971).
10. *Hydatius Lemicus* — *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi*, t. XI, v. II. Berlin, 1961.
11. *Jérôme (Saint)*, Correspondance. Paris (Les Belles Lettres), t. III. *Lettres LIII–LXX*, 1953.
12. *Joannis Antiocheni fragmenta*. // *C. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum*. Paris, 1868, v. IV.
13. *Jordanes*. *Getica*: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica». Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. Санкт-Петербург, 1997 (изд. 2-е).

14. *Лазарь Парпеский*. История Армении, древнеармянский язык. Ереван, 1984. (Переводы: Lazare des Pharbe. Histoire d'Arménie//Collection des Historiens de l'Arménie. trad. par. V. Langlois. Paris, 1869, t. 2. The History of Lazar Parpesci. Translated by Robert W. Thomson. Scholars Press. Atlanta. 1991).

15. *Marcellini V. C. comitis Chronicom* // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum t. XI, v. II (pp. 60-104). Berlin, 1961. (ed. n.).

16. *Olympiodorus*. Fragmenta// C. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum. Paris, 1868, v. IV.

17. «История» Олимпиодора. (Перевод, статья, примечания и указатели) Е. Ч. Скржинской. //Византийский временник, 1956, VIII.

18. *Orose*. Histoire. Paris (Les Belles Lettres), 1990–1991, t. I–III.

19. *Павстос Бузанд*. История Армении (древнеармянский язык). Ереван, 1987. (Русский перевод: *Фавстос Бузанд*. История Армении. Ереван, 1953).

20. *Paulus*. — // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum t. II Berlin, 1961. (ed. n.).

21. *Philostorgius*. Ecclesiasticae Historiae // J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca. 1858. t. 65.

22. *Priscus Panites*. Historia Byzantina (Fragmenta) // C. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum. Paris, 1868, v. IV (p. 70–110).

23. *Г. С. Дестунис*. Сказания Приска Панийского// Ученые записки Второго отделения императорской Академии наук. Кн. VII, вып. I. СПб., 1861.

24. *В. В. Латышев*. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. //Вестник древней истории. 1948, № 4.

25. *Prosperi Tironis Epitoma Chronicon*// Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum t. IX, v. I. Berlin, 1961. (ed. n.).

26. *Sidonius*, Poems and letters, v. 1–2. The Loeb Classical Library, 1959–1963.

27. *Socratis Scholastici Historia Ecclesiastica*//J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca. t. 67.

28. *Sozomenus*. Historia Ecclesiastica//J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca. t. 67.

29. *Tacitus*. Annals. V. 3–4. The Loeb Classical Library, 1956.

30. *Цицерон*. Философские трактаты, М., 1985.

31. *Zosimus*. Historia nova: *Zosime*. Histoire nouvelle. Paris, 1973–1989, Vol. I–III. (texte établi et traduit par. Fr. Paschoud).

Литература

32. *М. Абеян*. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975.

33. *Н. Адонц*. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971, (Изд. 2-е).

34. *М. И. Артамонов*. История хазар. Л., 1962.

35. *А. Н. Бернштам*. Очерк истории гуннов. Л., 1951.

36. *С. И. Варуценко, А. Н. Варуценко, Р. К. Клизе*. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М., 1987.

37. *А. В. Гадло*. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Ленинград, 1979.

38. *В. П. Горан*. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск, 1990.

39. *Л. Н. Гумилев*. Гунны // Советская Историческая Энциклопедия Т. 4.

40. *Л. Н. Гумилев*. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960.

41. *Л. Н. Гумилев*. Некоторые вопросы истории хуннов. // Вестник древней истории, 1960, №4.

42. *Л. Н. Гумилев*. Хунны в Азии и Европе. // Вопросы истории, 1989, № 7.

43. *А. Я. Гуревич*. Средневековый мир: культура безмолствующего большинства. М., 1990

44. *А. Я. Гуревич*. Категории средневековой культуры. М., 1972.

45. *Р. Гюнтер*. Упадок рабовладельческого общества на Верхнем Дунае. // А. Р. Корсунский, Р. Гюнтер. Упадок и гибель Западно-Римской империи и возникновение германских королевств. Москва, 1984.

46. *Л. А. Ельницкий*. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.

47. *И. Е. Ермолова*. Общественный строй гуннов последней четверти IV — начала V вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1982, Москва, 1984.

48. *И. П. Засецкая*. Гунны в Нижнем Поволжье. // Древняя и Средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.

49. Каспийская экспедиция К. М. Бэра 1853–1857 гг. Дневники и материалы. // Научное наследство. Т. 9. Л., 1984.

50. *В. М. Карев*. Судьба — Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.

51. *С. Г. Кляшторный*. Гуннская держава на Востоке (III в. до н. э. — IV в. н. э.) // История древнего мира. [Кн. 3] — М., 1982.

52. *Ю. К. Колосовская*. Среднее Подунавье в I–V вв. н. э. // История Венгрии. Т. 1. М., 1971.

53. А. Р. Корсунский. Гунны и Западная Римская империя // А. Р. Корсунский, Р. Гюнтер. Упадок и гибель Западно-Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.
54. И. Т. Кругликова. Дакия в эпоху римской оккупации. М. 1955.
55. Л. Е. Куббель. Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Эпоха классовобразования, М., 1988.
56. А. А. Кудрявцев. Древний Дербент. М., 1982.
57. Ю. А. Кулаковский. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000.
58. Г. Л. Курбатов. Восстание Прокопия (365–366). // Византийский временник, XIV, 1958..
59. А. Ф. Лосев, История античной эстетики, М., 1963.
60. А. Ф. Лосев, Гомер. М., 1960.
61. С. И. Лурье. Геродот. М. 1947.
62. Р. Л. Манасерян. Приск Панийский и Павстос Бузанд о походе гуннов в Мидию // Христианский Восток. 2002. Т. 4 (X), Москва, 2006.
63. Р. Л. Манасерян. Европейские гунны и Ближний Восток. Ереван. 2011.
64. Г. Е. Марков. Кочевники Азии.. Структура хозяйства и общественной организации, М., 1976.
65. Е. Е. Неразик. Предки таджикского народа в IV–V вв. н. э. //История таджикского народа. Т. 1. М., 1963.
66. В. Б. Никоноров, Худяков Ю. С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб., 2004.
67. Нижнее Поволжье. Физико-географическое описание. М.-Л., 1948.
68. Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв., М., 1970.
69. А. И. Першиц. Война // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Москва, 1986.
70. Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. Москва-Ленинград, 1941.
71. А. М. Ременников. Военное искусство племен Подунавья в эпоху войн с Римской империей (IV в. н. э.). ВДИ, 1970, № 2.
72. Сарпинские озера // Большая Советская Энциклопедия. 1975. Т. 22.
73. В. Т. Сиротенко. Взаимоотношения гуннов и Римской империи. // Ученые записки Пермского государственного университета, Т. 12. Вып. 4. 1959.

74. Е. Ч. Скржинская. Статья, примечания // «История Олимпиодора». Перевод. Византийский временник, 1956, № VIII.
75. Е. Ч. Скржинская. Вступительная статья, перевод, комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997.
76. Е. К. Суворов. Поездка по системе Сарпинских озер. // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 45. Вып. 7, 1909.
77. К. В. Тревер. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV–VII вв. (К истории народов Средней Азии) // Советская археология, XXI, 1954.
78. З. В. Удальцова. Развитие исторической мысли. // Культура Византии. IV— первая половина VII вв. М., 1984.
79. З. В. Удальцова. Дипломатия ранней Византии в изображении современников // Культура Византии IV — первая половина VII вв. Москва, 1984.
80. А. М. Хазанов, Роль рабства в процессах классовобразования у кочевников евразийских степей //Становление классов и государства. М., 1976.
81. Е. М. Штаерман, Марс — Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982
82. А. В. Шнитников. О находках живых рыб в донных отложениях сухих озер // Озера Нижнего Поволжья и Арало-Каспийской низменности. Лаборатория озероведения. АН СССР. Труды. Т. XIV, М.-Л., 1961.
83. В. П. Шушарин. Венгерские племена до прихода в Среднее Подунавье. История Венгрии. Т 1. М., 1971.
84. F. Altheim. Histoire d'Attila et des Huns. Paris (Payot), 1952.
85. E. Barker. Italy and the West, 410–476. // The Cambridge Medieval History. 1924, v. I.
86. J. B. Bury. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 AD to 800 AD). Amsterdam, 1966, v. I.
87. B. Croke. Anatolius and Nomus: Envoys to Attila. // Byzantinoslavica, Prague 1981, XLII (2).
88. R. Frye. The History of Ancient Iran. München, 1984.
89. E. Gibbon The Decline and Fall of the Roman Empire. L. (Word sworth: classics of World Literature. 1998.
90. C. G. Gordon. The Age of Attila. Fifth-Century Byzantium and the Barbarians. New York. 1960 (1993).
91. R. Grousset. L'Empire des Steppes. Attila. Gengis-Khan. Tamerlan. Paris (Payot), 1948.
92. R. Grousset. Histoire de l'Arménie des origines à 1071. Paris (Payot), 1973 (Ed. 2.).

93. *L. Halphen*. Les Barbares. Des grandes invasions aux conquêtes turques du XIe siècle. Paris, 1948.

94. *P. Heather*. The Fall of the Roman Empire. A New History, London, Oxford, (Pan Books), 2006.

95. *A. H. M. Jones*. The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964 (Repr. 1990).

96. *J. Marquart*. Ēranšahr nach Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Berlin, 1901.

97. *O. Maenchen-Helfen*. The World of the Huns: Studies in Their History and Culture. Berkeley, 1973.

98. *T. Nagy*. Reoccupation of Pannonia from the Huns in 427. (Did Jordanes use the Chronicon of Marcellinus comes at the writing of the Getica?) // Acta Antiqua, t. XV, Budapest, 1967.

99. *P. Riché, Ph. Le Maitre*, Les invasions barbares Paris, 1991,

100. *L. Schmidt*. Attila // The Cambridge Medieval History, 1924, v. I,

101. *L. Schmidt*. The Visigoths in Gaul — The Cambridge Medieval History, 1924, v. I

102. *O. Seeck*. Attila // Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, II,2, 1896, col. 2241–2247.

103. *O. Seeck*. Basich // Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, III, I, 1897, col. 41.

104. *E. A. Thompson*. Attila and the Huns. Oxford, 1948.

105. *E. A. Thompson*. The Huns. Revised and with an afterword by Peter Heather. Oxford (Blackwell Publishers), 1999.

Сведения об авторе

Рубен Левонич Манасерян (г. р. 1956, г. Ленинград) — доктор исторических наук (1998), ведущий научный сотрудник Института востоковедения Академии наук Армении. Область исследований — международные отношения эпохи позднего эллинизма, политика Римской империи на Востоке (идеологические, правовые аспекты и др.).

Оглавление

Предисловие.....	5
<i>Глава 1. Приск Панийский и Павстос Бузанд о походе гуннов в Мидию. Вопросы истории гуннов в канун их миграции в Причерноморье и Подунавье.....</i>	6
Поход гуннов в страны Восточного Средиземноморья в 395 г.	9
Рассказ Приска Панийского и рассказ Павстоса Бузанда.....	17
Голод (λιμός).....	24
Война.....	26
Вожди Басих и Курсих.....	27
Озеро.....	34
Страна гуннов.....	38
<i>Глава 2. План Аггилы по нападению на Иран и сношения гуннов в 449 г. с Васаком Сюни, марзпаном Армении.....</i>	43
<i>Глава 3. Поход Аггилы в Италию: Аггила и Судьба.....</i>	72
Библиография.....	109
Сведения об авторе.....	115

Манасерян Рубен Левонович ГУННЫ В ОТНОШЕНИЯХ С БЛИЖНИМ ВОСТОКОМ И РИМСКИМ ЗАПАДОМ

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Е. Г. Орловский*
Корректор *Д. Ю. Былинкина*

16+

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 86 А, оф. 536
Тел. +7-921-951-98-99, Савкина Татьяна Михайловна,
+7-911-820-22-47, Галина Михайловна, склад

Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru
Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99
www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

в Киеве:

«Книжный бум», книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8.
Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Barona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/8. Усл. печ. л. 7,4. Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ №135531

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:

НОВАЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Э. Г. ЖОРДАНИЯ

ВИЗАНТИЙСКИЙ
ПОНТ
И ГРУЗИЯ

НОВАЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

